

КОРОБЕЙНИКОВСКАЯ ИКОНА КАЗАНСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

*При взгляде на изображения святых икон Божией Матери
сердце исполняется благодарностью и умилением...*

*Прошло почти два тысячелетия после Ее благодатного успения,
но не прекращаются знамения Ее могущественного и милостивого ходатайства за нас.
Она всех слышит, о всех милосердствует, никого не оставляет без помощи.
Как бы ни были велики твои грехи, но если случится какая беда, несчастье, –
смело прибегай под покров Богоматери,
и она, Заступница усердная, защитит тебя от всякого зла.*

Чудотворные иконы, то есть несущие в себе особую Божественную благодать, способную исцелить человека, спасти целый народ, известны с I века нашей эры. Такой же святыней для России стала и Казанская икона, обретенная в конце XVI века, после взятия царем Иоанном Грозным Казани. Первые чудеса от этой иконы описаны святым Патриархом Московским и всея Руси, тогда еще митрополитом Казанским Ермогеном...

Нередко мы можем услышать, что Русь – земля Пресвятой Богородицы и находится под Ее Святым Покровом. С большой любовью и благоговением наши предки строили храмы в честь Ее святых икон. Казанская икона – одна из наиболее чтимых, и не удивительно, что только на Алтае на рубеже XIX–XX столетий было более 300 Богородице-Казанских храмов и среди них каменная церковь в с. Коробейниково, построенная в 1910 году. Храмовый образ Божией Матери, как и сам храм, поражал своим величием всю округу. Божия Матерь была изображена в пурпурном одеянии с

благословляющим Богомладенцем на золотом фоне с мозаичным обрамлением.

В 1938 году храм разорили – его пытались разрушить, но кладка была настолько крепка, что летели только искры, а стены были незыблемы. Все иконы вынули из дорогих риз. По воспоминаниям очевидцев, ризы продали за границу, а иконы уничтожили или использовали для хозяйственных нужд. Некоторым жителям удалась несколько икон разобрать по домам. Сейчас, возвращенные благочестивыми жителями, они находятся в храме.

Вероятно, особое почитание главной храмовой иконы и определило то, что ее преследовали особо. Известие о том, что храмовую икону ликом вверх бросили вместо половой доски в превращенной в зерносклад церкви, разнеслось по всей округе. О том, как была спасена храмовая икона, мы узнали из многочисленных преданий, которые собирали верующие люди в с. Коробейниково, в Барнауле, Бийске, с. Нижнеозерном (в 7 километрах от Коробейниково – ред.). Именно здесь и жила хранительница иконы Ольга Гавриловна Перегудова.

Ольга ослепла от оспы в три года. Оставшись сиротой, она жила со старшими родны-

ми сестрами, которые научили ее молиться. Молитва стала для юной, а затем и взрослой Ольги главным занятием и смыслом жизни. Она не могла и часа прожить без беседы с Богом, Божией Матерью и святыми угодниками, прекращая молиться только на время короткого сна. Ее смирение, простота, незлобие, молитвенность получили глубокое уважение сельчан. К Олюшке Темной – как звали ее односельчане – люди приходили с просьбой помолиться о них, справедливо считая, что молитва чистой души благочестивой страдальницы быстрее достигнет престола Божия.

В 1936 году последнего священника, слу-

жившего в Казанском храме в с. Коробейниково, отца Романа по приказу НКВД угнали по этапу, а в 1938 году храм окончательно закрыли и разграбили.

И вот однажды снится благочестивой Ольге сон. Божия Матерь ей говорит: «Оля! Возьми Меня, Меня топчут.»

– Божия Матерь! Как я возьму? Я ведь слепая, – отвечает Оля.

– Скажи людям!

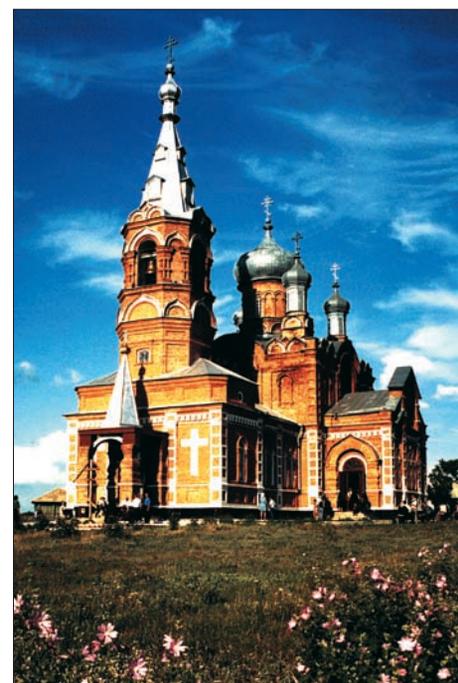
Проснувшись, Оля до утра молилась, а утром сказала об этом племяннице.

– Ты что? Там же сторожа, – отказалась племянница.

стал. Когда принесли икону домой, она была вся затоптана грязью. Вдруг Ольга услышала от иконы голос: «Наклони Меня на левую руку, а правой обмой».

Она так и сделала с помощью женщин, которые подавали и меняли воду. Когда обмыва-

Храм Казанской иконы Божией Матери села Коробейникова до и после восстановления

На следующую ночь Ольга опять видит сон, в котором Божия Матерь говорит: «Скажи чуждым (то есть чужим)!»

Ольга до утра не спала, молилась. Утром приходит бойкая, смелая соседка, которой Оля рассказывает сон. Соседка с радостью согласилась идти за иконой. Тогда и племянница осмелела: «Идем вместе!»

Сшили мешок и пошли, сказав: «А ты, Оля, молись!»

Пришли к храму и видят, что сторожа нет, на какое-то время он вдруг отлучился. Они икону – в мешок и унесли. По селу разнесся слух, что икону украли, но расследовать никто не

Настоятель монастыря игумен Роман (Корнев)

*Галина
Любицкая перед
обновившейся
иконой Казанской
Божией Матери.
Она же –
схимонахиня
Евлогия*

ли образ, то увидели, что икону сильно истерли ногами. Верхний слой крошился, лики Богоматери и Младенца были сильно повреждены и едва различимы. На грунтовке – выбоины и царапины, а посередине иконы – щель шириной в палец. Различимы были только очи Богоматери и Младенца.

Женщины молились. Ольга со слезами причитала: «Божия Матерь! Ты за нас страдала, Ты за нас терпела, по Тебе ходили...»

И тогда все услышали от иконы голос: «Все, все согрешили!»

И вдруг из очей Божией Матери потекли слезы. Об этом в середине 90-х годов рассказывали живые свидетели свершившегося чуда. С тех пор верующие жители сел Коробейниково и Нижнеозерное стали собираться у чудного образа для совместных молитв.

Через некоторое время произошло новое чудо – обновились лики Богоматери и Богомладенца. Раньше были видны только их контуры без красок, все было в выбоинах и царапинах, а сейчас лики стали различимы.

В 1960 году Ольга Перегудова с сестрой переехала в Барнаул, где они купили маленький домик. Как свидетельствуют соседи и знавшие их люди, сестры жили в Барнауле привычной молитвенно-духовной жизнью. К Ольге Перегудовой приходили люди разные и по возрасту, и по силе веры - кого пришлет Божия Матерь. Говорят, что молитвенница наперед знала, кто и с какими вопросами к ней придет.

Прошло время, и сестра Ольги умерла. Оставшись одна, она усердно молилась Божией Матери, вопрошая: «Божия Матерь! Как мне доживать одной?»

Через некоторое время к Ольге пришли Варвара и Федор Шилкины и позвали ее к себе жить: – Мы тебя не обидим, досмотрим. Места у нас много. Живем одни.

А Ольга вдруг, улыбаясь, рассказала им, какой у них дом, сколько комнат, какие они. – А я буду жить в той комнате, где одно окно, и проживу у вас около одиннадцати лет.

Так Ольгу перевезли, икону поставили там, где она указала. В новой семье подвиж-

ница беспрестанно молилась, была простой, приветливой в общении с людьми. В дом, где теперь жила Ольга Перегудова, часто заходили верующие православные люди, и она знала, как менялся образ Божией Матери. Когда заходили люди благочестивые, (по рассказам Ольги – ред.) икона покрывалась золотыми звездочками, если неверующие – не было ни одной звездочки. Замечали, что икона меняла цвет: молились – светлела, когда занимались мирскими разговорами и суетой, то лик темнел и выражение его становилось грустным.

Федор вспоминал, что Оля видела много чудес от иконы. Так однажды во время молитвы Божия Матерь сказала Оле: «Тебе надо учиться молиться.»

Оля отвечает: «Божия Матерь! Я неграмотная, как я буду учиться?»

Божия Матерь сказала: «Придут люди и научат молиться.»

Через некоторое время к ним в дом пришли два монаха. Принесли халат с двумя карманами. В одном кармане 60 камешков. Принесли четки, в которых 100 узелков. Оля, как прочтет

Возвращение обновившейся иконы Коробейниковской Божией Матери в восстановленный храм села Коробейниково

100 раз молитву, переложит один камешек в пустой карман. Так 60 раз ежедневно, то есть шесть тысяч молитв.

– Бывало, уронит один камешек, а мы с Варварой ползаем, ищем его, – вспоминал Федор Шилкин.

В 1972 году Клавдия Владимировна Бурачевская, ткачиха меланжевого комбината, сделала из ткани цветы, которые собрала в прекрасный венок и принесла его Божией Матери в Страстную пятницу. Женщины не смогли прикрепить венок к иконе, а Федор был на заработках. Он вернулся в Страстную субботу и прикрепит венок. В Пасхальную ночь икона полностью обновилась, поверхность ее стала гладкой, изображение – четким, одеяния Божией Матери и Богомладенца засветились яркими красками.

В то время Шилкины – Варвара и Федор – боялись открыто говорить и тем более показывать икону малознакомым и незнакомым людям, приходившим к Оле. Страх, посеянный в душах людей в 30-х годах, еще жил в их сознании.

8 сентября 1977 г. Ольга умерла, прожив у Варвары и Федора десять лет, десять месяцев и

полмесяца, то есть около 11 лет, как и предсказала ей Божия Матерь. Варвара так же усердно молилась около иконы, но затем и она умерла. Федор остался в доме один. Давние его знакомые, верующие люди, просили отдать им икону, но Федору было жалко расставаться со святыней, к которой он привык. Так как старому человеку одному управляться в большом доме трудно, то Федор пригласил в помощь немолодую невестку, вдову старшего сына. Эта хозяйственная женщина навела порядок в доме, но оказалось, что она любит выпить, и к ней пошли такие же друзья. Верующие люди к Федору ходить перестали, молитвы прекратились. Федор тяжело заболел (ему было за восемьдесят), и у него появилась неотступная мысль: «Икону-то могут продать и пропить. Нужно скорее определить ее на место».

Он сказал о своем намерении своим друзьям – Клавдии Владимировне Бурачевской и церковному сторожу Федору Кривлеву, которые в ноябре 1992 года обратились к верующей женщине Галине Викторовне Любицкой, живущей близ Покровского кафедрального собора в Барнауле, с просьбой временно поставить у нее в до-

мике икону. К тому времени в Коробейниково начали восстанавливать Казанский храм, и они решили, что следует вернуть икону на место.

Галина Любицкая (В то время тайная монахиня Глафира. После того, как икону торжественно проводили в восстановленный храм, стала настоятельницей вновь образованного Барнаульского Знаменского женского монастыря. Отошла ко Господу как схимонахиня Евлогия 10 ноября 1996 года), согласившаяся взять икону, видела этот образ Божией Матери еще в 60-х годах. Когда она с Клавдией Бурачевской и Федором Кривлевым приехала за иконой, то с удивлением сказала: «Это не та икона – так разительно было ее преображение.»

На что Федор Шилкин ответил: «Другого образа в нашем доме и не было.»

Чудеса от обновившегося образа Божией Матери продолжались и в доме монахини Глафиры. Ежедневно потоком шли люди поклониться иконе. Достойным, благочестивым икона показывалась в чудном виде. Например, женщина из церковного хора увидела Божию Матерь живой и стоящей на облаке. В феврале 1994 года молодая, красивая, модно одетая женщина не смогла пройти дальше порога, испуганно сказав, что ее не пускает какая-то сила.

Весной 1993 года к иконе Божией Матери приехала из Бийска пожилая женщина Вера со своим сыном Сергием. Они были беженцами из Киргизии, где также посещали храм Казанской иконы Божией Матери. Горячо и слезно, преклонив колени, они молились пред чудотворной Коробейниковской иконой и о чем-то усердно просили. Вот именно их и избрала Божия Матерь на дальнейшее служение в Своем Коробейниковском храме. Сергей, он же иеромонах Серафим, с 1994 по 1997 г. был наместником Богородице Казанского Коробейниковского монастыря, а его мать Вера – псаломщицей в храме.

В июне 1994 года наступило время возвращения обновившейся чудотворной иконы Божией Матери в восстановленный храм в с. Коробейниково Усть-Пристанского района – время открытого почитания Заступницы Алтая. 29 июня барнаульцы прощались с иконой Казанской Божией Матери.

Начало Крестного хода было торжественным и волнующим. Большую, почти в чело-

веческий рост, икону Божией Матери, украшенную венками из живых цветов, укрепили в открытой легковой машине. Ее сопровождали священнослужители Барнаульской епархии, далее следовали автобусы с паломниками.

Большое количество народа с церковными песнопениями, цветами, зажженными свечами встречало икону в городе Новоалтайске и селе Троицком. Далее крестный ход с Казанской иконой Божией Матери проследовал в Успенскую церковь города Бийска. Не описать, какой теплый прием иконе Божией Матери был оказан в Бийске. Трудно было не заметить волнения священников, со слезами и с коленопреклонениями встречавших святой образ. Далеко за полночь в Успенской церкви не смолкали славословия в честь Пресвятой Царицы Небесной.

Чудотворная икона Царицы Небесной посетила многие уголки Алтайского края – города и села, через которые везли Ее образ в Коробейниково. Она милостиво принимала всех, с умилением притекающих к Ее образу. В Петропавловском районе к крестному ходу присоединились Алтайские казаки, которые принимали участие в сопровождении чудотворного образа.

Великолепный, с блистающими крестами на куполах стоял храм села Коробейниково в ожидании своей Царицы. Непостижим промысел Божий! К этому времени дивным образом восстановился храм – директор военного завода города Бийска Александр Карпов охотился в пойме реки Обь, неподалеку от Коробейниково, и зашел в заброшенный храм. Господь коснулся его сердца, и с той поры храм восстанавливался на средства этого предприятия. 3 июля 1994 года, ровно через 90 лет после строительства, храм был вторично освящен епископом Барнаульским и Алтайским Антонием (2001). Накануне освящения и прибыла в храм обновленная икона, проделав путь почти в полтысячи километров.

Сейчас в Коробейниково действует Богородице Казанский мужской монастырь. Икона стала чтимой святыней обители. По Благословению Его Святейшества Патриарха Московского и всея Руси Алексия II установлен и день ее особого почитания – первое воскресенье июля.

Константин ФИЛАТОВ

КРЕСТНЫЙ ХОД К ИКОНЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ КАЗАНСКОЙ КОРОБЕЙНИКОВСКОЙ

Надо особо сказать о Крестном ходе к иконе Божией Матери Казанской Коробейниковской, покровительнице земли Алтайской, празднование которой отмечается в первое воскресенье июля. В первый раз Крестный ход был проведен в 1999 году. Его организатором стало алтайское православное молодежное движение «Свет», после чего Крестный ход в село Коробейниково совершается ежегодно. В первый Крестный ход пошли сорок восемь человек. Потом каждый год количество участников удваивалось, и теперь вот уже несколько лет по промыслу Божию в Крестный ход собирается около шестисот человек. Более половины – молодежь.

Каждый год Крестный ход отправляется в последнее воскресенье июня после совершения ранней Бо-

жественной Литургии и благословения Владыки Максима, епископа Алтайского и Барнаульского, от Покровского собора г. Барнаула по маршруту: Барнаул–Шадрино–Калманка–Чистюнька–Алейск–Усть-Пристань–Елбанка–Коробейниково.

В Крестном ходу к иконе Божией Матери Казанской Коробейниковской принимали участие верующие из Барнаула, Санкт-Петербурга, Москвы, Пскова, Дивеево, Омска, Томска, Кемерово, Нефтеюганска, Новосибирска, Красноярска, Иркутска, Владивостока и множества городов и сел Алтайской епархии. С 2008 года Крестный ход к иконе Божией Матери Казанской Коробейниковской имеет статус Всероссийского.

Крестный ход – это действенное свидетельство истинности веры. Каждый человек в своей жизни несет Крест.

На привале.
Полевая кухня

Верующий человек идет путем скорбей и болезней, старается принимать все, что с ним происходит как от Бога. Святой преподобный Серафим Саровский сказал, что цель жизни православного человека – стяжание Благодати Святого Духа. Большинство из нас – люди немощные, поэтому нам стяжать в повседневной жизни ее трудно. По Божьей милости, в Крестном ходе есть возможность потрудиться духовно и получить отблеск этой благодати.

Крестный ход имеет великое значение для жизни человека, для укрепления веры. Идет человек Крестным

ходом, чтобы физической усталостью заглушить греховную усталость души, несет свою боль и молится о себе, о прощении собственных грехов. И эта личная молитва нескольких сот человек сливается в молитву соборную, становясь некоей вехой духовного пути каждого.

В Крестном ходу зримо ощущается, как появляются первые крохотные ростки соборности. По определению митрополита Иоанна (Снычева), соборность – это единство народа в исполнении христианского долга и самопожертвовании,

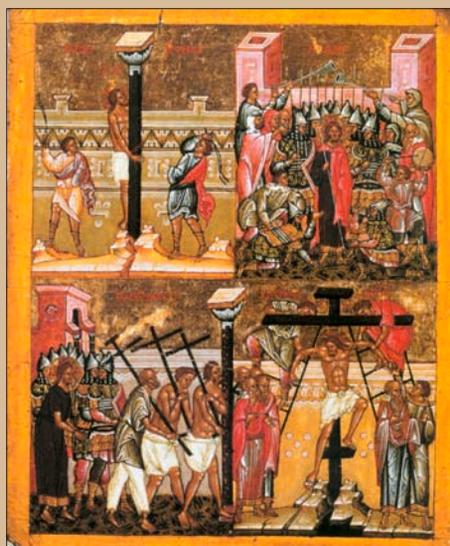
О КРЕСТНОМ ХОДЕ

Что такое Крестный ход? Это духовное делание. Многотрудное и немногословное, молитвенное делание в сочетании с целеустремленным путешествием к тому или иному святому месту или к христианской святыне. Например, к Чудотворной иконе. Почему пешком, преодолевая себя, испытывая порой экстремальные трудности в пути?

Странствие или путешествие всегда предполагают трудности, материальные и другие лишения, но это делается ради чего-то, например во имя науки. Активный отдых, туризм или спортивные занятия имеют другую, тоже вполне определенную цель – это испытание и преодоление себя. Но ограничения и трудности материального характера могут способствовать и духовно-нравственному росту – если они терпеливо преодолеваются во имя веры. Это то, чем Крестный

ход коренным образом отличается от всех других «экстримов».

Кто из нас не грешен? Кто из нас не совершал поступков против совести? Сколько энергии мы повседневно тратим на греховные и не нужные для нашей души дела, похода, привычно, даже не замечая этого?

Страсти Христовы Новгород. XVI век

Преодолевая трудности, понуждая себя на пути к святыне с постоянной молитвой, мы просто возвращаем свой долг и очищаемся нравственно силой Господа нашего Иисуса Христа. (силой Бога и ради Бога)

Крестный ход олицетворяет собой и отражает в себе в сжатом во времени и пространстве весь наш предыдущий земной путь. Вот почему часто дети идут так легко, по сравнению со взрослыми. Чем больший груз греховных деяний, слов и помыслов несет на себе паломник, тем ему труднее. И тем полнее, глубже раскаяние – этому способствует Крестный ход. Он не панацея от греха, как не может быть панацеей от болезней скальпель. Но это весьма действенный инструмент раскаяния для верующего православного человека. Крестный ход через физическую немощь и боль обостряет нравственные чувства, срывая коросту с очей внутреннего зрения. И мы начинаем лучше видеть себя в истинном свете и реальности.

Крестный ход – это олицетворение земного пути Иисуса Христа...

в стремлении посылно приблизиться к Богу, «обожить-ся», «освятиться», воплотить в себе нравственный идеал Православия.

Из Барнаула выходит плохо управляемая толпа, которую трудно было построить по три человека в колонну. После того, как обычно перед городом Алейском участников слегка побьет градом, видно, как люди смиряются. К концу Крестногохода уже слышится обращение «брат», «сестра» и видно, что это идет из сердца, нелицемерно. Именно в Крестномходе начинаешь понимать, откуда появляется духовная близость – от того, что мы все причащаемся из одной Чаши во время Божественной Литургии. Мистически эта Чаша единая для всех христиан. Поэтому часто бывает, что, встретив где-то абсолютно незнакомого человека - верующего христианина, ощущаешь его братом или сестрой. Часто люди сетуют на то, что в браке между супругами нет духовной близости. Оказывается, ее можно «заработать», стяжать, пройдя не однажды Крестнымходом к какой-нибудь Святыне.

Чем ближе крестоходцы подходят к с. Коробейниково, тем серьезнее и светлее становятся лица, тем глубже и сосредоточеннее молитва, теплее отношения, благодатная радость переполняет сердца и чувствуется приближение в Святыне, ради встречи с которой сотни паломников претерпели палящий зной, проливной дождь,

град, стертые до крови ноги, неудобства и неустроенность быта. Невозможно сдержать слезы, когда под колокольный звон видны сверкающие кресты на куполах величественного храма и движущийся навстречу Крестныйход, пришедший из г. Бийска. Участники Крестногохода заполняют храм. Служится молебен, а затем все поют «Царице моя преблагая...». Взрослые мужчины обнимаются и плачут: «Дошли!» Каждый приносит Богородице свое изболевшее, исстрадавшееся сердце, почти все не могут сдержать слез, а Богородица тихо и печально, как живая, смотрит с иконы на своих детей.

КОНСТАНТИН ФИЛАТОВ

Фотографии из архива первых крестныхходов

Самый первый Крестныйход в истории человечества – путь Господа нашего Иисуса Христа на Голгофу, когда он нес Свой Крест, на котором Его должны были распять. Крестныеходы были при Иоанне Златоусте (VI век), и дальнейшее распространение получили при греческом императоре Юстиниане (VI век). В России, по данным справочника «Православные русские обители» 1910 года, в 171 монастыре совершалось 505 ежегодных Крестныхходов. Крестныйход – это массовое богослужение, когда храмом становится вся природа; небо – купол, а человек – пламенеющая свеча к Богу. В начале Крестногохода несут лампаду, символизирующую пламень веры, Свет Христов, за ним Крест. Он показывает, что нам всем на земле предназначен свой Крест, и Россия тоже несет свой Крест. Идущий клирос – ангельское пение. Над головами – святые на иконах и хоругвиях. Символически Крестныйход – это Христово ополчение, воинский строй, только духовный. Поэтому ад трепещет, когда дви-

жется с молитвой Крестныйход – совершается духовная битва.

Советская власть запретила Крестныеходы, надеясь разрушить духовность народа. И, чтобы укрепить коммунистическую псевдорелигию, дважды в год устроила праздничные демонстрации – как демоническую пародию на Крестныеходы (демонстрация - «демон» плюс «страгос», что в переводе с греческого – видение, получается «демоническое видение»). Флаги заменили хоругви, портреты «вождей» были поставлены вместо икон, а лозунги партии КПСС скандировались вместо соборных молитв ко Господу.

С юбилейного 1988 года началось возрождение традиционных Крестныхходов в России. В честь 1000-летия крещения Руси был Крестныйход прошел через всю Россию, свидетельствуя, что жива вера в народе, что возрождается Святая Русь. Особенно яркое событие – Крестныйход с мощами святого преподобного Серафима Саровского в 1991 году. В наше время был совершен об-

лет границ России на самолете с Крестом, иконами и святынями. Это совершилось для того, чтобы нас всех, находящихся внутри границы, вручить особенному попечительству Божию. В 2008 году состоялся Крестныйход «Под звездой Богородицы», участники которого шли из Владивостока, Якутска, Барнаула, Архангельска, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Иерусалима и Афона.

Крестныйход – это часть православной русской культуры и традиции. Его возрождение идет с низа от народа, потянувшегося к своим истинным истокам и корням. Он получил новый сильнейший и неожиданный импульс внутри нашей современной технократической цивилизации. И это в то самое время, когда мы уже почти забыли, что такое ходить пешком!

Бог воочеловечился в лице Христа, чтобы люди обожились. Он предложил нам Крестныйпуть – дорогу преодолений, подвига и Славы Божией. Мы выбираем его.

Ольга Филатова

ПОД СЕНЬЮ

ХОРУГВЕЙ

ОЛЕГ ГАРМС.
ФОТОРЕПОРТАЖ КОНСТАНТИНА ФИЛАТОВА

БАРНАУЛ – ШАДРИНО

26. 06.

Ранняя служба в Покровском соборе Барнаула. Собор полон, все торжественно, раннюю литургию служит Владыка Максим. А во дворе уже с семи часов полным ходом идет погрузка вещей паломников в закрытый трехосный КАМАЗ. Пасмурно и даже прохладно, время от времени редкий дождичек. Множество людей не только в храме, но и вокруг него. Пока трудно отличить паломников от провожающих. Чувствуется волнение – на лицах, в словах, заметна особая сосредоточенность – впереди долгий путь. Суеты нет. Под торжественное пение в храм занесут хоругви, все расступаются, и они оказываются в центре внимания собравшихся.

Одна из больших хоругвей, с ликом Иверской Богородицы с одной стороны и Святого Николая Чудотворца

с другой, оказывается рядом со мной. Она в руках мальчика, которому явно не по силам. Вот бы понести! В тот же момент один из организаторов Крестного хода выкликает желающих потрудиться во имя Пресвятой Богородицы. Так мне повезло, и ко мне попала хоругвь, которую я уже не выпущу из своих рук в пути от Барнаула до Коробейникова.

Грянули колокола, и все девять хоругвей под благовест потекли из храма на улицу, прямо под струи тут же начавшегося дождя. Склоняясь и шелестя мокрой листвой, нас провожают, как родных, гигантские тополя.

Колонна выстраивается по три человека в ряд. Впереди фонарь с горящей свечой внутри. За ним большой крест. За крестом идут первые три хоругви фронтом, за ними шесть по две в ряд, в центре, образованном ими, движется изображение иконы Казанской Коробейниковской Богородицы. Так вместе с нами, впереди всей колонны, Заступница земли Алтайской прошла весь Крестный путь.

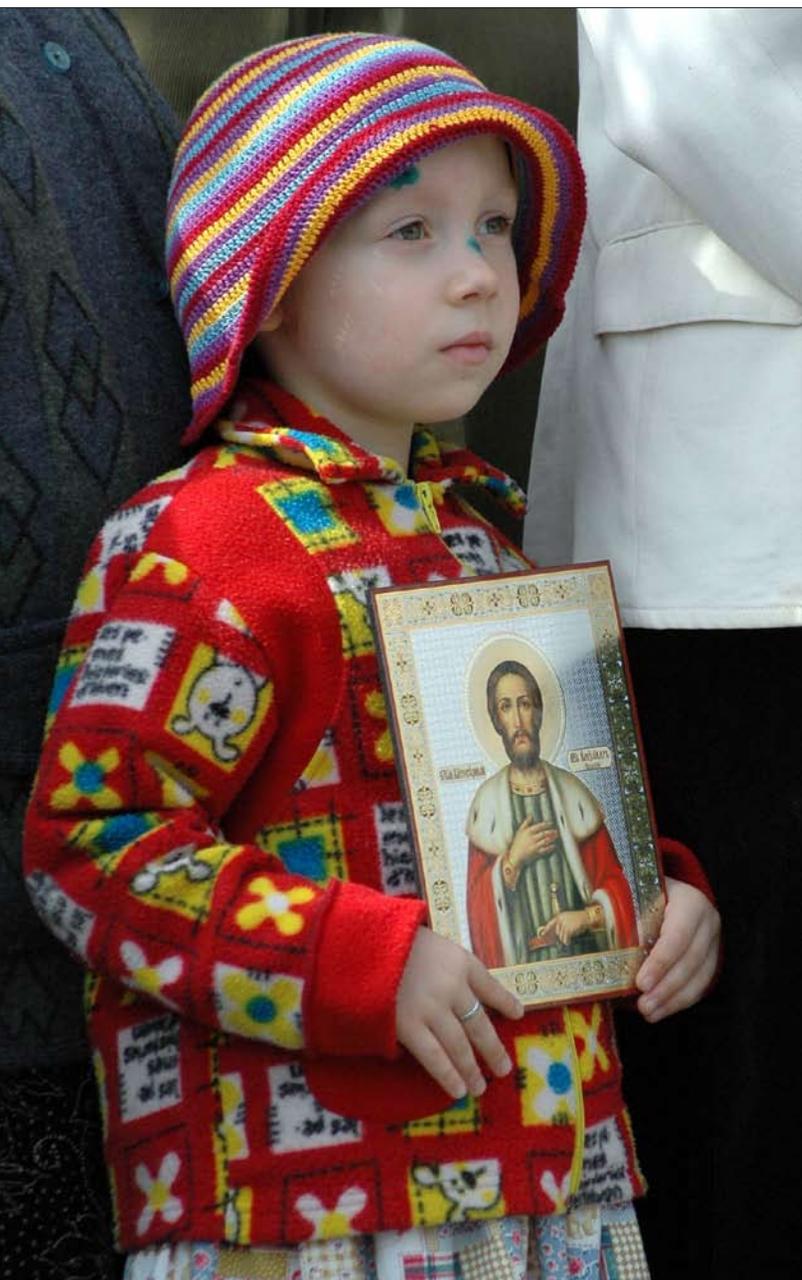
С небольшим отрывом от группы хоругвей идет клир – хор певчих из воспитанниц регентского отделения Барнаульского духовного училища. За ними вытягивается вся колонна паломников. В центре колонны – огромное изображение Спаса Нерукотворного. Его несут двенадцать мужчин, меняясь по четыре.

Движение транспорта остановлено. Колонна огромная – много провожающих. Какой-то дедушка, весь седенький, забегает вперед и крестится на хоругви, по щекам текут слезы радости и капли дождя, белые волосы развеваются на ветру. Не в силах более угнаться за колонной, он останавливается и как-то горестно-медленно отдалется от нас.

Вступаем на Змеиногогорский тракт. Теперь до самого Алейска он будет нашей земной путеводной нитью, и одновременно невероятным испытанием всех физических и душевных сил, нашей духовной крепости.

Наш путь идет на юг по слабоволнистой степи Приобского плато в нескольких километрах от самой Оби. Местами он пересекает более глубокие увалы и ложбины небольших речек, или давно сухие долины древнего стока, по которым некогда текли потоки ледниковых вод.

Испытанием первого дня был порывистый ветер. Приятный для большинства паломников, он пытался вырвать у нас из рук тяжелые хоругви. Воздушные шквалы, налетая раз за разом с неожиданной стороны и становясь затяжными на гребнях увалов, выкручивали руки. Хоругвь при этом превращается в мощный парус, а ты сам в живую мачту, которая пытается удерживать его на месте в правильном положении – ликом

Команда строиться снова приводит всех в движение, и борьба с ветром и усталостью продолжается. Монотонно ползущий под ногами асфальт, бегущие в небе тучи, брызги ошалело промчавшегося мимо дождя, снова шквал с выкручиванием рук на вершине очередного гребня, полоскание хоругви на ветру – все сливается в мелькание сплошного калейдоскопа бесконечного напряжения и усталости. Вдруг с одного из последних гребней увалов перед Шадрино, слева от дороги, на горизонте, просияла широкая лента Оби – единственный, кажется, незаблываемый объект в этой движущейся, до последней измотанной ветром травинки, природе.

В начале шестого подошли к Шадрино. Часть путешественников расположилась на ночлег в гостеприимной Шадринской школе, а другая часть – в своих палатках на стадионе за школой. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!

Поставил свою минипалатку под большим многоствольным вязом редкостной для этого дерева высоты, на самом краю стадиона, примяв целую куртину сочной лебеды. Так что расположился, можно сказать, на «лебединой» лужайке под сенью гостеприимного вяза. Слегка перекусив, сделал заметки в записной книжке – и растворился.

Время от времени сквозь сон слышался гул нашего лагеря, отдельные голоса, шуршание по тра-

Пресвятой Богородицы к колонне, а Николая Чудотворца – вперед к дороге. Снизу полотно хоругвей было связано, согласно походному порядку, и ветер превращал их в надутые купола. Так и шла наша колонна под девятью священными парусами, словно влекомая ими вперед большая ладья.

Привал на берегу небольшого озерца. По возвышенному берегу вокруг очень кстати оказалась скошенная трава. Растянуться на ней, предварительно сняв обувь, было единственным желанием.

ве чьих-то ног и краткие остроумные характеристики моей мини-палатки. Никакой музыки, телевизора, рекламы, сплетен, никто не курит, не слышно грязных, бранных слов... Сначала не мог понять: почему мне так хорошо? – Благодать.

Откуда-то наплывают сумерки, наверно, со стороны старого вяза. Смолкают отдельные вечерние возгласы птиц. Уже в ночной темноте, медленно, как подводная лодка из глубины, зачем-то всплываю из бездонного сна. Все громче и отчетливей начинаю различать звуки где-то

там высоко, на поверхности. Боже мой! Это же соловей. В абсолютной тишине уснувшего лагеря самозабвенно и сильно пел соловей. Время от времени ему аккомпанировал легкий дождик, шурша по листве и барабана по палатке. Над уставшим тихим лагерем разливался соловьиный благовест. Было радостно, и какие-то неземные силы вливались в измученное сердце. Смутно, сквозь сон, вспомнилось: «Соловьи, соловьи не тревожьте солдат...» И тут же с удивлением, уже вновь погружаясь в сон, успел заметить, что никому не мешает этот природный гимн. Он вливался в уставших паломников сквозь сон и подсознание, освящая живыми природными звуками, излечивая души, даруя силы и мужество.

Под утро грянул настоящий, но короткий дождь. Он вовсе не прервал арию соловья, – успел я подумать, отодвигаясь от небольшой лужи в палатке слева от себя, перед тем как все снова исчезло во сне. С первыми лучами солнца к арии соловья присоединилась целая компания жизнерадостных легкокрылых солистов: пеночка-теньковка, иволга, кукушка, горихвостка, белая трясогузка. Вскоре соловей умолк, уступив место дневному оркестру. Пять часов утра. Занимается очередной паломнический день, слышны уже отдельные голоса. Пора вставать.

ШАДРИНО – КАЛМАНКА

27. 06.

В восемь часов построение и выход. Покидаем гостеприимную полянку под вековым вязом за школой. До свидания, шадринский соловей. Выйдя за ограду пришкольного участка, разворачиваемся всей колонной фронтально перед директором школы и поем ему многолетие в благодарность за гостеприимство. Через несколько сотен метров на окраине села откуда не возьмись отец Михаил навстречу, улыбается, в руках пузырек со священным елеем и кисточка. Батюшка благословил и помазал всех участников Крестного хода.

Вышли на трассу: безветрие, облачность. На пригорке потянуло ветерком, стало полегче дышать. Первая остановка у села Бураново, после перехода глубокой впадины на пригорке справа от дороги. Песнопение акафиста Пресвятой Богородице Казанской. Отдых. Подошла женщина из села, принесла блины для паломников.

Вторая остановка – после моста через реку Ераску, справа по ходу у пруда. На привале все быстро разбираются компаниями. Смеются, шутят, узнают знакомых крестоходцев прошлого года и их «намоленные пана-

мы», достают из рюкзачков всякую постную снедь (идет Петров пост), жуют и запивают водой, в которую «бывалые» еще загодя набросали ломтиков лимона. Какая-то «шляпа» уже купается. Ему кричат: «А батюшка-то не благословлял!». Устраиваюсь посидеть на берегу пруда, но быстро вытягиваюсь на травке в полный рост. Отдых... Небо, коршун, травинки на ветру перед лицом, жаворонок. Глаза закрываются сами собой, и остается только жаворонок, где-то далеко-далеко...

Голос: «Берите печенье, кому печенье?». Это Отец Владимир идет по берегу среди припавших к земле путников с большим коробом в руках и раздает горстями печенье «самым кудрявым». Мне бы тоже хотелось, желательно бы еще с минералкой... Но шевелиться не хочется. Шаги Отца Владимира прошлестели где-то рядом. Вскоре команда – «Строиться! Разобрать хоругви!» Встаю и обнаруживаю перед собой изрядную горсть печенья. Голос и смех из компании, сидевшей поодаль: «Это тебе с неба упало».

Дорога, ровная, асфальтированная, ползет серой лентой, то взбирается на невысокие и редкие здесь пригорки, то спускается в духоту мелких ложбин. Впереди все время мелькают чьи-то ноги в кроссовках и в джинсах – а, это мои. Нет не мои, джинсы-то серые. Это Па-

вел, резчик по дереву из Барнаула. Он согласно построению все время идет впереди меня. Та-а-а-к, этого еще не хватало: шустрая старушка забежала вперед клира и, пристроившись в священной сени хоругвей, старательно наступает мне на пятки. Очень приятно! Еще раз большое спасибо. Это называется – искушение. Стиснув зубы, молчу – может быть, сама «искусительница» догадается, что так делать нехорошо.

Хоругвь должна быть всегда развернута лицом к дороге, но древко почему-то крутится как веретено. При этом ветерок слабый, и время от времени, не то, что вчера. Ставлю его на ремень, зажимаю обеими руками, стараюсь удержать в нужном положении. Ребята иногда сменяют друг друга, но мне нельзя – дал обет нести до конца, не выпуская. Толя, студент из АГУ, тоже не меняется. Иногда подходит кто-нибудь из мужчин и предлагает подменить. Отказываюсь. Уже к следующему дню все что-то поняли, и больше таких предложений не поступало до конца Крестного хода.

Кажется, уже нет сил. Боже мой, где же эта Калманка?! Сзади нас певчие девушки вдруг с подъемом грянули: Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою... Как отлегло от сердца: задышалось вольно, прибавилось сил. Мужской хор, несущий хоругви, под-

хватил: – ...яко Спаса родила еси душ наших. «Зловредная старушка» куда-то исчезла, древко закрепилось в руках, ноги пошли веселей.

Третья непродолжительная остановка – на 49-м километре у лесополосы, где пела красногрудая чечевица, изумляясь такому наплыву людей в пустынной местности. Снова вперед с пением. 53-й километр. Интересно, куда девалась Калманка? Наконец большой указатель повествует, что до Калманки всего-навсего 3 км, и стрелка показывает налево от основной дороги. Сворачиваем с трассы, куда показано, и останавливаемся недалеко от этого перекрестка на 7-10 минут отдохнуть, в четвертый раз за этот день. Три девушки, наверное, из опытных крестоходцев, спрашиваются у руководителя колонны Константина Филатова идти вперед. Их напутствуют пожеланием не скупать до нашего прихода всю минералку в селе.

Начинаются самые трудные, последние на этот день километры, с затяжным ходом по самому селу до храма, мимо домов, магазинчиков, открытых летних кафе, прохожих и зевак. В шестом часу группа хоругвеносцев входит в храм. Кроме нас, в этом маленьком храме пока никого. Целуем свои хоругви, оставляя их здесь до завтра. У каждого есть своя краткая молитва к ликам святых. Обращаюсь с благодарением к Святителю Николаю Чудотворцу. Рядом икона Святой Ксении Петербургской – так повеяло родным на душу и облегчением на сердце, хотя даже еще не успел обратиться к ней. Сама знает...

Выходим на крыльцо, поток паломников заполняет храм. Вокруг него быстро возникает тесный палаточный городок. В церковной ограде места всем все равно не хватает, и палаточный лагерь выплескивается прямо на улицу. Отец Сергей разрешает группе безпалаточных ночевать в притворе храма. Вытаскиваю свой рюкзак из груды подобных, выгруженных из машины и отправляюсь на поиски лужайки.

На заднем дворе церкви натыкаюсь на походную кухню, от которой идут одуряющие рассудок ароматы. Это

первое её явление на нашем пути. Но сначала нужно поставить дом. Где? Вся ближайшая улица обставлена палатками, все приемлемые более или менее зеленые полянки вдоль палисадников с той и с другой стороны уже заняты. Приходится удаляться все дальше и дальше по широкой улице в поисках места. Наконец ставлю свой отдельный «хуторок» у забора какого-то палисадника на польной лужайке, под нависшими ветвями березы. Место – рай! Колонка рядом, где можно умыться и набрать воды. Правда, далековато от кухни, где уже раздадут горячие щи!

Так внутри села за несколько минут возникло целое автономное поселение. Местные жители будто вымерли на время. Нигде никого. Подавленные численностью кочевого лагеря примерно в четыреста человек, они терпеливо переждали это нашествие в домах и в глубине своих дворики. Кто-то шел на перевязку мозолей, кто-то справлялся с ними сам, кто-то брал на полевой кухне кипяток и готовил себе чай у палатки. Настоящие паломники – молитвенники земли нашей, прежде чем приступить к трапезе, отстояли на своих вечерних правилах и теперь весело подшучивали друг над другом. Вереницей шли люди за холодной водой на «мою» колонку и проходящие мимо остряки снова делали отзывы в адрес моей несравненной палатки. Но я их уже плохо различал сквозь сон.

На закате солнца ни с того ни с сего пробрызнул довольно щедрый дождик, после которого солнце еще раз успело улыбнуться нам на прощанье до следующего дня.

КАЛМАНКА – ЧИСТЮНЬКА

28. 06.

Утром литургия. Маленькая уютная Калманская церковь просто не в состоянии поместить в себе всех. Поэтому люди слушают службу и красивое песнопение наших певчих вокруг него, на крыльце, столпились у окон. Одновременно для желающих работает наша полевая кухня, приветливый дымок развевался из ее трубы еще на заре. Это было первое заметное движение в нашем лагере, которое я уловил, умываясь у колонки. Многие тихо в сторонке исполняют свое утреннее молитвенное правило, а потом присоединяются к общей литургии, или завтракают, получив свою порцию от не менее приветливого, чем дымок от его кухни, степенного повара Андрюши. Другие собирают вещи, а кто-то еще спит.

Обстановка свободная, демократичная, и в то же время чувствуется хорошая организация общего распорядка и заведенных в Крестном ходе правил. Первое из них – подчинение батюшкам. Как говорят бывалые крестоходцы, батюшки знают, когда и что делать, они ведут нас, организуют из толпы верующих христианский православный ход, они отвечают за нас, делят с нами все трудности пути. И мы, с благодарностью принимая, уважаем их заботы и тяготы по духовному окормлению множества таких разных людей. При этом они не забывают и о хлебе насущном для нас. Низкий поклон всем нашим батюшкам, разделявшим вместе с нами радость и неизбежные в столь долгом и дивном делании тяготы седьмого крестного хода в Коробейниково.

Вчера мне было так жалко аккуратные клумбы с цветами на небольшой полянке перед церковью! Такие беззащитные посреди множества людей и палаток, выращенные заботливой рукой, они неизбежно погибнут в этом вавилонском столпотворении. Но утром все цветы оказались живы и здоровы, по-прежнему радуя глаз и вселяя силы и надежду в сердце. Их не затоптали! Как такое могло произойти, да еще при такой плотности палаточного городка прямо во дворе рядом с клумбами? Это не очень сложно: ценить труд людей, создаваемую ими красоту и уважать жизненные права природы.

Вышли из Калманки на трассу. По селу путь был настолько затяжной, что казалось: так и до Чистюньки дойдем, не выходя из Калманки. Еще при построении я заметил коренные перемены в погоде и соответственно в облике бывалых и просто предусмотрительных паломников. Уже в половине девятого солнце палило нещад-

но. Кажется, оно решило наверстать упущенное за два дня поблажек в виде облачков и дождичков с ветерками. Я крутил своей непокрытой головой, удивляясь и одновременно восхищаясь переменами в колонне.

Мужчины, с покрытыми белыми платками головами, стали похожи на бедуинов. Платки свисали так, что закрывали от солнца всю шею, ниспадая на плечи и спину. Сверху все это покрывалось еще какой-нибудь шляпой, или яркой бейсболкой с заливчатским козырьком в любую сторону, или делалась повязка с длинными ушами сбоку – класс! Женщины просто все превратились в «Гюльчатай», то есть в задрапированные светлые прямоугольники разного роста и толщины. Я поднял воротничок рубашки, поставил древко хоругви на поясной ремень – крестный путь начался.

С первых шагов солнце ударило слева и сверху. Надежда на тень от хоругвей сразу испарилась как сон, как утренний туман на рассвете в Калманке.

Деваться некуда, идти можно только вперед, а дойти так хочется! Пою вместе со всеми Иисусову молитву, невольно втягивая голову в плечи и стараясь быть очень, очень маленьким, потому что на маленьких падает мало солнца. Ноги тонут в горячем асфальте, оставляя следы от кроссовок. Раскаленный ад сверху, и такой же снизу.

А где они встречаются? – во мне, что ли? Господи, какая чушь лезет в голову!

Сухие губы поют что-то хорошее, вернее, просто повторяют за другими. «Возьмите шляпу, если хотите!» – «Что?» – «Вам головной убор нужен?» Поворачиваю голову в сторону вопроса, вижу приветливое лицо Родиона, юноши, идущего рядом, и время от времени сменяющего уставших хоругвеносцев. – «Нужен, если у вас есть лишний». – «Есть, мы их тут понабрали с собой», – просто отвечает Родион и протягивает, вытащив из своего маленького рюкзака, панаму. Настоящая панама... Даже с полями, прикрывающими остатки лица и особенно носа от солнца! Не может быть! Я спасен. Спасибо!

Первый и долгожданный привал в этот день был у какой-то лесополосы в поле и в памяти не отложился. Наш автобус, который мы заметили еще издалека возле этой лесополосы и к которому так стремились, сбежал от нас, едва мы к нему приблизились, увозя с собой заветную воду. «Полторашка» с водой, чтобы не таскаться с ней, была положена мною в автобус с утра. Теперь она уехала. Придется, видимо, потерпеть до следующе-

го привала.

Вот, наконец, и вторая остановка на отдых у безымянного пруда. И автобус стоит, никуда не двигается, не убегает. Заглядываю внутрь – нет воды! Оказывается, он сбежал в Чистюньку и там разгрузился от бремени наших сумок, сумочек, воды... Зато подъехала полевая кухня и сейчас будет обед и чай. Стоп. С моей сумкой уехала в Чистюньку не только вода, но и кружка, чашка, ложка... Спасибо. Ни поесть, ни попить. Главное – пить! Среди ликующе жующей компании я снова оказался не у дел. Походил, порадовался за людей. Что делать – это мой день испытаний.

Это я так схитрил, чтобы легче нести хоругвь: отправил свою сумку на автобусе, надеясь пользоваться ею на привалах. Дело в том, что у каждого паломника, как правило, есть большая сумка или рюкзак, где лежат палатка, спальник, одежда, непортящаяся еда и другие, необходимые в путешествии вещи. А еще есть маленький рюкзачок или сумочка, которая всегда с собой. Вот она-то и обеспечивает поддержание жизнедеятельности на марше. Там находится святая святых – вода, затем чашка,

кружка, ложка, а остальное - уже по усмотрению хозяина. Вот такой сумочки я и лишился в этот день. С тех пор во все остальные дни она всегда была со мной.

По дороге неоднократно слышались песни жаворонков. В первые два дня из-за ветра их было редко слышно, и тогда мы шли преимущественно под переключку перепелов. Вездесущие коршуны то и дело парили над нами на протяжении всего пути, и особенно на привалах. Из лесополос иногда слышались песни лесных коньков. Так сама природа – дар Творца – ободряла и поддерживала нас, от травинки у дороги до птиц в небе.

А утолить жажду в этот день мне все-таки довелось, благодаря братьям и сестрам, которые не раз выручали. Только для того, чтобы в наш пресыщенный век, кичащийся своей защищенностью, в сущности мнимой, узнать, что такое глоток воды на дороге из рук также страждущей от жажды сестры или брата во Христе, – наверное, ради этого стоит идти на испытания Крестного хода.

Третий привал – на границе Калманского и Топчихинского районов – в этот жаркий денек неожиданно стал мокрым. Во время коленопреклоненного пения акафиста Пресвятой Богородице грянул грозовой ливень. Он довольно быстро перешел в мелкий дождик. Стоя коленями на гравийной крошке обочины, я видел вокруг себя таких же людей, не шелохнувшись претерпевающих боль и поющих славу Богородице. Да и что значит эта наша временная физическая боль по сравнению с той болью, которую мы не раз приносили в своей жизни своим родителям, любимым, друзьям, с той болью, которую понесла от нас Пресвятая Богородица в своей безмерной любви к нам, грешным?

Каждый раз при поклонах во время акафиста передо мной мелькает полторашка с водой, укрепленная на рюкзаке гиганта – косая сажень в плечах. Рядом, вполоборота ко мне, его друг берет и пьет. Не выдержав, спрашиваю: – «Можно пивнуть?» – «Нужно!» – получаю в ответ – и вот оно, долгожданное спасение от высыхания.

Тем временем снова продолжается наш путь. Дождь принимается неоднократно, но быстро мелькает, чередуясь с солнцем или даже одновременно с солнцем. Наконец он полностью уступает свету. Слева от дороги в небе – Грааль (чаша) из облаков, потом крест. Красиво, все светится в проходящих сквозь тучи лучах солнца. Игорь, который все время несет икону, говорит: «Братия, Господь готовит нас. Давайте и мы послужим», – и запекает: Радуйся, радости наша, покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором.

У поклонного креста на перекрестке дорог нас встречает радушный Отец Иоанн Попович, настоятель из Топчихи. Служим молебен. Потом он кропит нас святой водой. Все кричат: «Батюшка, сюда, сюда!». Он щедро кропит всех.

Остается пройти последние несколько километров до Чистюньки. Они, как всегда, самые трудные. Свернув с трассы, вступаем на покатую грунтовую дорогу. Эта безобидная в другое время покатошь сейчас отдается в каждом шаге. Свернуть, выбирая дорогу, невозможно. Идем в колонну по трое, всегда, на любой дороге оставляя место для проезда машин. Местами грязь от недавнего дождя. Но вот и ограда ПТУ №5. Заходим на территорию. Команда: «Хоругви в спортзал». Пора размещаться на ночлег.

Топчихинский батюшка отец Иоанн, встречавший нас у развилки дорог, каждый год радушно и по русскому обычаю хлебосольно принимает Коробейниковский Крестный ход. Он добровольно возлагает на себя очень не легкий труд накормить всех участников хода. Старые

крестоходцы еще накануне были в приподнятом настроении от предвкушения после дневных тягот первого, второго и третьего в столовой Чистюньского училища, у любимого, гостеприимного отца Иоанна, который наверняка уже все приготовил к приходу нас, грешных. Так оно и было.

Всеобщая вечерняя суэта устройства на ночлег. Безпалаточные уже оккупировали спортзал. Целая колонна, только без хоругвей, выстроилась в очередь к дверям столовой, ставшей на время трапезной. Многие толпятся возле цистерны с водой (тоже отец Иоанн предусмотрел!). Боже мой, сколько же нас много!

Ставлю свою палатку на поляне, окруженной с одной стороны массивным зданием училища, с другой – его общежитием, с третьей – аллеей огромнейших тополей, наверное действительно вековых, а с четвертой выходящей на великолепное, ухоженное футбольное поле. Между поляной, где как грибы, на глазах вырастают все новые палатки, и этим полем – кустарниковые кулисы.

Смеркается. Со стороны трапезной зов: «Кто еще не поел?..» Он удаляется быстро, улетающая куда-то в сторону над приглушенным говором умиротворенных странников. Все смолкает.

ЧИСТЮНЬКА – АЛЕЙСК

29. 06.

Тишина какая-то особая, с пением птиц. Это голоса и звуки природы. Они никогда не мешают. Что это – уже светло? А где ночь, разве она уже была? Сквозь белую пелену угадываются очертания высоченных крепостных башен, нависающих над затаившейся поляной. Все неподвижно, как в сказке о спящей царевне. Та-а-ак. Башни – кроны тополей в тумане. Вспомнил – я в Чистюньке. Туман утром в Чистюньке – значит, предстоит еще один жаркий денек.

А где трапезная? Вот она. Это, кажется, о ней были вчера последние неясные мысли. Людей рядом никого – значит, еще рано. Стоило только подумать, и вот они зашевелились, сразу образовав кучку у дверей трапезной. Она стала быстро прирастать потенциальными едоками. Невольно вспомнилась девушка с растерянным лицом, среди вчерашнего вечернего хаоса обустройства, с поисками и перетаскиванием вещей, взаимных вопросов о воде, о кухне, с бесконечно повторяющейся просьбой разуться, входя в чисто вымытый спортзал за своими сумками и т.д. «Вот если бы человек не имел физических

потребностей! – вырвалось у нее из глубины души. – Впрочем, это был бы, наверное, уже не человек», – тут же заметила она, грустно улыбаясь.

На крыше трапезной терпеливо сидят несколько грачей и озерных чаек, оценивая сверху виды на завтрак. Сборы. Построение. Сначала звучит многолетие директору ПТУ за гостеприимство. Потом поем многолетие девочке из Томска, участнице Крестного хода, которой сегодня исполняется 16 лет. Филатов Константин, руководитель нашей колонны, дарит ей свою книжку об истории Коробейниковской иконы.

Не успели тронуться в путь – как всегда неожиданно, откуда-то из кустов выныривает наш добрый отец Михаил с веселым возгласом: Христос воскрес! Мгновенное воодушевленное: Воистину воскрес! Следом появляется дюжий юноша с купелью святой воды в руках, и отец Михаил щедро кропит хоругви и всех паломников, проходящих мимо него.

Колонна медленно вытягивается по грунтовой дороге из Чистюньки в открытое поле. Жара. Парит. Вот, наконец, и трасса на Алейск. Идем с молитвенной песней под сенью хоругвей вперед. Девушки из Барнаульского духовного училища постоянно поют на всем пути Крестного хода, и если надо кому-нибудь поучиться мужеству и терпению, то это у них. Сколько раз в день, с первых шагов утром и до последнего шага вечером, они поднимали своими песнопениями дух всей нашей колонны. Когда язык присыхал к небу и, казалось, невозможно было уже им вторить, их пение вливало новые силы в паломников и вселяло в них надежду.

Первый привал – в колке у дороги под березами, 30 минут. Лежим в благодатной тени, скидывая с себя время от времени любознательных муравьев.

«Подъем! Строиться! Разобраться в шеренгу по три! Хоругви в голову!» Асфальт кончается, и начинается бетонка с неприятными швами, которые залиты битумом. Сейчас он жидкий на солнце, как расплавленное масло. Шаг в эту черную смолу, шаг в гравий на обочине – и масса острых ощущений. Не знаю, как насчет адреналина с самоуничтожающей, бессмысленной погоней за ним, но экстрим тут налицо!

Второй привал у безымянного пруда, или озерца, у самой дороги. Некоторые купаются. 99-й километр. Жара. Тени нигде нет. Отдыхаем как на сковородке.

В Крестном ходе принято благодарить по каждому поводу: Спаси, Господи! Это непривычно поначалу. Потом нормально. А откуда взялось спасибо? Очевидно, это тоже от Спаси, Боже – Спасибо. Иными словами, мы повседневно пользуемся старинным мудрым пожеланием,

не подозревая об этом. Приятное открытие для себя посреди дороги!

Дорога. Песни жаворонков справа и слева. Временами стала набегать облачность. Дорога, убегающая вдаль в виде гигантской зебры: темная полоса – тень от облака, светлая полоса – нет тени. Это единственный, наверное, случай, когда хочется побольше темных полос. Но где же Алейск? Может быть, его вообще нет? Что там делается в мире, пока мы тут ходим? Исчезают цивилизации, возникают новые?.. Слева на горизонте какие-то строения. Значит, Алейск все-таки на месте.

В Алейск вошли около восьми вечера, перейдя по мосту реку Горевку. Очень долгий путь до храма по самому городу. Крестный ход по городу имеет свою специфику. Он очень напряжен и утомителен. Вот, наконец, и храм. Видимо, бывший дом культуры. Интересно: при Советской власти из храмов делали дома культуры (в лучшем случае), разрушая при этом купола и колокольни, а теперь из ветхих типовых построек советских времен под названием «Дом культуры» приходится возрождать храмы.

Кто-то от усталости уже уснул прямо в притворе.

Во дворе перед церковью «Андрюшина» походная кухня предлагает вкуснецкий суп и такой же чай. Только бы не уснуть раньше времени! Делаю разведку по улице и сразу обнаруживаю то, что надо – колонку. Теперь я чист и напоен. Ставлю палатку под тополем в ограде за железным забором. Чтобы его не обходить далеко, приходится по дороге на кухню и с кухни подныривать под него по-пластунски: сначала с пустой чашкой, потом обратно с полной. Спокойно, без суеты, у порога своего «дома» прикончив суп, ту же операцию приходится проделать с кружкой. Вижу, что пример заразителен.

Уже около десяти вечера, а палаточный лагерь все растет. Стук чашек, голоса уплывают вместе с разноцветными парусами палаток, медленно, как волны от брошенного камешка.

АЛЕЙСК – УСТЬ-ПРИСТАНЬ

30. 06.

Утром литургия в Алейском храме «Всех скорбящих радость». Храм большой, но всех вместить он все равно не смог. Снова дорога. Вот и первый привал у лесополосы с комарами. У них, наверное, тоже есть свои излюбленные лесочки, а может быть, даже разные вкусы.

В Крестном ходе все его участники между собой братья и сестры. Так все и обращаются друг к другу. К это-

му быстро привыкаешь, и очень приятно осознавать, а порой и чувствовать на деле, что у тебя так много таких славных братьев и сестер.

С нами идут два монаха, а может быть, это мы с ними идем. У них всегда счастливые лица. Крестный ход – это праздник. Радуйся, радости наша, покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором...

Если заглянуть вперед, видно прозрачное марево, которое, колыхаясь, поднимается от дороги. Вдали на ней видны блестящие лужи воды, которых на самом деле нет. Слева от дороги парит невысоко над землей лесополоса. Она взлетела недавно и теперь не хочет садиться на свое место.

Мимо проносятся машины. Далеко не каждый водитель сбавляет скорость, проезжая вдоль нашей колонны по ее ходу или навстречу. Мы благодарны тем, кто сбрасывает скорость и едет медленно, потому что так нам легче идти. Каждая машина на скорости обдаёт жаром и волной нескончаемых выхлопных газов. А если мимо пролетает КАМАЗ или другая огромная фура, это почти стресс. Когда идет дождь, от машин летит грязь. Все это нам пришлось испытать не раз. Но особенно мне запомнился акафист с коленопреклонением Пресвятой Богородице на обочине во время дождя. Просто деваться в этот момент нам было некуда. От мчащихся машин летели брызги и мелкий гравий. Наверное, не обязательно надо быть верующим, чтобы уважать и чтить как святыню традиции своих предков и просто быть внимательным к другим людям?

В походе, когда много дней над головой нет ничего, кроме бесконечно разнообразного неба, обостряется восприятие природы. Приходит ощущение большого дома. Замечаешь, что в этом доме ты не один. Здесь много других равноправных жителей – птиц, насекомых, трав, деревьев. А царствует солнце. Кто-то взял и сказал, что природа – это не храм, а мастерская. Этот человек явно мало ходил по земле. Он неправ. Во-первых, это наш дом. А какой разумный человек назовет свой дом мастерской? Во-вторых, кому бы не хотелось, чтобы его дом стал храмом? Жить в чистоте и благодати Господней. Жить в храме... Стремиться к этому каждому по

силам. Достичь этого невозможно без Бога в сердце и без Его на то промысла.

Чем ближе к Усть-Пристани, тем неровнее становится степь. Встречаются нам в пути деревенские ласточки; маленький сокол – пустельга – завис на минуту справа от нас, трепеща крыльями. Очередной коршун кружит над нами. Они вездесущи. Мы идем по территориям их индивидуальных охотничьих участков, за событиями на которых зорко следят хозяева с высоты и при пересечении границ они как бы передают нас из рук в руки друг другу.

Очередной (уже не знаю, какой по счету) привал у величественного, сделанного из толстого бруса у дороги Поклонного Креста перед Усть-Пристанью. Здесь поем акафист в честь Святого Животворящего Креста Господня. Потом целование Креста. Каждый из паломников благоговейно прикладывается к ставшему теперь уже не простым, а священным дереву – символу нашей веры.

В Усть-Пристань пришли в восемь вечера. Весь этот день было ясное небо. Жарко. Иногда налетал легкий ветерок, но, к сожалению, редко. Усть-Пристань стоит на Оби, но увидеть ее здесь можно, только вплотную подойдя к высокому обрывистому берегу. Иначе смотришь издали и видишь сразу луга на противоположном берегу, а реки будто и нет.

В Крестном ходе собираются самые разные по характеру люди. Те же самые, что и в повседневной жизни. Только верующие. Поэтому здесь я отдохнул от многих мирских прелестей – табачного дыма, сквернословия, суесловия, осуждения, недоверия, громкой современной музыки, не говоря уже о рекламе, телевизоре и прочем. Вера не мешает крестоходцам шутить, смеяться, общаться друг с другом на самые разные темы, а в миру работать специалистами самых разных профессий или учиться. Среди них многие с чувством юмора.

В Усть-Пристани ночлег снова на территории училища, как в Чистюньке. Поставил палатку в двухрядной березовой аллее на краю спортивного поля. Бок о бок со мной приветливые соседи в более солидном домике с «прихожей». Пока кипятится вода для чая на газовой горелке, они встали на свое вечернее молитвенное пра-

вило, и я присоединяюсь к ним. Потом разговоры, знакомимся поближе. С ними интересно.

Поздно вечером в сумерках окончился молебен, после которого Отец Владимир рассказал о некоторых Святых, в нашей Сибирской земле просиявших, о том, как важно чтить их именно нам, живущим здесь.

Завтра идем в Елбанку, бывшее село Елбанское, где когда-то до революции было благочиние, а теперь нет даже церкви. Это родина священномученика епископа Бийского Никиты Прибыткова.

Тут же выясняется, что в нашем Крестном ходе участвуют паломники из Новоалтайска, Заринска, Кулунды, Томска, Новосибирска, Иркутска, некоторых районов Алтайского края, но больше всего народа, конечно, из Барнаула.

УСТ-ПРИСТАНЬ – ЕЛБАНКА

01. 07.

Выход из Усть-Пристанки в 830. Хорошая дорога кончилась. Видимо, их вообще нет в Усть-Пристанском районе. Идем по неровной насыпи из щебенки часто с покатостью вправо. Это называется пытка. Слева лесополоса у самой дороги, поэтому время от времени тень от деревьев прикрывает нас от жгучего солнца. Новая напасть – множество кусачих слепней. Мы для них, наверное, долгожданная радость в этих безлюдных местах. Идем в обществе летающих вокруг слепней.

Первый привал традиционно у лесополосы, в относительной тени. В словаре Брокгауза и Эфрона можно

найти такое определение: «Крестный ход – торжественное церковное шествие с большим крестом, иконами и хоругвями вокруг храма или из одного храма в другой. Например, в Пасхальную неделю вокруг церкви, в крещение на водосвятие и разные Крестные ходы в честь святых и памятных событий». Наш Крестный ход – целое путешествие от Покровского храма в Барнауле до Казанского в Коробейникове, в честь иконы Коробейниковской Казанской Богородицы.

Команда: «Подъем! Хватит спать. Строиться!» Идем, идем все ближе и ближе, наверное, Елбанка. Еще ни разу за весь наш маршрут не было команды «шире шаг». Наоборот, то и дело «уже шаг», «на полшага медленнее», «сбавить темп», а то и вовсе «остановиться». Стоим, ждем, пока подтянется вся колонна. Это и понятно –

люди собрались не только разного возраста, но и разного роста, и шаги у всех неодинаковые. У одного шаг, а у другого в этом шаге умещается два. Наш Константин, ответственный за движение колонны, старается, чтобы максимальное количество людей дошло до пункта вечерней остановки. Постоянные перебивы индивидуального ритма сильно усложняют ходьбу, но я ни разу не слышал ни одного слова ропота по этому или по какому-либо другому поводу. Мы единый коллектив. Дети идут вприпрыжку, устают, но не ноют. А потом вечером на стоянке играют в футбол или в бадминтон...

Второй привал – после преодоления глубокой выемки с затяжным пологим спуском и более быстрым подъемом. Справа от дороги, в уютном, но очень солнечном зеленом распадке видим родную полевую кухню, как всегда прицепленную к КАМАЗу. Вперед! Меню: расольник, уха из консервов (на выбор) и чай. Добрый Андруша даже предусмотрел посуду на всякий случай для тех, у кого не окажется – пустые консервные баночки. Получив свою порцию, ищу тень, но ее нигде нет, даже от меня самого. Полдень, что ли? Нырять под КАМАЗ – благодать. Выныриваю за чаем – ныряю с чаем.

- «Строиться! Сколько можно отдыхать?»

Дорога, щебень. Тяжело. В одном месте, видимо, накануне прошел грейдер, но выбирать дорогу не приходится. Третий привал – у развилки и, конечно же, с лесополосой. Комаров и мошки в лесополосе мало, а стрекоз стало больше. Молебен Пресвятой Богородице Казанской. Как бы ни были истощены силы, как бы ни валился с ног но, отстояв пение акафиста, чувствуешь себя легче, словно отдохнул.

Идем. Погода по-прежнему хорошая, ясная. Налетает какой-то местный ветерок, играет, крутит хоругви. Затем снова полный штиль. Дорога неожиданно почти под прямым углом делает крутой поворот налево, как бы наткнувшись на что-то, и одновременно на горизонте за поворотом появляются домики Елбанки. Этим «что-то» оказалась огромная долина Чарыша, очень красивая, вид на которую и открылся перед нами с поворота дороги.

Несколько припойменных террас гигантскими по ширине зелеными ступенями спускаются к пойме реки, которая упирается в виднеющееся вдаль тугое, как натянутый лук, переполненное русло Чарыша. С возвышения верхней террасы открывается необыкновенный глубокий величавый простор, совсем не такой, как в степи. Этот великолепный, ничем не закрытый вид на луговые ступенчатые просторы дополняется справа и слева по горизонту живописными кулисами пойменных лесов.

Вдалеке слева и немного внизу как на ладони виднеется из-за леса пойменное озеро-старица. Чарыш прекрасен. Это одна из самых красивых рек Алтая.

Тем временем небо покрылось каким-то мороком. Жар спал. После небольшого отдыха в этом месте в виду Елбанки тронулись в село. Не очень продолжительный путь по самому селу до школы, во дворе которой мы и разместились. Нахожу себе место на возвышенной лужайке за школой и через минуту я дома. Мои соседи, смешанная Новосибирско-Барнаульская компания, оказались опытными крестоходцами. Некоторые из них помнят первый Крестный ход, в котором участвовало 49 человек. Они были как единая семья. С тех пор каждый год паломников становится все больше. Есть такие, которые ходили четыре, пять и даже шесть раз.

В лагере чувствуется приподнятое настроение. Завтра последний переход до Коробейникова и встреча с Ней... Братья и сестры поют песни у костра: «Мы пойдем с конем по полю вдвоем...»; «Милая моя, солнышко лесное...».

ЕЛБАНКА – КОРОБЕЙНИКОВО

02. 07.

Около девяти утра вышли из Елбанки. У села Колов Мыс полным ходом идет разработка карьера, в обоих направлениях движутся КАМАЗы. Идем в клубах пыли. Дорога понижается, спускаясь в пойму Чарыша, а вот и он – могучий, переполненный «коренными» ледниковыми водами от горной Ини, Коргона и Кумира. Следуем его берегом до понтонного моста, после которого на некотором расстоянии привал.

После привала затяжной путь по гравийной дороге в пойме Чарыша. Слева и справа высокие ивы склоняются над нами, почти не закрывая от солнца в зените. В этом душном зеленом коридоре ни ветерка, зато есть слепни и комары. То и дело проходят машины автопаломников в Коробейниково, обгоняя нашу колонну. Пыль. Но ничто уже не может нарушить растущую с каждым шагом радость в душе. Наконец дорога забирает немного вверх, и мы на мосту через реку Исток. На горизонте впереди и немного правее на возвышенном берегу долины Чарыша виднеются коробейниковские домики, а из кущи деревьев виден высокий шпиль колокольни и рядом купола храма. Все с радостью и надеждой смотрят на них. Бывалые крестоходцы жмут руки, слышится непривычное слово – «Дошли!!!». Все взоры прикованы к далекому еще храму, красиво царящему в небезном горизонте над всем открытым раздольем нео-

бозримой здесь Чарышской поймы.

После небольшого привала у моста, где наши хоругви были освобождены от веревок, которые перехватывали их снизу, согласно походному порядку, продолжаем наш нетерпеливый теперь путь. Прошли указатель на Нижнеозерное, вдалеке перекресток, от него, наверное уже прямой путь на Коробейниково. Справа у дороги единственное дерево – двустольный клен, оказавшийся трехствольным при приближении. Кажется, прошла вечность, пока мы его достигли.

Время остановилось, как раскаленный шар на небе. Все время видим впереди Коробейниково – и не приближаемся к нему! Пойма справа – голая, луговая, слева есть кустарники в сторону Нижнеозерного. У самой дороги вдруг выскочил заяц и долго неторопливо петлял среди кустов на виду у всего Крестного хода.

Наконец сворачиваем вправо на небольшую грунтовую дорожку, срезая гравийный изгиб трассы. Коробейниково!.. Вот оно!.. Храм словно вырос, купола более четкие, чем раньше. Подходим ближе к селу, и храм исчезает – до поры. Перед селом нас встречают две женщины с мальчиком, у околицы видны несколько десятков празднично одетых людей с цветами – это прихожане Коробейниковского храма встречают Крестный ход. А впереди, прямо навстречу к нам, распахнув ручонки, бежит маленькая девочка лет пяти, вся белоснежная, в белом платьице и шляпке, с большими красными лилиями в руке. Какой-то священник за спиной воскликнул негромко: «Вот чистый ангел!»

Подбежав почти вплотную, «ангел» остановился, глядя изумленными, широко распахнутыми глазками на наши обгорелые, улыбающиеся лица и нависшие над нами громадные хоругви, и вдруг испугавшись чего-то, как кинется обратно! Пришлось маме подводить маленькую девочку за ручку к священнику, которому она, смущаясь, подарила свои цветы.

По селу до храма путь не близкий. Вот указатель к Святому ключу. Поворот налево, глубокая выемка – и под колокольный звон, встречающий Крестный ход, перед нами вырастает во всей своей неповторимой красоте Коробейниковский храм Пресвятой Богородицы. Входим во двор, вот первые ступени храма – все как во сне. Над нами прохладные своды. Не может быть! Вот Она – в центре, почти в рост человека, украшенная множеством цветов, Чудотворная икона с нежным, прекрасным ликом Заступницы нашей, Коробейниковской Казанской Пресвятой Богородицы... Храм наполняется крестоходцами. Многие плачут...

В четыре началось торжественное вечернее богос-

лужение. Через некоторое время вышли священники, и прямо у стен храма началась исповедь всех желающих.

Вся ограда храма, площадь вокруг и прилегающая улица села превратились в большое палаточное поселение, которое на другой стороне дороги сливалось с ярмаркой, а по ходу ее – с вереницами припаркованных машин и автобусов (также с жильцами). Здесь есть участники Крестных ходов из Бийска, из казачьих станиц по Чарышу. Повсюду группы встречающих – тех самых, которые неделю назад провожали своих родных в Крестный ход. Теперь обугленные, как головешки, крестоходцы издалека легко отличимы от своих белых соплеменников. Вновь встретившиеся, они смеются, плачут, обнимаются, обмениваются впечатлениями.

Вечером по всей округе с колокольни разнесся благовест. «Вечерний звон». Не успевал замереть в чарышской дали, открывающейся со ступеней храма, последний протяжный звук, как начиналась новая, ни с чем не сравнимая колокольная мелодия. Стемнело, а божественный концерт не прекращался.

Служба в храме шла всю ночь. Вдоль его стен, и даже в центре, у иконы Богородицы, вповалку спали уставшие дети. Нескончаем поток к Ее Образу. Люди идут и идут к светлому и печальному Лику. Сколько ни смотри, Он всегда разный, меняясь от выражения горькой печали, до светлой, пронзительно прозревающей задумчивости и легкой улыбки прощения, на которое надеются столько страждущих. Прямой взгляд Спасителя исполнен немого вопроса, как у странника, постучавшего в дверь: а откроют ли? И в то же время бесконечно сострадательен.

Утром следующего дня стан паломников покропил небольшой дождик. В девять часов под колокольный благовест Владыка Максим вошел в храм с розами в руках, и началась Божественная литургия. Наши певчие поют на клиросе. Совершается таинство Причащения...

В середине дня лагерь постепенно, как бы сжимаясь, становится все меньше. Отъезжают автобусы, увозя паломников в будничную жизнь. Праздник закончен. Пора и нам возвращаться, увозя в своем сердце радость и свет от встречи с Чудотворным образом Коробейниковской иконы Казанской Божией Матери.

Пресвятая Богородице, спаси нас!

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас.

Приглашаем принять участие в крестном ходе
Телефон: 8-3852-63-05-88 Паломнический центр
Барнаульской епархии
E-mail: palomnik@alt.ru

Наше открытие России

Сущность христианского подвига заключалась в преобразении существующей действительности, в изменении нравственной атмосферы в обществе, в приведении ко Христу людей, не знающих Его. Подвигом апостолов, ставших свидетелями Преображения Господня, Евангелие было проповедано во многих странах. Примеру апостолов следовали многие поколения святых во всех концах земли, трудившихся над осуществлением явленного в Преображении идеала в непрерывно меняющихся исторических условиях. Этому примеру должны следовать и мы, современные христиане, ибо наш мир, претерпевший в минувшем столетии множество потрясений, забывший Христа, отвернувшийся от Него и лежащий во зле, должен преобразиться силой Божией и нашим подвигом, каким бы малым, скромным этот подвиг ни являлся и на каком бы месте ни судил нам Господь трудиться.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

СВЯТЫЕ МЕСТА РОДИНЫ

Россию называют земным уделом Пресвятой Богородицы. Какое счастье, что мы родились и живем в нашей прекрасной и великой стране. Здесь, в России, на бескрайних полях и равнинах, в лесах и на берегах ее рек, морей жили, трудились, защищали и благоукрашали ее наши отцы, деды и прадеды. Могучей и духовно богатой мы должны оставить Родину нашим наследникам. Передать им главный завет: «Русь Святая! Храни Веру Православную!».

Велика наша Родина. И каждый ее уголок наполнен своей прекрасной и древней историей, святынями и подвигами воинов и праведников, без которых, как говорит наш Боголюбивый народ, не стоит ни одно село.

Алтайская земля особый край, исполненный красот земных и древних культурных традиций, совершенно заслуженно его называют жемчужиной Сибири.

Нашу новую рубрику мы начинаем с паломничества на Алтай, который переводится с алтайского языка как «золотые горы». В 1998 г. Всемирный фонд дикой природы включил Алтай-Саянский экорегион в систему охраняемых природных территорий для сохранения разнообразия живой природы на Земле. Но главной святыней Алтая являются его люди.

СВЯТОЙ МИР АЛТАЯ

Алтай лежит в самом сердце Азии, почти на равном

расстоянии от трех океанов Земли – Северного Ледовитого, Тихого и Индийского. По площади – более 260 тыс. кв.м.– Алтай примерно равен Великобритании, в три раза больше Австрии, в восемь с половиной раз больше Бельгии.

В переводе с древних тюркских языков Алтай означает «золотой»; это название отражает и легенды о несметных богатствах кочевых племен, и реальные месторождения золота в щедрой земле, и уникальную красоту горной страны. В применении к Алтаю расхожее, употребляемое сегодня к месту и не к месту слово «уникальный» обретает свой первоначальный смысл: «неповторимый, особенный, единственный в своем роде».

Алтай – это огромные пространства нетронутой цивилизацией природы в двух шагах от современных городов. Алтай – это не только великое творение природы, но и музей древней культуры под открытым небом; здесь пересекались пути кочевых племен во время переселения народов. Здесь сохранились не только уникальные ландшафты, но и тысячелетние памятники мировой культуры с наскальными рисунками, таинственными курганами и удивительный народный эпос, наполненный прекрасными сказаниями и легендами. Археологические раскопки мест стоянок древних людей показывают, что здесь жили люди еще миллион лет назад.

Особый интерес представляет разнообразие близко соседствующих природных зон: только здесь можно встретить рассвет в степи, полдень в тайге, а закат того же дня – на горном перевале.

Поистине уникальны ленточные боры, протянувшиеся по ложбинам древнего стока; подобных сосновых лесов нет больше нигде на планете. Из космоса эти длинные, почти параллельные полосы кажутся, наверное, отрезком лыжни, словно гигантский звездный лыжник оттолкнулся от Земли, оставив четкий след.

Терлецкое озеро входит в число 15 глубочайших озер мира. Не менее известное и красивое, чем «старший брат» Байкал, оно до сих пор преподносит сюрпризы исследователям. Не так давно выяснилось, что максимальная глубина озера значительно больше ранее установленных 325 метров. Какие еще загадки таятся в его кристально чистой воде?

Неповторима по красоте и природным особенностям высочайшая вершина Алтая – двуглавая Белуха. Ее легко найти на любой физической карте мира: даже при

самом мелком масштабе изображения сравнительно невысокая Белуха (4506 м) отмечена рядом с Эверестом.

В хребтах Алтая рождается Обь, одна из пяти крупнейших рек России. В недрах гор открыта самая глубокая в Сибири пещера – Экологическая. И 160-метровый – самый высокий в России – каскадный водопад на реке Чульча тоже низвергается с этих гор. Всемирную славу принесли Алтаю уникальные археологические находки: сокровища Пазырыкских курганов, мумия «алтайской принцессы» с плато Укок. В Денисовой пещере обнаружены старейшие в Северной Азии человеческие останки, их возраст – 42 тысячи лет. На территории г. Горно-Алтайска находится Улалинская палеолитическая стоянка, древнейшая в Сибири. Археологические изыскания в долине реки Сентелек открыли, что на Алтае действовала древняя астрономическая обсерватория!

Алтай часто называют «второй Швейцарией», а швейцарцы между тем все чаще отдыхают на Алтае. И не зря: алтайский курорт Белокуриха, к примеру, по целебным свойствам горного воздуха вдвое превосходит лучший швейцарский курорт Давос. Не уступают алтайские здравницы и отечественным курортам. В Белокурихе, в окрестностях поселка Чемал, на Аккемском озере солнечных дней в году больше, чем в Крыму и на Кавказе. Согласно результатам научных исследований, соленые озера Кулундинской степи по составу лечебных грязей и воды аналогичны прославленному Мертвому морю.

Далеко за пределами Алтая известны целебные дары местной природы. Растущий в горах золотой корень (родиола розовая) не уступает легендарному женьшеню. В мараловодческих хозяйствах заготавливают молодые рога марала – панты; на их основе изготавливают препараты, продлевающие жизнь.

Алтайский горный мед считается одним из лучших в России, а по экологической чистоте, пожалуй, даже непревзойденным. В последние годы обнаружилось, что США уступили Алтаю первенство по запасам уникального рачка артемии, ценнейшего сырья для лекарственных средств и пищевых добавок.

Особая слава и гордость алтайской земли – это люди, имена которых вписаны в историю золотыми буквами. Алтай – родина общественного деятеля и великого художника Григория Чорос-Гуркина, космонавта №2 Германа Титова, конструктора знаменитого автомата Михаила Калашникова, известного поэта Роберта Рождественского. В селе Сростки на Чуйском тракте появился на свет выдающийся писатель, актер, режиссер Василий Шукшин.

В этих местах находили вдохновение русские писатели Вячеслав Шишков, Федор Достоевский, Константин Паустовский, Виталий Бианки; изобретал «огнедышащую машину» Иван Ползунов; строил первую в России конно-чугунно-рельсовую дорогу П.К. Фролов.

Алтайская земля ныне состоит из двух субъектов Российской Федерации: Алтайского края (столица – г.Барнаул) и Республики Алтай (столица – г.Горно-Алтайск).

Более 250 лет назад Алтай добровольно вошел в состав России. В 1756 г. в центральной части Алтая, близ села Ело, 12 алтайских зайсанов-вождей приняли решение и обратились к России о принятии алтайского народа, преследуемого китайскими и монгольскими завоевателями, в подданство Российской империи. Добровольное вхождение алтайцев в состав России и длительное нахождение под ее юрисдикцией создали условия для сохранения как исторической территории, так и собственно алтайских народов, проживающих здесь многие тысячелетия. Ежегодно в память об этом знаменательном событии проходят национальные игры «Эл-Ойын». Это многодневный фестиваль народных игр, фольклорных праздников и спортивных игр, выставки-ярмарки народных ремесел, на который собираются тысячи участников и зрителей со всего Алтая, а также Монголии, Тувы, Хакасии, Казахстана.

Коренные жители Алтайской земли: тубулары, челканцы, кумандинцы, шорцы, алтай-кижи, теленгиты, телесы, телеуты, алтай-кижи – продолжают возделывать свою землю, сохраняют свой язык, который имеет древнейшие письменные памятники с многотысячелетней историей.

С приходом на Алтай русских началась новая страница истории, которая ознаменовалась и новым экономическим и культурным укладом, бытом, социальным устройством, а самое главное – принятием коренными народами Алтая Православия и его распространения на столь обширной территории. В расцвете Православия на Алтае занимает особое место вот уже 180 лет Православная миссия и священнослужители, ее представляющие.

С середины XVI века Россия начала активное освоение Сибири. Со времени царя Ивана IV Грозного переселенцы, шедшие вслед за казачьими отрядами, землепроходцами и мореходами, постепенно осваивали эту огромную территорию. По пути их продвижения возникали крепости и города. К 1662 г. при царе Алексее Михайловиче число русского населения в Западной Сибири достигло 80 тысяч душ мужского пола. В XVIII столетии сибирские города, потеряв военно-охранительные функ-

ции, превращаются в торгово-промышленные центры. Всю Сибирь прорезает Московский тракт.

В экспедициях в Сибирь всегда принимали участие священнослужители. Так атаман Тимофей Ермак во время своего похода в сибирские земли имел при себе трёх священников и монаха. Об этом свидетельствует Ремезовская летопись. Атаман Ермак соорудил весной 1579 г. на месте своего первого зимовья у реки Сылвы часовню во имя Святителя Николая. При закладке в 1586 г. первого русского города в Сибири – Тюмени, одновременно строились два храма.

С 1590 г. Сибирью стал управлять Посольский приказ; в 1620-м была образована первая епархия – Тобольская, во главе с архиепископом Киприаном.

Примечательной фигурой в истории распространения православия в Сибири стал владыка Филофей (Лещинский). Представитель небогатой дворянской семьи, он, получив образование в Киевской духовной академии, женился и стал приходским священником, а овдовев, принял монашеский постриг. Когда в 1700 г. по приказу Петра I Киевский митрополит искал среди монашествующих «умного и благочестивого человека для проповеди Евангелия сибирским инородцам», выбор пал на Филофея. В 1702-м он получил сан митрополита Сибирского и Тобольского; в 1705-м отправил миссионеров во главе с архимандритом Мартинианом на Камчатку, где была устроена Успенская пустынь. В 1707-м для усиления миссионерской деятельности учредил в Иркутске викариатство Тобольской епархии.

Филофей с несколькими священниками, при содействии воеводы князя Гагарина, не раз ходил вниз по Иртышу к осяткам; во время своего второго миссионерского похода к ним (1713) он окрестил 3500 бывших идолопоклонников. С евангельской проповедью он был в Обдорске (ныне Салехард), Иркутске, на берегах Байкала, плавал по Ангаре, Тунгуске и другим рекам. Всего им было крещено, как утверждает православная литература, около 40 тысяч инородцев, построено для них 37 церквей. При содействии или непосредственном участии владыки Филофея были окрещены хакасы; по его инициативе в 1715 г. группа миссионеров отправилась в Китай.

В Восточной Сибири для распространения христианства в 1727 г. была открыта самостоятельная Иркутская епархия во главе с епископом Иннокентием (Кульчицким). За рвание о миссионерстве среди бурят и монголов он впоследствии был причислен Церковью к лику святых. Его преемником с 1732 по 1746 г. был епископ Иркутский и Нерчинский Иннокентий (Неруно-

вич), распространивший миссионерскую деятельность на тунгусов и якутов. В середине того же века дошло и до остяков: в 1748-м первым крестился их князь Мурзин, а дальше дело пошло спорее.

В XIX веке, наконец, миссионерская работа в Сибири приняла системный характер. В 1828 г. Святейший Синод учредил особую миссию в Тобольской епархии и тогда же поручил преосвященному Евгению (Казанцеву), архиепископу Тобольскому, выявить наиболее способных добровольцев из числа духовенства его епархии.

На призыв владыки Евгения тотчас же откликнулся архимандрит Макарий (Глухарев), в то время – насельник Глинской пустыни. Отец Макарий подал прошение в Синод и вскоре был направлен в Тобольскую епархию.

БАРНАУЛ – СТОЛИЦА АЛТАЯ

Сибирский город на Оби довольно скромнен по сравнению с мегаполисами европейской части России или даже с соседним Новосибирском. Тем не менее, история отвела Барнаулу неизменно столичную роль: административный центр Алтайского края, столица горного дела в Сибири в 18 веке, купеческая столица у начала торгового пути в Монголию и Китай в 19 веке, столица целинных земель в 20 столетии. В третьем тысячелетии Барнаул вошел как столица Алтайского края с большими перспективами.

Город Барнаул основан в 1730 г. Место у впадения в Обь реки Барнаулки облюбовали приказчики уральского горнозаводчика Акинфия Демидова для строительства плавильного завода. Расположение оказалось очень удачным, Барнаульский сереброплавильный завод быстро набирал силу и мощь. Но вскоре производство серебра – валютного металла – частным заводчикам было запрещено, и Демидов лишился алтайских предприятий. Они перешли в ведение Кабинета ее императорского величества Елизаветы Петровны и стали собственностью царской фамилии. В 1771 г. Барнаул получил статус горного города, единственного в Сибири и второго в России после Екатеринбурга.

Все известные путешественники, побывавшие здесь в конце 18 – начале 19 века, отмечали высокий уровень как благосостояния, так и культуры жителей Барнаула, научные достижения сибирских умов. В 1823 г. в городе был открыт первый в Западной Сибири краеведческий музей, в 1835 – первая в Сибири магнитно-метеорологическая обсерватория. Строились каменные церкви, регулярно устраивались спектакли в «театраль-

ном доме», существовал городской оркестр. В середине 19 века П.П. Семенов-Тянь-Шанский восторженно назвал Барнаул «сибирскими Афинами».

После угасания сереброплавильного производства на Алтае Барнаул быстро превращается из горного города в купеческий. К началу 20 века он имеет статус одного из крупнейших торгово-промышленных центров Сибири, продолжая оставаться средоточием культурной и научной мысли.

Город пережил крупнейший пожар, землетрясения, наводнения, потрясения революции и гражданской войны, эпоху коллективизации. Во время Великой Отечественной войны сюда были эвакуированы многие крупные заводы из европейской части России.

В 50-е годы Барнаул прогремел на всю страну как центр освоения целины.

Барнаул в начале 21 века – это город с населением 650 тысяч человек, с развитой современной инфраструктурой, украшенный многочисленными музеями, театрами и концертными залами, памятниками архитектуры, величественными православными храмами.

Большинство из них построены в конце 19 – начале 20 века. В 30-х годах прошлого века они подверглись варварским разрушениям, и лишь в 90-х были вновь переданы Русской православной церкви.

Кафедральный собор Барнаульской епархии – Покровский собор. Закрытый и превращенный в склад в 1933 г. храм вновь начал действовать: советские власти откликнулись на истовое желание прихожан молиться о победе в Великой Отечественной войне. На территории города находится и Свято-Никольский родник, как святыня почитаемый православными верующими. О чудесных исцелениях, совершенных при помощи родниковой воды, слагали легенды. Долгое время источник был заброшен, завален горами мусора; вновь расчищен в конце прошлого века.

Правящий архиерей – Преосвященнейший Максим, епископ Барнаульский и Алтайский. Владыка Максим, наряду с активным и плодотворным архипастырским служением на территории столь обширной епархии, уделяет большое внимание просветительской и миссионерской работе, которые продолжают играть особую роль в духовной жизни Алтая.

АЛТАЙСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ

Возрождение Православия в России сегодня настоятельно требует изучения и обобщения разнообразных форм духовного просвещения в дореволюционный период. Это особенно важно по той причине, что совре-

менная ситуация во многом перекликается с ситуацией начала XX в.

Отличительной чертой миссионерства является то, что миссионер расширяет фактические пределы Церкви. Он идет или едет в те места, дома, населенные пункты, где, может быть, и не ждут слово проповеди о Христе. Миссионер не дожидается приглашения, а сам идет навстречу людям, еще не познавшим Христа.

Опыт Алтайской духовной миссии интересен и важен, поскольку она была самой обширной из внутренних миссий и оставалась образцовой вплоть до самой революции. Среди многочисленных миссий, действовавших внутри России, Алтайская духовная миссия получила наибольшее признание, была названа «образцом и руководителем» для других миссий. Действительно, в течение нескольких десятилетий на Алтае была создана система церковных учреждений, позволявшая исполнять как прямые функции миссионерских приходов (проповедь, крещение, пастырское окормление), так и повышать уровень грамотности коренного населения, готовить собственные кадры, выполнять социальную работу.

В Алтайской миссии, чей 180-летний юбилей мы вскоре отмечаем, трудились многие выдающиеся благовестники и пастыри, чьи имена и масштабы деятельности выходят далеко за её пределы. Это, в первую очередь, основатель миссии – преподобный архимандрит Макарий (Глухарев), не только известный миссионер, но и ученый-лингвист, сыгравший большую роль в создании русского перевода Библии. Ныне он прославлен в лике святых (память 18 мая и 7 сентября по ст.ст.). Это и святитель Макарий (Невский), прошедший путь от рядового катехизатора до иерарха Первопрестольной – митрополита Московского и Коломенского (память 16 февраля). Всего из рядов Алтайской миссии вышли более 10 иерархов Русской Православной Церкви. Среди них: митрополит Мануил (Лемешевский), архиепископ Казанский и Свияжский Владимир (Петров), архиепископ Донской Владимир (Синьковский), епископ Приамурский и Благовещенский Иннокентий (Солодчин), епископ Бийский Иннокентий (Соколов) и др. Миссия стала своеобразной кузницей кадров, где не в учебных аудиториях, а на практике миссионерского служения формировались личности и характеры.

Особенности служения в Горном Алтае требовали чрезвычайной самоотдачи и напряжения всех моральных и физических сил, что в свою очередь приводило к раскрытию талантов и способностей сотрудников. Поэтому исследования по истории Алтайской Духовной

миссии имеют не только региональное, но и общецерковное значение. Результаты работы Алтайской миссии представляют предмет глубоких историко-церковных, богословских и миссионерско-просветительских исследований как церковных, так и светских ученых.

Алтайские миссионеры – просветители

Одной из важнейших задач Алтайской духовной миссии с самого начала ее существования была просветительская деятельность.

По словам одного из начальников Миссии протоиерея Стефана Ландышева, только христианская вера, грамотность и переход на оседлый образ жизни могли спасти кочевых татар и калмыков Алтая, «погрязших в разорительных обычаях суеверий и ужасных болезнях, ...застывших в вековой неподвижности умственного и нравственного состояния».

Главной задачей Алтайской миссии было распространение Православия, просвещение этих «неиспорченных, простых людей с добрым сердцем светом истинного Богопознания». Именно с этой целью создавались новые миссионерские станы, в которых миссионеры никогда не отсиживались на одном месте. Чтобы донести слово Божье в юрту кочевника, проповедники Веры, рискуя жизнью, проезжали сотни верст по горным тропам, переправляясь через бурные реки.

Миссионерам необходимо было «переродить» языческий образ мыслей в православное мировоззрение, создать особую атмосферу христианского бытия, в которой бы жили и формировались целые поколения.

Ни одна сторона жизни инородцев не обходилась без внимания миссионеров. Миссионеры помогали новокрещеным налаживать быт. Строили избы, покупали, по возможности, скот, особенно многодетным. С увеличением числа новокрещенных семей Миссия стала обустроить особые миссионерские селения для новокрещённых «инородцев».

Однако истинное просвещение не мыслимо без грамотности. Миссионеры создают письменную грамматику алтайских наречий.

До прихода в Горный Алтай православных миссионеров здесь не было ни одной даже начальной школы. Первыми школами стали дома миссионеров. В крайне стесненных условиях учились грамоте первые из новокрещенных.

Школа, по словам создателя системы «инородческого» образования в России Н.И. Ильминского, должна была стать местом, где дети не только получают знания, развивающие ум, но и воспитывались в духе православ-

ной веры. Немаловажное значение при этом он придавал совместному обучению детей родителей православного исповедания (русских и инородцев), так и некрещённых.

Постепенно процесс обучения в миссионерских школах приобретал более упорядоченный характер. Они влились в общую систему православного образования в России, подразделившись на церковно-приходские и школы грамоты. К началу XX в. в Алтайской миссии сложилась достаточно чёткая система учебных заведений, где из 54 школ одна была двухклассной, 30 одноклассных и 23 школы грамоты.

Таким образом, деятельность Алтайской Духовной миссии, образованной в 1830 г., была весьма многогранной и просветительской по своей сути. Назовем наиболее яркие имена алтайских миссионеров – просветителей. Это основатель миссии преподобный архимандрит Макарий (Глухарев), протоиерей Стефан Ландышев, архимандрит Владимир (Петров), святитель Макарий (Невский), архиепископ Иннокентий (Соколов), протоиерей Василий Вербицкий; из коренного населения – миссионеры – представители первой алтайской интеллигенции – протоиерей Михаил Чевалков, священник Иоанн Штыгашев, священник Стефан Борисов и многие другие труженики на ниве просвещения народов, населявших Горный Алтай.

Годы советской власти нанесли непоправимый урон христианскому просвещению народов Горного Алтая, и, к сожалению, не суждено было сбыться словам одного из ярчайших миссионеров Русской Православной Церкви преосвященного Владимира (Петрова), сказанным во время празднования пятидесятилетия Алтайской духовной миссии в 1880 году. Владыка надеялся, что к окончанию второго пятидесятилетия Миссии светом Христовой Истины будут просвещены все алтайские «инородцы». Однако, несмотря на полное упразднение в 1920-е гг. миссионерских учреждений, дело просветителей Алтая не исчезло бесследно и получило свое полноценное продолжение среди потомков новокрещенных инородцев в наши дни.

В начале двадцатых годов XX века прекратили свое существование монастыри Алтайской миссии (мужской – Чульшманский Благовещенский, три женских – Улалинский Никольский, Бийский Тихвинский и Чемальская община). Упразднен был и Бийский Архиерейский дом – резиденция начальника Алтайской миссии. Последний начальник Миссии – архиепископ Иннокентий (Соколов) – был этапирован с Алтая в 1923 г. В начале 1924 г. священник разоренного Тихвинского монастыря, игумен Никита (Прибытков) от Патриарха Тихона принял

сан епископа и приехал на Алтай вместо изгнанного архиепископа Иннокентия. Власти не дают покоя и новому епископу Бийскому. Тем не менее, вплоть до ареста (в 1931 г.) преосвященный Никита не покидал паствы Бийской, Рубцовой, Кузнецкой и Ойротской – так звучал его титул. В дальнейшем, находясь на Белевской кафедре Тульской епархии, он был арестован и расстрелян в 1938 г. Епископ Никита (Прибытков) прославлен в лике святых новомучеников в 2001 г.

Не оставляли места своего служения и ряд других священников-миссионеров. Так, в 1920-е гг. окормлял чулышманскую и улаганскую паству иеромонах Валентин (Галитовский). В его личном часослове, сохраненном одной благочестивой семьей, на форзаце было написано, что в 1928 г. на него был возложен наградной крест. Умер он в начале тридцатых годов и похоронен на кладбище в селе Чибит Улаганского района Республики Алтай.

Вплоть до ареста в 1927 г. продолжал служить в Бирюлинской церкви священник-миссионер Стефан Чевалков. В 1929 г. он был арестован вторично, из тюрьмы уже не вернулся. В то же время был арестован весь причт Улалинского храма Всемилошного Спаса.

К середине 1930-х гг. на территории Горного Алтая не осталось ни одного действующего миссионерского стана или прихода. До революции их насчитывалось более тридцати. Окормлением немногочисленных православных Горного Алтая занималось бийское духовенство: Покровского храма (до разрушения церкви в начале 1960-х гг.) и Успенского.

Хотя были закрыты и уничтожены храмы, но остались люди, которые хранили веру Православную. Были те, кто съезжался из далеких горных уголков в Бийск на двенадцатые праздники. А, если невозможно было доехать до Бийска, то собирались к местам, где стояли некогда храмы (как было, например, в селе Иня Онгудайского района Республики Алтай). Если было опасно собираться на видном месте у закрытых храмов, то ходили к местам, каким-то образом связанным с миссионерами-священниками. Интересен пример жителей с. Матурского. После закрытия стана и женской общины священник (имя его, к сожалению, забыто) удалился в лес, где жил в выкопанной собственноручно пещере. Рядом с пещерой им был установлен и освящен крест. Разумеется, священника вскоре арестовали, но местные жители ежегодно на Пасху приходили к кресту молиться. В годы хрущевских гонений крест сожгли, но верующие продолжали приходить на праздник теперь уже к остаткам сгоревшего креста. Стоит сказать, что и

сегодня в наиболее отдаленных и труднодоступных местах алтайских гор сохранились кресты, установленные алтайскими миссионерами. Так, в 2001 г. нам удалось обнаружить миссионерский крест на одной из вершин северного побережья Телецкого озера. Несколько миссионерских крестов сохранилось в Улаганском районе, где ныне совершает служение игумен Макарий (Чулунов). Таким образом, Церковь сохранилась в Горном Алтае, хотя и вынуждена была существовать в «катакомбных» условиях.

Долгими были годы гонений, но связь времен не прервалась. Сегодня живы еще те, которые помнят, как проповедовали миссионеры, как совершались богослужения в миссионерских храмах, как посещал Алтай святитель Макарий (Невский). Это, например, Татьяна Давыдовна Тозыякова (1910 г.р.) и Петр Степанович Чевалков (1913 г.р.) - сын священника Стефана Чевалкова; он пономарил в храме своего отца.

Сколь стремительно было разорение, столь же стремительно оказалось и возрождение. В конце XX в. Русская Православная Церковь пережила как бы второе рождение. Восстановление приходской жизни в Горном Алтае началось практически сразу после празднования в нашей стране тысячелетия Крещения Руси в 1988 г. Во многих местах стали открываться приходы, возрождаться и строиться храмы. О том, что Православие действительно сохранилось в Горном Алтае, свидетельствует протоиерей Ростислав Кирашук, настоятель возрожденного Улалинского (ныне г. Горно-Алтайск) прихода. В 1990 г. он завершил строительство нового Преображенского храма. Отцу Ростиславу первому после лихолетья довелось посещать те места, где некогда проповедовали миссионеры. Что особенно удивляло - верующие алтайцы сохранили благочестивые обычаи обращения со святынями, общения со священнослужителем. В 1990-е гг. инициативу возрождения храмов в Республике Алтай брали на себя местные жители. Причем, получив благословение епархиального начальства, они, не дожидаясь, когда к ним будет назначен священник, начинали восстановительные работы. Так было, в частности, в селах Онгудай, Балыктуюль, Паспаул.

Итак, в Горном Алтае за несколько десятилетий деятельности Алтайской миссии православие укоренилось настолько, что стало неотъемлемой частью жизни местного населения, в том числе и коренных национальностей. В этом несомненная и основная заслуга алтайских миссионеров, как христианских благовестников.

Сегодня уже осталось малое число живых свидетелей бескорыстных и самоотверженных трудов сотруди-

Алтайской Духовной миссии, поэтому главными источниками для изучения истории Миссии по прошествии почти столетия со дня прекращения ее существования являются архивные и опубликованные документы.

НЕЗАБВЕННЫЙ АПОСТОЛ АЛТАЯ АРХИМАНДРИТ МАКАРИЙ (ГЛУХАРЕВ)

Деятельность Русской Православной Церкви на окраинах Российской Империи ознаменована самоотдачей и самопожертвованием ряда настоящих подвижников веры. Несмотря на значительные правительственные решения в области политического и хозяйственного освоения окраинных земель, частью которого было и распространения Православия среди коренных народов, миссионерство было уделом лишь немногих пастырей, способных в ущерб своему здоровью, материальному и семейному благополучию трудиться ради просвещения жителей Сибирской земли.

Одним из прославленных миссионеров России был архимандрит Макарий (в миру - Михаил Яковлевич Глухарев). Родился он в 1792 г., 8 ноября, в смоленском городе Вязьме в семье священника Иакова Глухарева. Начальное образование получил в домашних условиях. Затем было обучение в Вяземском Духовном училище при Предтеченском монастыре и Смоленской семинарии.

После успешного окончания семинарии в 1813 г. Михаил Глухарев был определен учителем в Смоленское духовное училище. Через год его, как лучшего воспитанника семинарии, направили в только что открывшуюся Санкт-Петербургскую Духовную академию, ректором которой тогда был святитель Филарет (Дроздов), впоследствии митрополит Московский, много и плодотворно потрудившийся на ниве просвещения. В 1994 г. он был причислен к лику святых.

В 1828 г. Святейший Синод для просвещения инородцев Сибири учредил особую миссию в Тобольской епархии и тогда же поручил Преосвященному Евгению (Казанцеву), архиепископу Тобольскому, выявить наиболее способных добровольцев из числа духовенства его епархии. В то время архимандрит Макарий был насельником знаменитой Рождества Пресвятой Богородицы Глинской пустыни и как только узнал о просьбе владыки Евгения, тотчас решил ехать миссионером в Сибирь. Отец Макарий подал прошение в Синод и вскоре был направлен в Тобольскую епархию.

Чрезвычайно сложным был первый период – основание Миссии - для архимандрита Макария (Глухарева). Отправляясь в далекий Алтай, основатель Миссии отка-

зался от материального вознаграждения за свои миссионерские труды.

В течение первого года пребывания на Алтае, архимандрит-миссионер, объезжая инородческие селения и казачьи редуты, подбирал место для первого миссионерского стана. Таковым стал улус Найминский (Майминский) в устье реки Майма. Миссионерский стан при архимандрите Макарии представлял собой помещение для походной церкви и несколько изб для жительства миссионера и причетников. За 14 лет пребывания архимандрита Макария в должности начальника Миссии было основано три миссионерских стана: в Майме (1831г.), Улале (1834г.) и Мыюте (1839г.). Однако, постоянно действующим был только один из них – Улалинский, который ко второй половине 1830-х гг. стал центральным. Богослужения при архимандрите Макарии совершались в обычных домах или избах. Алтарная часть от остального помещения отделялась раскладным походным иконостасом. В 1838г. "новокрещенные инородцы и другие православные христиане, живущие в Улалинском селении построили настоящую церковь". Размеры первой Улалинской церкви составляли около 15 аршин в длину и восьми аршин в ширину (10,5 м на 5,6 м). Освящена она была в честь Всемилоственного Спаса, согласно антиминосу, находившемуся в Миссии.

Основатель Алтайской миссии начал строительство храма в Майме – первого каменного здания в Горном Алтае. Основная же заслуга преподобного Макария не просто в крещении инородческого населения Горного Алтая, а в создании условий для полноценной церковности в среде новокрещенных. Отец Макарий начал прививать инородцам непривычный для них оседлый образ жизни. Новокрещенные христиане – воспитанники архимандрита Макария – на многие годы сохранили память о своем первом духовном наставнике – «Незабвенном», как называли его. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что в год 50-летнего юбилея Миссии (1880г.) в Макариевском миссионерском стане, названном в честь преподобного Макария, инородец Софроний Чендеков построил за свой счет новый храм. С.Чендеков был крещен основателем Миссии.

Архимандрит Макарий от новокрещенных требовал строгого исполнения церковных правил: соблюдения постов, регулярного говения (исповеди и причастия) и посещения церковных богослужений. Воспитывал навыки ведения домашнего хозяйства как у мужчин так и у женщин. Но особенно значимым средством создания крепких христианских семей был «институт» приемничества. Он смог утвердить церковный образ жизни,

принципы духовного родства среди крещеных инородцев. Именно архимандрит Макарий (Глухарев) «положил твердое основание святой и животворной веры на Алтае, обратив ко Христу и научив истинному благочестию 675 душ алтайцев» (Алтайская духовная миссия. М., 1864., с.5).

После окончания миссии на Алтае архимандрит Макарий вернулся в центральную Россию, в Орловскую губернию, где стал настоятелем Болховского Троицкого Оптина монастыря, где был и похоронен в 1847 г.

За 85 лет существования с 1830 по 1917гг. в Алтайской Духовной миссии была создана структура из более чем 30-ти миссионерских отделений, в которых находилось 40 храмов (не считая монастырских), 55 молитвенных домов и часовень, около 90 школ и более 400-т миссионерских селений. Более половины коренных жителей Алтая были крещены и исповедовали Православие.

Царю Небесному и земному верный. Митрополит Макарий Московский, апостол Алтайский (Невский)

Молись, борись, спасайся!

Письма митрополита Макария (Невского) духовной дочери.

Святитель Макарий (в миру – Михаил Андреевич Невский, 01.10.1835 – 16.02.1926) – великий подвижник, отдавший 36 лет апостольскому служению на Алтае. С 1912 г. - митрополит Московский, от Патриарха Тихона получивший в знак признания великих святительских заслуг титул митрополита Алтайского. Будущий апостол Алтая родился в семье причётника Владимирской епархии. В 1854 г. окончил Тобольскую Духовную семинарию, в феврале 1855-го поступил на службу в Алтайскую Духовную миссию. С января 1857 г. исполнял обязанности чтеца, вёл занятия в миссионерских школах Чемала и Улалы, ухаживал за больными, копал гряды в огородах, – он шёл всюду, где был нужен для целей Миссии его труд. Много дней проводил он вместе с неграмотными толмачами над переводами молитв и богослужений на алтайский язык.

В марте 1861-го пострижен в монашество, рукоположен в иеродиакона, а 19 марта – во иеромонаха в походной церкви Алтайской миссии. В этом сане миссионер трудился в Чемальском отделении миссии, в Чемальской и Чеповской миссионерских школах. В ноябре 1864 г. отец Макарий был утверждён заместителем Чульшманского Благовещенского миссионерского монастыря. Не думая об удобствах жизни, он заботился только о наилучшем исполнении возложенных на него Господом обязан-

ностей. Не только новообращённые ценили отца Макария – к нему стекались простые люди со всех мест этого глухого в те времена края, простыми сердцами чувствуя в нём доброго наставника.

В 1864-м, а затем в 1867-1868 гг., находясь в Петербурге, о. Макарий подготовил для издания первые книги на алтайском языке. В 1869 г. подготовлены и изданы «Грамматика алтайского языка», первая нотная книга с алтайским текстом.

Отец Макарий был избран членом Совета переводческого Братства Св. Гурия (Казань). Много усилий святитель положил обучению церковному пению воспитанников Казанской учительской семинарии. Преосвященным Антонием (Амфитеатовым), архиепископом Казанским и Свяжским 29 июля 1871 года возведён в сан игумена.

В 1872 г. в Чеповской школе состоялся первый выпуск учителей для соседних школ, которые начали преподавать грамоту по созданной отцом Макарием алтайской азбуке. Этому примеру вскоре последовали и другие училища и школы.

С 1876 г. он – член комиссии по рассмотрению рукописей, предназначенных к изданию на алтайском языке. С 30-летним стажем плодотворной миссионерской деятельности, возведенный в сан архимандрита, в 1883 г. отец Макарий возглавляет Алтайскую Духовную миссию. За эти годы он узнал Алтай и его народ, как никто другой.

За 8 лет его руководства значительно возросло число миссионерских станций, церквей, школ; умножилось число приходских попечительств, получили развитие многие другие благотворительные учреждения.

В 1891 г. состоялась епископская хиротония архимандрита Макария (Невского) в епископа Томского и Семипалатинского. В 1895 г. владыка Макарий избирается почётным членом Казанской Духовной академии. С учреждением Омской епархии, назначается епископом Томским и Барнаульским, 6 мая 1906 г. возведён в сан архиепископа, с учреждением Барнаульского викариатства в 1908 г. - архиепископ Томский и Алтайский.

25 ноября 1912 г. Государь Император Николай II Августейшим Решением назначил архиепископа Макария митрополитом Московским и членом Святейшего Синода. Когда владыка уезжал в Москву, буквально весь Алтай плакал: уезжал духовный отец и молитвенник. По март 1917 г. он возглавлял Первосвятительскую кафедру как митрополит Московский и Коломенский и священноархимандрит Троице-Сергиевой Лавры. Высокопреосвященнейший Макарий, неся великие Перво-

святительские труды, большое внимание уделял миссионерству, возглавляя Православное миссионерское общество. А в 1917-м Временное правительство уволило его из состава Святейшего Синода, и затем он был смещен с Московской кафедры, которую возглавил будущий Святейший Патриарх Тихон. Владыка Макарий принял активное участие в работе Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917-1918 годов, восстановившего Патриаршество.

После октябрьских событий 1917 г. владыка Макарий, как вся наша Православная Церковь, подвергся тяжким гонениям.

22 августа 1920 г. святителю Макарию по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Тихона был присвоен пожизненно титул митрополита Алтайского. До самой смерти владыка Макарий оставался духовным руководителем Миссии, управлял алтайской паствой из Николо-Угрешского монастыря. Он отправлял на Алтай миссионеров, рукополагал для Сибири епископов и священников, занимался переводами на алтайский язык. «Вот, я ещё могу быть полезным Алтаю», – говорил он. И это – несмотря на то, что последние пять лет жизни старец был разбит параличом.

Митрополит Макарий, апостол Алтайский блаженно почил 16 февраля 1926 г. на 91 году жизни в окружении своих духовных чад и почитателей. Погребен был на приходском кладбище станции Люберцы около алтаря кладбищенского храма, а в 1957 г. по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I святые останки его были перенесены в Троице-Сергиеву Лавру, где пребывают в крипте Успенского собора – в храме Всех Святых, в земле Российской просиявших.

В 2000 г. на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви митрополит Алтайский Макарий (Невский) прославлен в лике святых. День его памяти – 16 февраля (1 марта по новому стилю).

Алтай стал свидетелем чудес, которыми Промысел Божий, видимо, содействовал преосвященному Макарию. Его удивительная способность к языкам поражала людей. Он имел дар исцеления. Келья его всегда была переполнена больными и страждущими, которые уходили от старца исцеленными. Во всей деятельности Высокопреосвященного Макария проявлялся дух истинно христианской любви к ближним, отеческой ласки, отзывчивости, открытости. «Сибирский столп Православия», «живой русский святой» – так называли владыку Макария ещё при жизни.

Священник-миссионер-ученый Василий Вербицкий

Жизнь протоиерея Василия Вербицкого поучительный пример служения Церкви, людям и науке.

Сын дьячка Нижегородской епархии, В.И. Вербицкий по окончании курса наук в Нижегородской семинарии прибыл в Сибирь, где 37 лет своей жизни посвятил здесь миссионерской деятельности на Алтае. Он неутомимо трудился как миссионер и этнограф по изучению местного инородческого населения.

С самого же начала своего поступления в миссию о. Вербицкий, прекрасно сознавая, что без знания языка местных инородцев невысказанная успешная среди них миссионерская деятельность, горячо принимается за изучение алтайского языка. Результатом этого изучения является его книга «Краткая грамматика алтайского языка». Итогом его 30-летней работы стал капитальный лингвистический труд в 500 страниц по этнографии под заглавием: «Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка». Рядом с собиранием лексикологического материала он проводит и всестороннее изучение быта алтайских инородцев. Многочисленные статьи священника Вербицкого в разных изданиях (в «Вестнике Императорского Русского Географического Общества», «Православном Обозрении», «Томских губ. Вед», «Томских Епарх. Вед», «Памятных книжках Томской губ.», «Восточном Обозрении» и в приложении к нему – «Литературный сборник») обогащают российскую этнографию подробными и в высшей степени ценными для нее сведениями о кочевниках Алтая.

Трудно указать на какую-либо сторону быта алтайцев, - материального или духовного, - которая не заинтересовала бы пытливым умом миссионера-этнографа и не была бы изучена им в возможной полноте. Особенное внимание отца Василия Вербицкого всегда приковывала к себе мифология алтайцев, насколько исполненная образной поэзии, настолько же полная высоко-научного значения. Мифы и легенды, собранные В.И. Вербицким среди инородцев Алтая, заключают в себе драгоценнейший источник для этнографии вообще, и для фольклора в частности. До сих пор фольклористы черпают для себя материал из этого источника.

Из записок священника-миссионера Василия Вербицкого

(Извлечение из Записок сотрудника Алтайской Миссии священника Василия Вербицкого за 1857 год, Москва, типография В. Готье, 1859)

Январь. Явились ко мне для крещения два кумандинца из аила Ужлепа (около 50 верст от Маймы) оба 19 лет. Один хорошо говорит по-русски, а другой только понимает. На вопрос мой: что побудило вас искать крещения, Дэнишкэ отвечал: «нынешним летом был у нас один из Улалы (рясофорный послушник Михаил Невский) и уверил, что крещеным людям жить хорошо, их Господь любит, потому что Он им Отец; а некрещеными управляет злой дух корюмезь, который и сам будет мучиться, а с ним все, которые веруют в него. Вот мы с Кабрахом и вздумали креститься, учились потихоньку, тайно от своих, и молитвам, которые слышали от новокрещенных». Действительно некоторые из кратких молитв им уже были известны.

По наставлении в истинах христианской веры и жизни, они удостоились принять святое крещение. В учении, которое преподавалось им на русском языке, непонятное для последнего весьма удачно объяснял ему первый. Заметно было, что они давно томились жаждою воды живыя; ибо приступали к таинственной купели крещения с особенно живым усердием. Иоанн (Дэнишкэ) на вопрос: «сочетаваешился Христу?» - никем не предупреждаемый, отвечал троекратно: «сочетаваюся истинному Богу – Иисусу Христу».

Март. Условившись с братом Михаилом (Невским), посещали мы живущих далеко от церквей новокрещенных инородцев, для причащения их святых Таин тела и крови Христовой. Брат Михаил, отправляясь за неделю впредь в их аилы, общественною молитвою и поучением приготавливал их к трапезе Господней. 13-го марта в селении Верхнем-Карагуже приобщено нами Христовых Таин обою пола 104 человека. Из них беднейшие, по отдаленности, никак не могли бы исполнить сего христианского долга, если бы Сам Господь в таинстве тела и крови Своей не явился среди жилищ их.

Из Верхнего – Карагужа проехал в селение новокрещенных инородцев Ташту. Здесь 30 человек приготовлены были к принятию святых Таин Христовых. Потом в Кабыжаке крестил кумандинца Илькэ с женою и сыном. Зять Илькэ, нарочно приехавший сюда из татарского аила, долго уговаривал его не принимать христианства и не бросать веры отцов своих. Брат Михаил, видя здесь кознь искусителя, поспешил надеть на Илькэ крест, для отражения от него наветов вражиих. Жена Илькэ сначала не хотела мне и казаться, под тем предлогом, что стыдно ей в таком зрелом возрасте принимать крещение. Но муж ее уговорил ее, по крайней мере, придти к нам и послушать учения христианского. Она уступила просьбе мужа, пришла к нам с сыном, бла-

годать Божия воздействовала в ней, и – все трое приняли христианство.

На другой день с благоговением приступили к таинству причащения 36 человек. По крещении младенцев новокрещенных родителей и после великопостной трапезы, мы отправились в обратный путь. И вот дхнул дух бурен, свет Божий затмился, от дороги не осталось ни малейшего следа. Кони весьма часто сбивались и тонули в снегу. С большим трудом, чрез восемь часов, достигли мы Ташты, до которой было не более восьми верст. Пока мы здесь переменяли коней, буран утих, оставив следы свои в деревне и в поле. Ташта стоит в долине. Из нея нам должно было подниматься на довольно высокую гору. Три плохия лошади, запряженные одна за другою, едва в состоянии были идти. Щадя животных и покоряясь необходимости, мы отправились в гору на лыжах. Проскользив по горе около двух верст, мы выбились из сил и поместились кое-как в узких салазках. Кони потащились тем же порядком, как и из Кабыжака. Много нами было пропето разных духовных песней до тех пор, как стал показываться из-за кустов столь вожделенный для нас Верхний – Карагуж, который приютил нас и обогрел.

В Карагуже буран действовал слабее; впрочем в Черни всегда бывают сильнее. Путь наш должен был разделиться: брату Михаилу нужно было ехать в Улалу, а мне – в Майму, и в ночь отправился я к своей пастве.

В деревне Чаргычаке, в одной версте от Маймы, около полуночи встретил меня крестьянин с величайшею горестию: у жены его распухло горло и язык. Приобщив большую святых Таин, и – приложив к горлу ее кусок булки, сваренной в молоке, я благополучно прибыл в Майму.

Апрель. Шестнадцатилетний отрок Кузюрюк возымел желание креститься. Он пришел из татарской юрты, к своим крещеным родственникам, в деревню Верхний-Карагуж. Здесь познакомился с детьми новокрещенных инородцев, и двоих из них упросил отвезть его к абызу (священнику). По чрезвычайно испорившейся дороге от глубокого снега, казалось невозможным проехать и верхом из Верхнего-Карагужа до Маймы. Но где действует промысел Божий, там все покоряется. Кузюрюк с своими товарищами явился ко мне, объявил причину своего трудного путешествия, и остался погостить у меня. На другой день Кузюрюк начал усвоять себе познание истинного Бога и спасительныя истины веры Христовой; юные товарищи его помогали ему изучать на память краткия молитвы, и все вместе назидались во спасение.

В полдень 25 апреля в р. Майме, недалеко от моего дома, где выкинутая на берег большая льдина приготовила для меня весьма удобное для совершения таинства подножие, - язычник Кузюрюк просветился святым крещением, получив христианское имя Василия; я был его восприемником. По крещении инородцы чувствуют небесную в душе радость, которая отражается и в самом теле. «Сердцу веселящемуся лице цветет» (Притч.15,13). Новопросвещенный Василий подтвердил это собственными словами, что на сердце у него весело. А на мой вопрос: «как ты это вздумал креститься, когда жил среди Татар, - отвечал: «Бог мне вложил такую хорошую мысль, чтобы креститься». Лучшего ответа и быть не может.

Дай Бог, чтобы все христиане благочестивыя желания и действия всегда приписывали источнику оных – Господу Богу.

Два дня после того новокрещенный Василий утверждаем был в христианстве, и наконец удостоился слышать божественную литургию и приобщиться тела и крови Христовой.

Миссионер протоиерей Михаил Чевалков

Чевалковы были одними из тех нескольких семейств некрещенных телеутов, которые жили в Улале ещё до посещения её архимандритом Макарием (Глухаревым). Сам Михаил Чевалков в своём «Памятном завещании» описал, как в возрасте 11 лет он, находясь в доме у русского мальчика Якова, впервые встретился с о. Макарием. Он увидел, как «входят к ним два человека в чёрных одеждах, на головах шапки с накрывкой». Одним из них и был архимандрит Макарий, который заговорил с Михаилом о Боге. Эта встреча произвела на мальчика неизгладимое впечатление, после которой он, по его словам, «желал бы и креститься, но боялся родителей». Крестился он в 1836 г., обучался грамоте у о. Макария, потом работал толмачом и переводчиком в Алтайской Миссии и стал первым алтайцем, получившим сан диакона, а затем и священника.

Он принимал участие в работе по переводу богослужебной литературы на язык местных народностей, обучал языку вновь прибывающих служителей Миссии. Его учениками были миссионеры архимандрит Владимир Петров, о. Макарий (Невский) и многие другие.

Для жизни и деятельности этого самобытного и одарённого человека была характерна ещё одна черта – писательский талант. Созданные им басни, стихи, духовно-нравственные поучения, поэмы-притчи нашли любовь и признание алтайского народа, использовались миссионерами в их воскресных чтениях и беседах со своими прихожанами. Филологи по праву считают М. Чевалкова

основателем алтайской литературы.

Новомученики Барнаульско-Алтайской епархии

Репрессии 1920-1930-х гг., прокатившиеся по всей стране, не обошли Алтая, а Церковь и её служители стали прямым объектом репрессий. Для ареста было достаточно таких улик, как Библия в доме или рукописных богослужебных текстов. Так было, например, с епископом Никитой (Прибытковым), против которого одной из главных улик при аресте стал текст службы «Всем святым в земле Российской просиявшим», утвержденный на Поместном Соборе 1917-1918 гг.

Из Алтайских преосвященных архиепископ Иннокентий (Соколов) был этапирован за пределы Алтайского края в 1923 г. Архиепископ Иаков (Маскаев) – расстрелян в 1937-м. Епископ Владимир (Юденич) дважды сослан в 1923 г. и 1927 г., дальнейшая судьба не известна. Епископ Никита (Прибытков) трижды осуждён, дважды сослан, расстрелян в 1938-м. Епископ Герман (Коккель) после ареста изгнан с Алтая в 1932 г., дальнейшая судьба не известна. Епископ Тарасий (Ливанов) расстрелян в 1932 г.

Пик репрессий алтайского духовенства пришёлся на 1937 г.: 263 человека было расстреляно, в том числе 170 священников.

С 1931 по 1939 г. были закрыты все храмы Алтайского края (347) и Горного Алтая (35). В начале 1920-х гг. на Алтае закрыли все монастыри.

Собор Алтайских Новомучеников

- Архиепископ Иаков и с ним пострадавшие священники Иоанн Михайлович Можирин и Пётр Гаврилович Гаврилов, монах Феодор (Никитин) и мирянин Иван Андреевич Протопопов. Все они проходили по одному делу о якобы повстанческой организации в Смоленском районе, были арестованы в 1936 г. и расстреляны 29 июля 1937 г. в г. Бийске. Прославлены Юбилейным Архиерейским Собором 2000 года.

- Священномученик Никита Белевский. Уроженец Алтая, отец Никита почти полвека прослужил в священном сане на алтайской земле, в 65 лет стал епископом Бийским. В 1920-е годы дважды привлекался к суду, был выслен с Алтая. Случил в Тульской епархии викарным епископом Белевским. В начале 1938 г. арестован и расстрелян. Прославлен в сентябре 2001-го в Тульской епархии как местночтимый святой.

- Преподобномученик Киприан (Нелидов), келейник митрополита Сергия (Страгородского), был арестован и в 1933 г. отправлен в Сиблаг. Здесь 16 июня 1934 г. на

строительстве Чуйского тракта в Горном Алтае он умер. Канонизирован в феврале 2002-го в Москве.

Новомученики архиепископ Иннокентий (Соколов) и его сын протоиерей Алексей Соколов. Архиепископ Иннокентий – близкий ученик святителя Макария (Невского), более полувека трудился в Алтайской миссии. В 1923-м этапирован из Бийска в Москву, где и скончался в 1937 г. Похоронен у Никольского храма села Ромашково в Подмосковье. Протоиерей Алексей Соколов расстрелян в 1937-м в Москве.

НЕСУЩИЕ АПОСТОЛЬСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

Сегодня епархией уделяется серьезное внимание каноническому совершению богослужений. Ранее священнослужители через 3-4 дня после рукоположения отправлялись на сельские приходы, не только не имея духовного образования, но и не имея даже церковной практики. За последние несколько лет в епархии рукоположено более 60 священнослужителей из числа воспитанников Духовной школы, получивших и духовное образование, и опыт.

В Алтайской епархии также возрождена традиция крестных ходов. Наиболее известным из них является крестный ход с Коробейниковской иконой Божьей Матери. Крестный ход ныне собирает до 70 тысяч молящихся. Упорядочено и совершение Крестного хода к Святыне - Казанской (Коробейниковской) иконе Божией Матери. Крестный ход совершается в течение недели на протяжении 240 км. Примечательно, что среди его участников (600 чел.) молодежи до 60%.

Большое внимание священники и миссионеры уделяют катехизации. Сегодня в епархии действует более 120 воскресных школ, то есть почти на каждом приходе. Некоторые из них в крупных городах постепенно становятся центрами духовности - с кружками, театральными студиями, и даже компьютерными классами, с тем, чтобы подростки могли составлять учебные работы в Церковной ограде, а не сомнительных «Интернет-кафе».

Одно из приоритетных направлений - совершенствование социального служения и работы с молодежью. В 2005 г. было организовано сестричество во имя прмц. великой княгини Елисаветы, по работе с больными и страждущими. Силами сестричества окормляются многие городские и сельские больницы.

В рамках оказания помощи ВИЧ-инфицированным и больным СПИДом действует общественная организация «Благовещение» по программе, утвержденной Синодальным отделом РПЦ. Организация «Благовещение» имеет

положительную оценку соответствующих структур. С 2003 г. действует общепархиальный летний лагерь отдыха для детей и подростков. Смены лагеря проходят в живописнейших районах Горного Алтая. В лагере проходят педагогическую и катехизаторскую практику воспитанники БПДС. В епархии налажено взаимодействие с правоохранительными органами и исправительными учреждениями. Во всех исправительных учреждениях и воинских частях имеются либо храм, либо молитвенные комнаты, которые окормляются священнослужителями. В большинстве воинских подразделений освящены знамена и боевая техника. А также были подписаны соглашения о сотрудничестве Епархии с ГУВД, БЮИ, УФСИН, что повлекло за собой тесное взаимоотношение. С 2005 г. все призывники Алтая получают наставления священнослужителей перед отправкой на службу в ВС, а желающие имеют возможность принять Таинство Крещения.

Важным событием стало открытие в 2005 г. епархиального музея «Истории Православия на Алтае», имеющего четыре зала. Большое внимание экспозиции посвящено новомученикам и деятельности Алтайской духовной миссии. При Знаменском женском монастыре г. Барнаула в 2004 г. в декабре месяце была образована и освящена реставрационная иконописная мастерская.

Знаменательно еще и то, что несмотря на сложное время, когда русский народ переживает духовный, нравственный и экономический кризис, в епархии возводятся и освящаются храмы и часовни.

Барнаульско-Алтайская епархия включает в себя территории, традиционно связанные с миссионерской деятельностью Русской Православной Церкви. С первой половины XIX века на Алтае была создана и функционировала Алтайская духовная миссия, достижения которой в дореволюционный период были образцом по организации миссионерства для внутренних миссий Российской Империи. Опыт Алтайской миссии сохраняет актуальность и в наше время. Идеи, принципы, методы просветительской деятельности алтайских миссионеров могут быть применены в современной миссии. Тем более, что наиболее выдающиеся деятели - прп. Макарий и свт. Макарий Алтайские канонизированы в лике святых.

Миссионерский отдел в Барнаульско-Алтайской епархии был создан в сентябре 2000 г. Начальный этап возрождения миссионерской деятельности был связан в первую очередь с изучением исторического опыта Алтайской Духовной миссии. Многие материалы собирались из архивных документов, воспоминаний старожилов. Результатом исследовательской работы стали

многочисленные статьи, буклеты о святых местах Алтая, жизни новомучеников.

Епархиальные миссионеры считают хорошим основанием для воцерковления работу по выявлению остатков храмов и других церковных строений, а изучение истории приходов. Были проведены и проводятся экспедиции по расчистке фундаментов храмов и могил священнослужителей - в Онгудае, Жуланихе, Мьюте. На этих работах трудятся студенты семинарии, учащаяся молодежь. Во время работы экспедиций священнослужители совершают катехизацию и крещение местных жителей.

В летний период проводятся миссионерские поездки, в том числе и с участием студенческой молодежи из других епархий. Удалось охватить Солтонский, Белокурихинский, Солонешенский районы Алтайского края и Усть-Коксинский, Усть-Канский, Улаганский, Турачакский, Чойский районы Республики Алтай. Было посещено десятки селений, совершено более тысячи крещений. Литургии совершаются в походной церкви. Результатом таких поездок являются не только многочисленные крещения и богослужения, но и формирование новых приходов.

Современные миссионеры понимают, что знания истории, их озвучивание через средства массовой информации не заменят личную проповедь. Учитывая обширность Алтая, многочисленность отдаленных селений, лишенных постоянного пастырского окормления, епархия старается отправлять не одну-две, а несколько миссионерских групп.

С преобразованием Барнаульского Духовного училища в семинарию и значительным увеличением числа студентов, появилась реальная возможность создавать многочисленные миссионерские группы. И миссионеры стремятся организовать так работу, чтобы в Алтайском крае, Республике Алтай не осталось ни одного селения, ни одного жителя, лишенного возможности получить пастырское окормление.

Сегодня миссионеры отдела Барнаульско-Алтайской епархии систематически занимаются следующим:

1. Исследовательской работой по изучению и популяризации исторического наследия Алтайской духовной миссии и истории Православия на Алтае.

К исследованиям по православной тематике привлечены студенты и преподаватели Алтайского государственного университета, Алтайской академии искусств и культуры, Горно-Алтайского государственного университета, сотрудники Краевого архива, Горно-Алтайского краеведческого музея. Защищены три кандидатские диссертации, около десяти

дипломных работ, написаны и опубликованы в научной и церковной прессе десятки статей.

Проводятся ежегодные общепархиальные Свято-Макариевские чтения, включающие в себя три этапа: Барнаульский, Бийский и Горно-Алтайский. По результатам Чтений публикуются сборники научных и церковно-краеведческих трудов. В Горно-Алтайске проходили и Чевалковские чтения.

Изданы монографии, брошюры, буклеты и другие наглядные материалы по истории Православия и святых мест Алтая.

2. Организацией экспедиционной работы по выявлению святых мест, утраченных храмов и их благоустройства. Установлено точное место могилы миссионера протоиерея Михаила Чевалкова, первого священника-алтайца. Обнаружено место подвига и кончины преподобномученика Киприана (Нелидова). Расчищен фундамент храма и пещер Александро-Невского скита Алтайской миссии в Жуланихе, фундамент и погост Михайло-Архангельской церкви Мьютинского миссионерского стана. Обнаружено 7 захоронений.

С 2000 по 2006 г. обнаружены, описаны и заординированы около 80 мест храмов и молитвенных домов, в том числе более 10 сохранившихся срубов старинных храмов. В некоторых из них сегодня восстановлено богослужение.

3. Созданием базы данных по священнослужителям и истории приходов.

Переведены из архивов Барнаула, Томска и Горно-Алтайска в электронный вид клировые ведомости сотрудников Алтайской миссии, общим числом около 450 человек. Создан перечень миссионерских построек Алтайской духовной миссии, собраны архивные и фото материалы, позволяющие восстановить облик порядка 60 объектов.

4. Переводами богослужебных и катехизических текстов на современный литературный алтайский язык.

Миссионерский отдел с 2002 г. ведет целенаправленную работу по возрождению традиций миссионерских переводов на алтайский язык. Уже вышло из печати два издания: «Каткий молитвослов на алтайском и церковнославянском языках», «Православный молитвослов». Готовятся к изданию «Беседы огласительные и готовящиеся ко святому крещению», «Священная история Нового Завета».

5. Выявлением населенных пунктов, требующих пастырского и миссионерского посещения и создание карты окормляемых и неокормляемых селений.

6. Разработкой планов и маршрутов миссионерских

поездок силами студентов Барнаульской духовной семинарии с привлечением местного духовенства и православной молодежи.

7. Содействием строительству храмов (молитвенных домов) и организацией приходской жизни на базе новообразованных общин верующих (с. Черный Ануй, с. Усть-Кан и др.).

Барнаульская епархия активно сотрудничает с соседними епархиями: Тобольской, Томской, Кемеровской, Абаканской, Новосибирской, Алма-Атинской. Оно выражается в участии представителей разных епархий в съезде православной молодежи, в Свято-Макарьевских чтениях, которые проводятся регулярно в г. Бийске, в Рождественских чтениях. Незабываемо и участие преподавателей и воспитанников БПДС в проведении Дней Славянской письменности и культуры в г. Ханты-Мансийске Тобольской епархии. Вспоминается недавнее участие по благословению Святейшего Патриарха Алексия II в торжествах, посвященных памяти прп. Севастиана Карагандинского, в г. Караганде. Важен был наш приезд в этот город и для верующих Караганды, так как этот город создавался трудами русских людей, зачастую новомучеников Российских, несших узы в зонах Карлага...

Большие и важные задачи сегодня стоят перед Русской Православной Церковью, которая переживает период, названный Вторым Крещением. Священнослужители Алтайской епархии, включенные в общецерковный процесс, осознавая ответственность своего служения, сохраняя великие традиции своих предшественников, подвижнически служат Отечеству Небесному и Земному, близость которого так очевидна именно здесь, где горные вершины переходят в Горнии.

ВОСКРЕСШИЙ ХРАМ

РАССКАЗ ОТЦА РАФАИЛА

С ЧЕГО ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Есть такое село Ильинское в Калужской области, километрах в тридцати пяти от Оптиной пустыни, с таким живописным видом, где на высоком холме стоит белокаменная церковь Илии пророка, как будто возвещает нам о страшном дне судном. Храм пророка Божиего Ильи мы начали восстанавливать по благословению батюшки Илия в 1997 году.

Тогда я был пчеловодом, разводил свои ульи. Батюшка – Оптинский старец, схиигумен Илий – любил туда приезжать. Он жил в таком перевозном домике на колёсах по две недели, дышал воздухом – свежим, перемешанным с мёдом: когда пчёлы вырабатывают пары и лишняя вода уходит из улья, вокруг распространяется благоухание медовое. В один из его приездов батюшке показали этот храм, стоящий на высоком холме, построенный в тысяча восемьсот каком-то году, при местном князе Челищеве (князем Чел). В то время вся душа плакала при виде того состояния, в каком находилось это дорогое нам сокровище.

Все началось с того, что однажды приехал к нам в Оптину в гости Николай Емельяныч и сказал, что готов построить для старца отдельную келью в Оптиной пустыни, чтобы он мог принимать народ. (Вот, он заходит в братский корпус (монастыря Оптина пустынь), я его встретил, подвел к батюшке. И он начал говорить: «Вот, батюшка, я желаю, чтобы вам было удобнее. Мы знаем, что вы тут в храме принимаете, а я вот для вас любое строение... Тут для вас удобство, дверка, чтоб вы могли принимать, тут же народ, чтоб заходил, чтоб отогревался в зимнее время». Ведь как? Приходят в холодном

люди, в шубах, и сразу к батюшке, чуть ли не обнимать. Батюшка часто простужался) Ведь обычно как? Приходят в холодное время люди в шубах и сразу к батюшке, чуть ли не обнимать его. Батюшка часто простужался. Народ-то у нас какой: для них важно лишь спросить и потом уйти уже с тем, что батюшка им скажет. А о том, что батюшка простудится от прикосновения и заболит – а люди идут с мороза, не обсохнув! – мало кто думает. Ну, Емельяныч и говорит: «Вот, батюшка, я желаю, чтобы вам было удобнее. Я для вас любое строение построю... Тут дверка будет, чтоб вы могли принимать, тут народ...»

Батюшка Илий, когда люди с ним беседуют или задают вопросы, перед ответом всегда молится. Вот батюшка молится-молится, потом говорит: «Да нет. Да мне тут хватает места». Батюшка никогда для себя и не жил. Он говорит: «Тут вот, поезжайте прокатитесь до Ильинского».

Емельяныч на машине был. Ну, сели мы и поехали, куда батюшка сказал.

Иной раз русский человек не замечает, не видит того, что прямо у него перед глазами. А когда направил батюшка Илий, приехали туда, и Емельяныч увидел.

Какой вид имел тогда этот храм? Полуразрушенный, красный, как от крови, которая стекала... Храм-то был белый, штукатурка вся уже осыпалась практически, и красный кирпич когда выступил, то он стал похож на облитый кулич, только наоборот. А когда он весь полопался и пришел в такое состояние, то и березки, которые на нем росли, к небу простёрли свои веточки-руки – природа уже стала славить Бога своими зелёными листочками. И птички, которые там поселились, щебечут. То есть, как бы человечество ушло вниз, оскоти-

нилось, а создания Божии Творца славят, они наверху, они щебечут. И это щебетание смешано со скорбью, ибо Господь сказал такие слова: «... идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всякой твари» (От Марка, 16:15).

А скольких мы погубили на этой земле тем, что много лет не славили Творца, а только наоборот – встречали демона, и он вышел из бездны ада и ходил от дней революции, можно сказать, почти до наших дней. Сказал безумец в сердце своём: «нет Бога». Они развратились, совершили гнусные дела; нет делающего добро (Псалом 13, 1.). И сейчас ставит ещё сатана след своих копыт во многих местах, потому что не все святыни восстановлены.

Вот и представьте, каким увидел Николай Емельяныч этот храм. У него сердце сжалось. «Какой же ты, – говорит, – русский человек, пороёнок, свинья!» Почему он так сказал? Потому, что мало того, что люди осквернили святыню забвением, так ещё в неё и животных поселили. Храм огорожен был тыном, и туда загнали скотину. И скотина входила в храм и исходила из него.

В здании были выбиты двери, и навоз поднялся на 60-70 сантиметров, и пола уже не было – сгнил, естественно. Остались только пенёчки кирпичные, которые были положены когда-то под лаги пола. Но мы вошли, чтобы побыть хоть в таком храме... И ходили по этим пенёчкам кирпичным. Скотина тогда была выведена за ограду, до вечера она паслась на пастбище.

Разве скотина в том виновата, что её загнали в храм? Скотина-то греха не имеет, хотя и разума не имеет. Человек властен над животными.

И Емельяныч сказал такие слова: «Я понял теперь, почему батюшка

нас сюда послал». И добавил: «Я этот храм буду восстанавливать».

Это был 1996 год, и через год мы уже начали восстановление храма. Прислали и меня туда, я тогда уже работал на хоздворе в Оптиной. Монастырь помог, дал нам вагончики. Их перевезли на тракторах к месту строительства. Поставили кран – и всё, началось восстановление.

ТЕЛЁНОК В АЛТАРЕ

Ещё до восстановления, летом 1996-го, мы дважды приезжали в Ильинское. Первый раз, помню, с отцом Николаем Кречетовым. Ехали на «Оке», и такая пыль неслась за машиной, аж на зубах скрежетала. Ведь дороги, которая теперь есть, тогда не было. Только на тракторах да на машинах больших можно было доехать

до Ильинки. Это чудо, что мы сейчас видим дорогу, по которой можно легко проникнуть в самую глубинку России. А тогда мы ехали полтора-два часа. И тряская же то была езда! Но и мы ездили, и сколько ещё людей, из моих знакомых или батюшкиных, невзирая на то, что такая дорога, приезжали сюда. Даже когда храм не был ещё восстановлен, ехали, чтобы хотя бы посмотреть, помолиться – всё-таки там действительно красота! Кто там побывал хотя бы раз, не забудет этого храма, как бы взлетающего на небо, парящего, если снизу вверх смотреть...

И в этом храме держали скотину!.. Конечно, все смотрели на эту скотину и чувствовали себя хуже неё. На коровку, на телёночка помотришь – а они на нас оттуда смотрят, из храма. Да, представьте это зрелище! Мы из-за ограды смотрим в храм на скотинку, а она на нас оттуда. И кто умней? Вот, думаешь: «Господи, до чего мы докатились, что уже скотина в храме по-своему славит Бога». Тут, естественно, без сокрушения не обойтись, если у кого-то остались в душе добрые качества.

Да, так вот, приехали мы туда с отцом Николаем. Скотину вывели на пастбище, её не было, и мы по этим, как я рассказывал, кирпичным пенёчкам прыгали, перескакивали через лужи навоза. Мы зашли в храм, чтобы спеть тропарь, спеть величание пророку Илье. И как начали петь тропарь, увидели телёночка в алтаре. Он лежал там такой маленький, может быть, больной, слабенький. Наверное, потому-то он и не ушёл, и был один в бывшем алтаре – там, где стоит жертвенник с левой стороны от престола, если смотреть в сторону царских врат.

Мы его заметили, но продолжаем петь. Спели тропарь и стали петь

величание. А у отца Николая голос хороший, а с нами ещё была пара послушников, ну и я подключился. И так оно прозвучало торжественно, что даже нас самих тронуло. Тем более, акустика там прекрасная, несмотря на то, что снизу навоз давал глушак. И вы представьте, телёночек, когда мы начали петь величание, поднялся! Да не на четыре ноги встал, как оно положено животному, а на две задние, а передние – со смирением, с уважением к Творцу – согнул и встал на колени. Для меня это послужило вразумлением. Я испытал удивление, смешанное с потрясением: это же человеку надо было бы упасть лицом в этот навоз, чтобы так смириться пред Богом...

Я сам – сельский уроженец. И я знаю, если бы этому телёночку дали что-то такое сладкое и вкусное, вот тогда он упал бы на колени. Самому в детстве приходилось кормить маленьких животных. Мама намешает в ведре молочко, хлебушек, дашь ему это всё вкусное, и он, как бы сказать – с наслаждением, особенно последнее долизывает, то, что снизу. Он даже, знаете, ныряет туда. Молоко сначала он не пьёт, лишь чуть-чуть попьёт, а ему хочется вот этой гущи, и он тогда пузырьки пускает и ест там, в глубине, пока у него воздуха хватает. Поест внизу эту гущу, вытащит морду, вздохнёт – ну, это надо видеть. Так вот, когда он увлекается вкусом, он падает на передние колени и вокруг ведра, значит, маячит, катается от удовольствия.

А просто так скотина на передних коленях стоять не будет. Мало того, наш телёночек не испугался! Скотина, конечно, тоже разная бывает, но обычно собаки, а особенно кошки, если их святой водой окропить, пугаются: у них уши начинают двигаться, заостряются... А этот те-

лёночек был как бы соучастником нашего торжества. Он на нас и не глядел. Он не удивился, что мы пришли, нет. У него было как будто что-то своё: встал на передние колени и, пока мы пели, так и стоял.

Отец Николай даже прослезился.

А второй сюжет, когда уже была осень. Я туда приехал с другими людьми. Уже готовилось начало стройки. И вот, когда эту скотину переводили, заграждения уже разбирали, Господь дал мне новое свидетельство. Телёночек повзрослел за лето. В стаде было голов пятьдесят-семьдесят от силы, и этого телёночка рабочие такие заскорузные, с матерщиной, волокни из храма. Представьте, пьяный человек за верёвку тянет его, чуть ли не душил за шею, – сейчас, мол, мы тебя прирежем – а у меня сразу такое чувство (нельзя, конечно, сравнивать с образом Всевышнего, с образом Христа): тогда телёночек был на месте жертвенника, а сейчас на месте мученика.

Что такое жертва? Вот это и есть то, что за человеческий грех, за любовью, должен кто-то расплачиваться. Даже Божьи создания, даже те, которые живут с нами, они тоже претерпевают страдания и муки... Батюшка Илий как-то говорил: зачем в квартирах держать псов, кошек? Их жизнь другая, на земле, но не в квартире. Мы их мучаем. Мало ли, как человек живёт. Завёл для чего-то животное, а случаи бывают разные: у кого-то изменились обстоятельства, и он не может пристроить ставшую ненужной Божью тварь. Человек, он всегда найдёт себе оправдание, а как быть немощному старенькому зверьку? Вообще, зачем мы им устраиваем в жизни страдания?

Есть такие слова: ты поставь себя на место другого. Поставь себя на место этого животного: неужели тебе было бы радостно находиться в какой-

то клетке или взаперти? Мне кажется, для любой скотинки, собачки просторы нужны, для птички то же самое.

ПУТЬ К КРАСОТЕ

Слава Богу, храм в Ильинском с каждым днём преобразается. Служить в нём одно счастье: небо там так близко, что оно соединяется с землёй. Выходишь из храма, наступаешь на травку зелёную, на землю – которая не в капкане асфальта, и вкушаешь воду святую. И погружаешься в неё – под храмом внизу источник прекрасный, вода живая. Да что там говорить!

Жизнь Христа, она прошла через смерть, через страдания и воскресение. И то же самое мы видим, если взять жизнь храма, которая через страдания и воскресение идёт как бы параллельно судьбе России. Вот взять среднего человека – не всех и всякого, а среднего. До революции он славил Бога. Потом оскотинился, осуетился, погиб, можно сказать. Россия жила, была крепка, славилась, она кормила, поила всех, была дружелюбной, любимой всеми. Потом она пала, стала демонической, бесовской. А в наши дни начала воскресать на глазах – это видно по детям, дети идут в храм! На иного смотришь, а это не дитё, это личность. Вот он подходит к иконе, подходит ко кресту. Да с него можно брать пример многим, даже взрослым. Вот он сосредоточился – он знает, что он подходит, и знает, к Кому он подходит. Знает, что просит – то есть умный человек, с детства умный человек. Почему? Потому что за веру его Господь даёт ему разумение.

Я не говорю, что сейчас нет безобразий. Но знаете, пчёлка в горке навоза найдёт цветочек и сядет только на него и больше никуда. То есть

она видит красоту, видит приятное. Так и здесь: все тернии, всё плохое куда-то уходит, становится незаметным. И мы можем увидеть больше, мы можем видеть красоту. И надо помочь другим – помочь увидеть, и помочь, как бы сказать, создать жизнь по-новому.

В 1927 году, когда закрыли храм, говорят, село там было – двести дворов, не человек, а двести дворов было! Сейчас, чтобы дома пересчитать, пальцев хватит на одной руке – село выгорело почти полностью. Пророк Илья испепелил дворы невежественных людей.

Говорят, когда Николай Емельяныч стал под храмом делать кочегарку – отопление проводить, стали рыть и нашли в сидячем положении косточки, череп, скелетик. Стали народ спрашивать, старые жители говорят: в храме священник был и дьякон. Священник, когда начались гонения, ушёл. Котомочку собрал, перекрестился и ушёл из села. А вот дьякона, скорей всего, покончили. Но по Божьему произволению как-то сохранился прах человеческий, косточки, мощи. Может быть, во свидетельство того, чтобы эта наша история не пропала безвестно. Значит, всё равно погибший хоть невидимо, но присутствует в храме, там, где крест стоит. Пускай даже не ведомо живущим, но всё равно.

Батюшка Илий обращает внимание большое на мучеников, страдавших, когда зарождалась вера христианская в первые века, и у нас тоже, на Руси, после пришествия апостолов на землю нашу русскую. Да и потом страдали: сколько под игмом были татарским, и нападали все на нас. То есть, земля очищалась кровью, страданием.

Носейчас большое внимание предстоит уделить новомученикам. Они, уходя из этой жизни, вымаливали у Бога, чтобы Господь не оставил Рос-

сию, чтобы Он за их страдания пришёл и воскресил её. Теперь уже есть свидетельства, что обращаются не к признанным святым, которым уже молились люди веками, а к новым.

Я знаю случай такой. Молился один страдалец, на ноги парализованный, св. Пантелеимону. Молился-молился, и святой явился ему и говорит: «Ну, что вы ко мне молитесь? Ко мне молитесь весь мир, я уже и не знаю, куда бежать». Вот как батюшка утверждает – на проповеди он говорил – святые и ангелы, они не могут быть одновременно в разных местах. Они, да, молниеносны, они быстрые на помощь, скоропоспешные. Но всё равно, если молятся много людей одному святому, то получается, как бы, знаете, в очереди к человеку редкой профессии. Мало таких профессионалов в плотницком деле или печников. Они на разрыв, их нет нигде, надо печку сделать, а нет. И стоит человек в очереди, ждёт. Так же и здесь.

Св. Пантелеимон и говорит: «Что ж вы забыли своих русских святых, Бориса, Глеба», ещё там назвал... И вот, этот человек взмолился Борису и Глебу, и тут же являются ему Борис и Глеб, и голос говорит: «Борис, держись за руки», – и дёрнул болезному ноги. И всё. Утром тот встал, пошёл исцелённый.

Пока у нас не востребованные новомученики российские. Ещё скорее они прибегают на помощь потому, что, естественно, они ждут наших молитв. В то время, когда мы сами должны, в первую очередь, простирать руки свои к ним, потому что кто, как не они, скорые помощники, скорые помощники в наших просьбах, в наших мольбах! А Господь за их страдания – а их миллионы – Он, конечно же, обязательно поможет нам. Просто мы этого не просим, не желаем и не хотим. Если захотим и попросим, Господь тут же

обратит внимание, по ходатайству своих страдальцев незамедлительно пошлёт помощь своим агнцам, которые день и ночь вопиют к Богу.

ДЕЛАТЬ ДОБРО

Человек молится Богу об избавлении от недуга и о том, чтобы в этой жизни сделать что-то доброе... И в самом деле, что происходит? Как мы должны это понимать? Господь создал нас по образу своему и подобию! Но ведь Господь – он дарователь, он даятель. Даятель всего доброго человечеству, всего, что только нам требуется насущного, и даже более того, всё – изобилие земных благ и небесных посылаемы нам Богом.

Значит, Господь даёт человеку. И мы должны с Него пример брать, чтобы быть Богу подобными, хотя бы немного приблизиться. Да, если мы будем так жить: поделись, отдай – то человек будет похож на Творца. Творец сияет – и человек будет сиять. Тебе дал Господь радость – поделись, улыбайся. Трудно, что ли? Ты улыбнулся, другим стало легче. Зачем ходить скованным или когото из себя представлять? Вот какой ты есть, таким и будь! Господь тебе посылает дарования, талант. Талантливый – пожалуйста, не надо скрывать. Если человек так будет жить, то у него всегда будет сердце благодарное Богу. А благодарное сердце, оно всегда заметно Богу. И Господь этого человека наделяет благодатью. А благодатный человек, он на других это распространяет. И этот дар никогда не оскудевает. Он, как Господь: всегда Был, Есть и Будет. Он и даёт человеку, чтобы благодать никогда не иссякала.

А злой человек, недобрый, который, как бы сказать, выплёскивает свою злобу, наоборот: у него её не хватает. Потому и говорят: «у меня

зла не хватает». Значит, он где-то это зло должен взять. Значит, он должен сделать что-то плохое, тогда он возьмёт зло.

А нам что делать? Только делать доброе, и делать в избытке, очень много. У нас храмы не восстановленные, у нас голодные всегда рядом, детдома существуют, их ещё и не хватает. То есть, у нас, где ни копни, всегда есть, что делать. У нас близкие не охвачены не то чтобы

любовью и заботой, а хотя бы сожительство с смирением!

Человек с благодарным сердцем никогда не бывает обделён Господом. А когда он, наоборот, готов всё только принимать, ему всегда мало. А это не по-Божьему.

ДЕД-ПАСЕЧНИК

Господь всегда даёт, и мы должны давать. А тот, который только

принимает, всегда будет нуждаться. Поэтому, кто хочет обогатиться, раздавай! Всё, что у тебя есть доброе, отдай. Ты отдай, и это вернётся сторицею. Кто читает Писание, тот всё это знает. Но многие не живут так. А тот, кто на опыте своём знает, тому и говорить не надо, он так и живёт. Может, даже не знает, что жить так – по-Божески, он по своей простоте так живёт.

Знал я одного пчеловода, Царство ему небесное. Звали его Илья. Он жил близ Ильинского, в деревне Редькино. И вот этот дедушка – вслед за батюшкой Илием я бы его назвал «человек земли», – таков, каких я не видел за всю свою жизнь. Всегда источающий радость! Увидишь такого, никогда не забудешь. И за его любовь и простоту ему Господь давал водить пчёл со страшными болезнями. Пчеловод поймёт: из-за воротоза, который свирепствовал, начиная с 1970-х, в мире исчезли две трети пасек. Вортоз – это заражённость пчёл клещем Вороа. Он, значит, на личинке бегаёт, как если бы по нашему телу бегал клещ, ну, примерно, десять на десять, или пять на пять сантиметров. Такой коричневый клещ, сосёт гемолимфу, и их становится столько, что они съедают этих пчел. Или они рождаются без крылышек и погибают.

Научились лечить это химическим способом, другими средствами. Иной раз и губили пчёл, но всё-таки научились лечить. Когда я там поселился со своими пчёлами, общался со многими пчеловодами в округе, дружил с ними, мы делились знаниями, по этой болезни тоже. Они мне свои средства, я им свои.

А Илья, о котором я говорю, жил в глубинке и ничего про это не знал.

Он не был воцерковлённым, ходящим в храм. В то время в этих местах не было храмов, Ильинский стоял полуразрушенный, другой

полностью снесли. Некуда ему ходить было, да и не надо: ему лишь бы жить, источать любовь на то, что сохранялось. Жена, дети, родня, да и вообще жители села. Кроме тех, кто к нему приходил, он общался только с пчёлами.

Я ему говорю: «Илья, у тебя есть болезнь воротоз?», а он такой простой: «Чаво? Какие там болезни, иди да смотри». Я пошёл, открыл ульи и начал смотреть. И не пойму, кого больше, то ли пчёл, то ли клещей. То есть там живут и те, и другие. Представьте моё состояние! Я же знаю, чем это всё грозит. У меня волосы на голове встали дыбом.

Закрыл улей, к нему: «Илья, надо срочно лечить, я пришлю тебе лекарство». А он на меня смотрит и говорит: «Да, ну да». То есть, я вижу, он совсем уже немощный, ну зачем ему это. Куда ему на пороге преклонных лет заниматься вот этим лечением?

И тут же, буквально за несколько мгновений, я осознал, то есть мне Господь дал прояснение: «Вот в чём дело! Этот человек ничего не имеет, но у него всё живёт, и то, и другое!» Да, это чудо. Да, это что-то необъяснимое, но это есть. Я свидетель, я это видел.

Он же всю жизнь был благодарным Богу и людям. И я понял: вот за что Господь сохранил его пчёл. Потому что он был такой добрый, раздавал этот мёд, в больницу давал, ещё куда-то давал. И так как он исполнял закон Христов – то есть, возлюбил Бога и ближнего – он этим законом-то и спасался.

Да, не могло быть такого, чтобы пчёлы были, клещ был, а воротоза не было. Мне бы даже в голову не пришло такое, если бы меня бы Господь мимо этого чуда провёл. А Господь показал: если люди так будут жить, станут в чуде существовать в Божием. Господь будет всё их досто-

яние сохранять. И это очень важно. И тому свидетельство: добрая душа, она всегда будет охраняться самим Господом. Почему? Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю (От Матфея, 5, 5).

Я встречался с этим человеком, мне было радостно с ним, и я видел его радость. Кто я ему такой? Я ему чужой, а он во мне видел больше, чем родственника, понимаете. И не только во мне, я замечал, и в других тоже. И он тоже эту радость принимал – вот, как в Ветхом завете Авраам, Исаак Троицу приняли, так и этот человек принял радость.

Он мне рассказал, что у него глаза болели сильно, он молился с 31 декабря на 1 января. Боль до такого состояния, что не мог ее терпеть. Лежал на койке и взывал к Богу. «И вдруг, – он говорит, – разверзается небо, и Господь в кольчуге на меня смотрит». Слушая Илью, я чуть с табуретки не упал. Понимаете, вот простой мужичок, такой деревенский, борода большая, вся уже жёлтая, сам седой как лунь. И говорит: «Господь в кольчуге на меня смотрит».

Я ни на одной иконе не видел Господа в кольчуге, ну, архангела Михаила видел. А потом (мысли у меня, как стрелы) я вспоминаю, говорю: «Дед Илья, да это же к тебе твой святой явился. Ты же Илья, а то был твой покровитель – св. Илья Муромец, который своими мощами в Киеве лежит». Он же богатырь, в кольчуге был.

А дед-то пасечник, он же не знает святых, как мы знаем. То есть, мы начитанные, а у него другое состояние, он как ребёнок. Знает, что ему явился Бог, ну, в виде Ильи Муромца, пускай. И я тогда подумал – «Вот это да! Вот человек в преддверии своего отхода в другую жизнь удостоился лицезреть Небеса воочию, то есть не во сне». Раскрылась ли там крыша? А какая крыша для Бога: всё, что застилает наши домики, для Господа открыто. Когда надо, Он раскроет и десятиэтажки, и тридцатиэтажки, для Него нет преград, и увидит всё, что надо Ему увидеть.

И преставился Илья на Покров Божьей матери. Это был святой человек. Да, есть у нас такие, слава Богу.

КАК МЕНЯ БОГ ПРИВЕЛ К СЕБЕ

Это – рассказ женщины, пришедшей ко Христу. Записала его и литературно обработала Татьяна Шишова

Родилась я в Казани, в татарской семье. Не могу сказать, что семья моя была глубоко религиозной, но мама верит в Бога и исполняет ислам, да и отец тоже не сомневался в существовании Бога, хотя был коммунистом. Мы, дети, были воспитаны таким образом, что для нас не стояло вопроса, есть ли Бог. Мы были уверены, что Он есть. Хотя, конечно, в школе атеистические «прививки» делались. Однажды после очередной такой «прививки» я пришла домой в смущении: вдруг Бога придумали люди? И задала этот вопрос бабушке. Она очень серьезно меня выслушала, усадила напротив себя и сказала: «Знаешь, что? Ты мне подобные вопросы больше не задавай. Подрастешь – всё поймёшь. А пока ничего не понимаешь, лучше молчи». Я это запомнила на всю жизнь, и когда впоследствии у меня возникали какие-либо колебания в вопросах веры, всегда вспоминала урок, полученный от бабушки.

Но, веря в Бога, мы с отцом сомневались в посмертной участи человека. Душа не принимала рая, описанного в исламе. Мне даже порой казалось, что это не нравственное совершенствование человека, а какое-то извращение. Сусальное, рафинированное извращение. Впрочем, и в образе Магомеда было нечто смутительное. Не хочу оскорблять ничьих религиозных чувств, но у меня мелькала крамольная мысль: если пророки Божии так нравственно несовершенны, то к чему можно прийти, следуя за ними?

Тем не менее, я считала себя мусульманкой, знала (и до сих пор помню) молитвы. Но религия существовала отдельно, а мои духовные поиски – отдельно.

Потом я переехала в Москву, вышла замуж, родила

дочь. И когда мне понадобилось устроить её в детский сад, одна моя сердобольная знакомая, увлекавшаяся теософией, посоветовала отдать дочку к вальдорфцам в Центр лечебной педагогики им. Рудольфа Штайнера. Время было перестроечное, в тонкостях религиозно-философских учений мало кто разбирался, всё идущее из-за границы было в новинку и воспринималось на ура. Да и что, казалось, плохого в заявках вальдорфцев на целостный подход к человеку и на то, что воспитание должно учитывать психологические особенности ребенка? У меня, во всяком случае, контраргументов не нашлось, и я решила посмотреть. Пришла. Руководителями центра оказались иностранцы. И не откуда-нибудь, а из самого Дорнаха, с родины знаменитого философа и педагога Рудольфа Штайнера, где он основал антропософское общество!

Мне они очень понравились: развитые, образованные, альтруистичные. Согласитесь, не так уж часто встретишь, чтобы директор педагогического учреждения в пять часов утра вставал и собственноручно мыл на работе полы. Я думаю, это были наиболее правильные вальдорфцы. А поскольку в их системе учения есть не только плохое, но и много хорошего, впечатление у меня поначалу сложилось самое благоприятное. Я, как и многие другие родители, обращала внимание лишь на внешнюю сторону вальдорфской педагогики, не понимая, ради чего эти люди так самоотверженно трудятся.

Бог, как известно, всё может обратить во благо. Так и меня встреча с вальдорфцами заставила задуматься о христианстве. При первом знакомстве они сразу же дали мне одну из своих многочисленных брошюр о Христе. Я, конечно, знала об Иисусе, ведь мусульмане считают его

пророком. А меня всегда волновал вопрос: почему Христос, такой совершенный и высоконравственный, не остался последним пророком? Почему после него пришел Магомед?.. Книжка вальдорфцев меня очень заинтересовала. Я её читала, перечитывала. И вот однажды, когда дома никого, кроме меня, не было, уснула с этой книжкой в руках и увидела сон, который перевернул всю мою жизнь.

Во сне я очутилась в совершенно незнакомом провинциальном городе, и запомнила его до деталей. Потом я даже нарисовала своей православной подруге подробный план. Слева от меня был забор, а за ним – дивный сад, весь в цвету. Отчетливо помню и время года, и время дня: часов пять вечера, буйная весна. Навстречу мне несется тройка лошадей, запряженная в красивую коляску, обитую кожей, с откидным верхом. Подъехав, тройка останавливается, и я вижу дородную монахиню с большим золотым крестом на груди. Даже сейчас вижу её так отчетливо, как будто она сидит напротив меня. Рядом с ней – другая монахиня, старенькая, худенькая. Она сходит на две ступенечки ко мне и смотрит на меня с такой тревогой, с таким сочувствием... Никогда не забуду этот взгляд... А потом протягивает мне на ладони овальное изображение.

Моя религия не разрешала мне заходить в православные храмы, поэтому я многого не знала и никогда не видела. Теперь-то я понимаю, что впервые увидела икону в окладе. А тогда, делясь с подругой впечатлениями, я описывала это так: «Монахиня показала мне чеканку, на которой выбита Божья Матерь. На коленях у неё Младенец и ещё что-то: то ли шар, то ли булава. Непонятно...». Но Ольга, моя православная подруга, сразу догадалась: «Тебе, – говорит, – «Державную» икону показали».

Протянув мне икону, старенькая монахиня произнесла, качая головой: «Молись, молись! Может быть, спасешься».

И всё будто растворилось. Я проснулась с чувством, что действительно побывала в каком-то другом месте, и долго не могла отойти от нахлынувших переживаний. Это случилось в марте. А через какое-то время мне нужно было решить, стоит ли отдавать дочку в вальдорфскую школу. И тут вдруг моя подруга Ольга принялась меня спрашивать, чтобы я съездила с ней в Дивеево.

– Может, монахинь своих увидишь, – говорит.

– Да как я поеду? Мне же нельзя!

– А ты не будешь в храмы входить. Просто прогуляешься со мной за компанию.

Ну, я и согласилась.

В Дивеево я всё-таки вошла в Троицкий собор. Во-

шла с большим страхом. С одной стороны, я опасалась ополнить своим присутствием богослужение. А с другой, считала, что раз уж Бог создал меня мусульманкой, я не должна изменять вере отцов. Поэтому, войдя, я прикинула к колонне, как бы впечаталась в неё, мечтая сделаться невидимой. Мне казалось, стоит на меня посмотреть – и сразу будет понятно, что я не христианка. Но при этом я с интересом сравнивала происходящее с тем, что мне доводилось видеть в мечети. Я заметила, что ритм молитвы совершенно идентичен с мусульманской. А потом... потом произошло нечто необычайное. Когда собравшиеся в храме запели, – сейчас, задним числом мне кажется, что они пели «Верую», – у каждого поющего из темечка протянулись к куполу живые трепещущие ленточки. Я по образованию химик. Наверное, поэтому увиденное запомнило мне сгущенный воздух. Такого синевато-серого цвета бывает жидкий азот... Потом я эти ленточки обнаружила на иконах, изображающих архангелов. У них за ушами именно такие ленты. Только на иконах они непрозрачные, а у людей в храме были прозрачные. И я в этот момент всем сердцем, всем своим существом поняла, что здесь происходит то, чего нет больше нигде. Нет, и не может быть! И вопросов о том, Кто есть Христос, а кто – Магомед, что есть Православие, а что – ислам, для меня не осталось.

Хотя человеку, который не испытал ничего подобного, наверное, бесполезно это рассказывать. Слова тут бессильны. Почувствовать истинность или неистинность чего бы то ни было можно только сердцем.

Ну, а дальше было ещё удивительней. Я не сомневалась, я опять-таки сердцем чувствовала, что монахини из моего мартовского сна реально существуют. Но ни того сада, ни забора в Дивеево не обнаружилось – никаких намеков на городок, который мне привиделся во сне. И потом, в Дивеево, – говорила я Ольге, – монахини ходят в каких-то «колпаках» (я тогда не знала, что это клобуки), а монашки из моего сна были в «пирожочках» (скуфейках). В конце концов, так ничего не найдя, засобирались домой.

Приезжаем мы с подругой в Арзамас – билетов на Москву нет, и не предвидится. Как ехать, непонятно. Но Ольга не унывает:

– Это, наверное, воля Божия. Давай ходим на вечернюю службу.

Едем мы с ней на автобусе, и вдруг она как закричит:

– Смотри, Светлана! Смотри! Твой забор!.. Твой сад!

И вот мы выходим с ней из автобуса в Арзамасе на том самом месте, где я побывала во сне. В совсем незнакомом для меня городе.

Я опрометью помчалась в ту сторону, откуда ко мне подъехала тройка лошадей. И увидела Никольский монастырь! Он тогда только-только открылся. Я вбежала – и ноги у меня подкосились. Во дворе стояла та самая дородная монахиня с большим крестом. И встретила она меня словами:

– Наконец-то приехала...

Не знаю, может быть, так все игуменьи встречают гостей, а, может, у меня на лице было написано, что со мной происходит? Но почему-то мне кажется, что она меня тоже узнала и не спросив, кто я и откуда, сказала:

– Ну, иди, молись.

В храме были одни монахини.

Я вошла и увидела прислонённую к алтарю «чеканку», только увеличенную раз в двадцать: «Державную» икону Божией Матери.

Ко мне подошла вторая, старенькая монахиня из моего сна. Взяла меня под локоточки и со словами «Иди, помолись» поставила меня прямо перед этой иконой.

Не буду долго рассказывать, что со мной происходило. Скажу только, что всё во мне содрогалось. В один миг у меня переменялось отношение к своей жизни и к миру... Потрясение было настолько сильным, что я потом недели две не могла говорить. Не то, чтобы онемела, а просто слова были излишни. И я приняла решение креститься. Мне было совершенно ясно, что без этого – не жить. На праздник Рождества Богородицы мы с мужем и дочкой покрестились.

Правда, вернувшись из Дивеева, я ещё какое-то время общалась с вальдорфцами. И не просто общалась, а очень активно им помогала. Они даже пригласили меня на семинар, где ковались новые кадры. Но это стало началом конца.

Дело в том, что я вела себя не как подобает новичку. Я задавала вопросы. Видимо, достаточно сложные. По крайней мере, мне на них не дали вразумительного ответа. Например, руководители семинара говорили о каких-то кристальных пространствах чистого разума и о том, что человек сейчас может развиваться духовно именно через разум. Дескать, век такой на дворе: Небеса можно взять только умом. Я спрашиваю: «А как же быть с сердцем? Как вы сердце очищаете? Оно же с умом связано».

Руководитель растерялся и взял тайм-аут аж на две недели.

Потом я спросила, как они справляются с грехами. Что можно с ними умом сделать? Он тоже не смог ответить. Что такое грех, он, похоже, вовсе не знал.

А тут ещё выяснилось, что им наши старцы как бельмо на глазу. Мол, всё это позавчерашний день, Небеса

закрыты... Я опять не смолчала. И когда на семинарах предлагалось читать какие-то бесконечные поучения их гуру, я возьми да и предложи читать «Отче наш»...

Короче, вылетела я оттуда с треском. О чём, конечно, не жалею. А вслед за мной ушли и многие другие люди. Семинар этот, слава Богу, распался.

А через некоторое время случилось ещё одно великое чудо. Дело в том, что я серьёзно захворала. У меня определили опухоль, причем очень нехорошую. Я уже с трудом ходила, постоянно пила обезболивающие средства. И перед операцией, которая была неизбежна, поехала в Псково-Печерский монастырь. Мне хотелось духовно подготовиться к операции: хорошенько исповедаться, причаститься. А дальше положиться на волю Божию...

Я поехала на Успение с другой своей подругой, Еленой, которая может засвидетельствовать, что всё было действительно так, как я рассказываю. В Псково-Печерском монастыре в этот день выкладывают красивую дорожку из цветов. Мы с ней тоже немного поработали. Она старалась меня оберегать от столкновений с людьми, потому что рука у меня сильно болела, и даже легкий толчок был бы мучителен. Я исповедалась, причастилась. А потом совершался чин погребения Божией Матери, и по красивой дорожке из цветов был устроен крестный ход от Михайловского собора до Успенского. Нас помазали, и я помню, как стояла на соборной площади перед Успенским собором, как ликовали колокола, и было такое чувство, будто внутри меня всё взрывается, каждая клеточка. То ли от радости, то ли от звона. В приподнятом настроении мы вернулись, чтобы немного поспать. А утром я вдруг понимаю, что мне чего-то не хватает... Чего? Я даже сразу не догадалась. А не хватало боли! И... опухоли. А ведь она к тому времени уже выросла с гусиное яйцо. И вдруг превратилась в горошинку! Ну, а по прошествии некоторого времени и вовсе исчезла.

В заключение хочу сказать следующее. После той встречи с монахинями, оглянувшись на свою жизнь, я поняла, что Бог всегда промышлял обо мне. И теперь я уверена, что Он никого: ни иудеев, ни мусульман, ни язычников, ни даже атеистов не оставляет без внимания. Он всем своим созданиям смотрит в сердце. Меня Он прямо-таки за волосы вытащил из той ямы, в которой я находилась. Из ямы моих предрассудков и заблуждений насчет веры отцов. Нет другой веры, она у всех одна. И нет другого Бога, кроме Бога Троицы. Так что моя история не о том, как я пришла к Богу, а о том, как Бог меня привел к себе.

СВЕТЛАНА САФИУЛЛИНА,
ПЕДАГОГ, КАНДИДАТ ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК

ЧУДО ВОСКРЕШЕНИЯ КЛАВДИИ УСТЮЖАНИНОЙ ИЗ БАРНАУЛА

Отец Валентин родом из Алтайского села Колыванское, ребенком пережил раскулачивание, когда сотни семей были брошены на заведомую погибель в глухую тайгу без всяких средств к жизни. Фронтовик, защитник Ленинграда, награжденный боевыми орденами и медалями, знает цену труда с малых лет. Он взрастил достойный плод – вырастил троих сыновей-священников.

Жизнь сводила отца Валентина с удивительными людьми.. По милости Божией ему были предсказаны многие события нынешней жизни, в том числе и чудесное исцеление Клавдии Устюжаниной – за 16 лет до событий, происходивших в г. Барнауле и всколыхнувших тогда верующую Россию.

Многим людям поведала Клавдия Устюжанина повесть своей жизни, смерти и чудесного исцеления. Об этом было написано ее сыном – священником Андреем Устюжаниным.

Протоиерей Валентин БИРЮКОВ был одним из первых, кому Клавдия Никитична рассказала о своей жизни буквально «по горячим следам» – через полгода с небольшим после чудесного воскрешения и исцеления. Сейчас протоиерей Валентин Бирюков служит в храме Сретения Господня в г. Бердске Новосибирской епархии.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Во время Великой Отечественной войны я учился в военной школе в Омске. Потом попал на фронт. Видел много страшного – видел, как во время бомбежки дома летели по воздуху, как пуховые подушки. А мы молодые – нам всем жить хотелось. И вот мы, шестеро друзей из артиллерийского расчета (все крещеные, у всех

крестики на груди), решили: давайте, ребятки, будем жить с Богом. И мы договорились, чтобы во всю войну никакого хульного слова не произносить, никакой раздражительности не проявлять, никакой обиды друг другу не причинять.

Условия на фронте, известно, были тяжелые: ни света, ни воды, ни топлива, ни продуктов питания, ни соли, ни мыла. Правда, много было вшей, и гноя, и грязи, и голода. Зато на войне самая горячая молитва – она прямо к небу летит: «Господи, спаси!» И Господь спасал в самых страшных ситуациях. Дважды мне было предсказано, как бы прозвучало в груди: сейчас вот сюда прилетит снаряд, убери солдат, уходи. И только мы оттащим пушку в сторону – как на том месте, где мы только что были, уже воронка... Потом солдатики приходили ко мне и со слезами благодарили. А благодарить надо не меня – а Господа славить за такие добрые дела. Ведь если бы не эти «подсказки» – и я, и мои друзья давно бы уже были в земле.

Когда с фронта вернулся, начал работать продавцом в селе Гришкино Томской области. А мне так хотелось поступить в семинарию или уйти в монастырь. Но меня не отпускали с работы. Шел 1948 год, когда произошел случай, который я до сих пор без волнения вспоминать не могу. Было 7 часов вечера, рабочий день уже закончился. Вдруг приходит ко мне в магазин человек. Я его не

знал, да и до сих пор не знаю, кто это был – с виду обыкновенный, лет 55, лицо очень доброе. Сразу я к нему расположился, ведь лицо – это зеркало души. Запер незнакомец дверь на крючок и говорит мне:

– Встань, Валентин, на колени – лицом на восток, перекрестись трижды. Слушай – я тебе расскажу прошедшую и будущую жизнь.

Говорил он медленно, внятно – будто хотел, чтобы я каждое его слово понял и запомнил. И рассказал, где, что и как со мной произошло, описал все места, где я побывал. Посмотрел я на него чуть недоверчиво и думаю: «Не может он все это знать! Откуда ему известно, что я в блокаде был?» А когда он сказал, что у меня осколок сидит в поясице, я даже заплакал от ужаса – ведь здесь, в Сибири, никто не знал про осколок, никто! А потом этот человек спрашивает меня:

– Помнишь, вы договорились вшестером, чтобы никакого хульного слова никогда не произносить и друг друга ничем не обижать?

– А как же... Помню! – только и сказал я (кто же, кроме моих друзей-солдат, мог знать об этом?!).

– Вы молились, просили Господа оставить вас в живых. И вот ты жив. И твои друзья все живы. А видел, как трупы вокруг вас лежали? Так что если бы вы матерились, хульные слова говорили – точно так же лежали бы и ваши косточки... Вот что значит «матерок» – а вот что значит молитва...

Многое этот человек сказал и про будущее – то есть про наше сегодняшнее время. Предсказал, что будут люди по миллиону – по два получать и даже больше.

– И ты тоже будешь миллионером! – сказал он. Я изумился:

– Куда их девать, эти миллионы?!

Ведь тогда, в 1948 году, я получал 46 рублей. А он и говорит:

– Не беспокойся – эти деньги пустые будут.

Как понимать – пустые? Тогда это мне было непонятно. Не стал он долго объяснять:

– Потом поймешь!

А вот теперь, в 1999 году, понятно, какими «миллионерами» мы стали. Три ноля!

И все, что он предсказал мне, – все совершилось. Сказал даже про сосны у храма, где я буду служить. Из этих деревьев сейчас сделан аналой... Все это может знать только Божий человек. Не знаю – был ли это Ангел небесный, принявший облик человека, – не берусь судить! Но чувствую: что он истинно говорил. Такая чистота у него была во взгляде! От него как будто благодать исходила – так хорошо мне было.

И я с полным доверием воспринял слова этого человека:

– В Барнауле Господь воскресит женщину, звать ее

Клавдия, ты у нее будешь 5 раз, а потом будешь рассказывать людям, как все было. Будешь в хоре сначала петь, а потом станешь славить Бога.

Все это было сказано в 1948 году – то есть за 16 лет до многим известного барнаульского чуда! Перед Богом и именем Господним свидетельствую: говорю истину! За эти слова я отвечаю перед Богом на Страшном Суде!

Тогда, в 1948 году, когда стоял я на коленях перед Богом рядом с дивным вестником, со страхом и трепетом поверил ему. Принял его слова за истинные. И с полным доверием воспринял еще одно предсказание этого человека:

– Придет время – в Барнауле Господь воскресит женщину, звать ее Клавдия, ты у нее будешь 5 раз, а потом будешь рассказывать людям, как все было. Будешь в хоре сначала петь, а потом станешь славить Бога.

Все это было сказано в 1948 году – то есть за 16 лет до многим известного барнаульского чуда! Перед Богом и именем Господним свидетельствую: говорю истину! За эти слова я отвечаю перед Богом на Страшном Суде!

ВЫ ТАК ВЕРИТЕ?!»

Нисколько не сомневался я в том, что все именно так и случится. И когда услышал, что в 1964 году в Барнауле Господь воскресил женщину, Клавдию Устюжанину, отпросился с работы и немедленно поехал туда. Тогда, в декабре 1964 года, я еще не имел священного сана, пел на клиросе храма Петра и Павла в Томске.

Приехал по адресу, который мне дали, нашел дом Клавдии Устюжаниной, а там никого нет. Калитка закрыта.

Жду. А уже темнеет. Идет высокая, статная женщина с сыном – Андрюша тогда был маленький, лет восьми. Я подхожу:

– Здравствуйте, Клавдия Никитична! Я к вам! Она не удивилась нисколько:

– Заходите.

– Клавдия Никитична! – говорю я. – Есть у меня в Барнауле знакомые, но только не знаю, где они живут. Сам я из другого города. Можно ли у вас переночевать?

– Но мне отец Николай сказал, чтобы я никого не пускала, потому что могут взять мои документы. А чем я буду подтверждать, что была в больнице, что ничего не выдумала?

Я перекрестился на иконы и достаю паспорт.

– Не бойтесь, вот мой паспорт!

В это время Андрюша подошел и обнял меня, будто давно не видел и соскучился, головку к моей груди приклонил – как будто мой родной сыночек. Клавдия Никитична пальто повесила, оборачивается:

— Не надо, не надо паспорта! Я по Андрюше вижу, что вам можно доверять. Раздевайтесь, проходите.

Я сразу задал ей вопрос о чуде ее воскрешения:

— Клавдия Никитична, как на том свете — вам больно было или нет?

Она очень удивилась:

— А разве вы уже бывали у меня?

— Нет, — говорю, — ни разу!

У нее слезы потекли. Сидит и не может слова выговорить. Наконец, спрашивает:

— Неужто вы так верите?!

— Да, — отвечаю.

— Какие люди верующие бывают! Вот вы в первый раз услышали — и сразу поверили. А я бы никогда не поверила. Даже если бы жива была моя родная мамочка, которую я любила и которой верила безгранично, — то и ей бы не поверила, если бы Господь совершил такое чудо с мамой. А уж о чужом человеке и говорить нечего — даже слушать не захотела бы...

Сама-то она долго была неверующей, хотя по натуре она очень добрый человек. А то, что у нее не было веры, — это ее большая беда. Ее нельзя судить за это — только Господь знает, почему мы потеряли веру. На то есть много причин извне, многое было сделано, чтобы испортить нашу Россию... И теперь таких неверующих не сочтешь! Но одну из них Господь все-таки пожалел — чтобы всем НАМ дать подкрепление в вере. Это не шутка, не сказка, не детская забава. Это серьезно! Это Божия благодать.

И чтобы понять это, мне не нужны были никакие документы и свидетели! Ведь я на себе убедился, что такое милость Божия: дважды меня Господь предупреждал — уברי солдат, сейчас сюда снаряд прилетит. А предсказание о воскрешении Клавдии в Барнауле, данное мне в 1948 году? Вот почему, услышав рассказ Клавдии, я сразу просто и безоговорочно ей поверил. Я не искал свидетелей — правда это или неправда. Мне других свидетелей не надо было — я за 16 лет до этого знал, что такое чудо произойдет.

Мне одному из первых довелось услышать рассказ Клавдии Никитичны о ее жизни, буквально «по горячим следам» — через полгода с небольшим после чудесного воскрешения и исцеления.

ТЫ СМЕЕШЬСЯ НАД БОГОМ!..»

Привожу рассказ Клавдии Никитичны Устюжаниной так, как она мне его изложила.

«Рядом с моим магазином, где я работала продавцом, был храм. Пошла я как-то посмотреть: что же там делается. Встала в уголок, наблюдаю: один, другой, пятый, десятый — крестятся, иконы целуют и даже поклоны земные делают перед иконами. Я подошла к иконе, постучала по доске, посмотрела: какой-то дедушка с бородой нарисован. А на другой иконе какая-то женщина — мать с младенцем. Я и думаю: «Ну и что же, и я Андрюшу маленького держала на руках... Вот, оказывается, какое у них понятие, вот им и Бог...»

Пришла в магазин, с легкой усмешкой рассказала о своих впечатлениях. А одна из работниц магазина укорила меня:

— Клава, замолчи. Ты смеешься над Богом!

— Да перестань! — ответила ей.

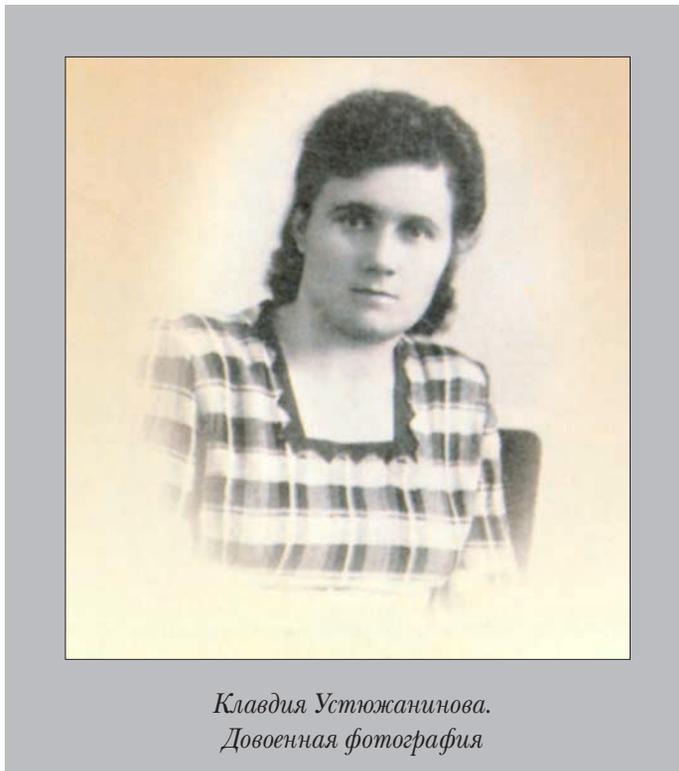
Потом пошли вдвоем с другой продавщицей посмотреть и убедиться. И тоже осудили всех — мол, они немножко... не того, вроде как больные какие-то».

Но Господь, конечно, пожалел Клавдию Никитичну, не дал остаться в таком помрачении — она тяжело заболела. Раком. Как об этом уже много писали, болезнь была по-

слана для спасения души. А оперировал ее Израиль Исаевич Неймарк, прекрасный талантливый хирург, профессор, знающий свое дело. И на операционном столе ее душенька вышла из тела. Вот как она рассказывала об этом:

«Страшно говорить даже. Труп мой лежит на столе — разрезанный, как свиная туша. А я вижу, слышу, перемещаюсь туда, куда мне хочется...»

А это душа ее все видела, все слышала душа — душа все чувствовала! А плоть — как одежда души. Все равно что мы сбросили пальто — а сами пошли, куда хотели.

*Клавдия Устюжанинова.
Довоенная фотография*

Вот Клавдия и подумала, что пойдет домой, - куда же ей деваться?.. Но не получилось. Она слышала, кто что говорил, видела, как приехал ее директор, как сын Андрюша приходил и плакал, но ничего не могла поделать. Когда ее бездыханное тело увезли из операционной, она почувствовала нечто необычное - о чем прежде никогда даже не слышала:

«Душа моя, как ласточка, со скоростью молнии поднялась кверху. Будто в стеклянном футляре летела. Сопротивления ветра не было никакого! И вдруг вижу — земли нет! Лишь блестит издали звездочкой...»

Клавдия Никитична рассказала, что когда она лежала в неведомом ей месте — головой на запад, ногами на восток — под ней был коричневый коврик, будто пуховый.

«Слева от меня аллея метров в 6 шириной — длинная и прямая, как струна, — конца и края ей нет. Огорожена изгородью из лавровых листиков — таких густых, что даже курочка голову не просунет».

А на восточной стороне она увидела блестящие ворота высотой примерно с девяти или десятиэтажный дом — ни один человек в мире не может такую красоту создать! Даже изобразить не сможет. Ворота блестящие, как солнце, разноцветные, цвета движутся, играют, сияющие искры летают...

«Прекрасно, тепло. А где нахожусь — не знаю. И захотелось мне узнать — а ни одного человека нет. Ароматный воздух... Забыла, что жила на земле, забыла, что умирала, и даже Андрюшу забыла. И вдруг через эти овальные ворота с воздуха идут мама и дочка (так я их тогда восприняла) в монашеском одеянии коричневого цвета. Идут быстро. Дочка плачет, что-то у мамки просит. Мамка не обращает внимания, идет прямо ко мне».

АНГЕЛ ПЛАКАЛ О НЕЙ

Тогда Клавдия Никитична думала, что с «монахиней» дочка, а это был Ангел Хранитель, от Бога данный рабе Божией Клавдии. Это он плакал о ней.

«Я думаю: спрошу сейчас, в какой стороне нахожусь. А мамочка такой красоты, что в людях мира я никогда не видела. Невозможно смотреть на эту красоту. И она так строго смотрит на меня — чувствую, что мною недовольна. А я думаю: как же эта молодая монашечка стала мамой? И вдруг чувствую: знает Она про меня все — «от» и «до». И мне стало стыдно — не знаю, куда мне отвернуться или уйти. Но ничего не получается — как лежала, так и лежу. Не встанешь, не отвернешься».

И вот эта молодая женщина тихо поднимает голову и говорит (и в этом голосе чувствуется только любовь): «Господи, куда ее?» Меня как током ударило — я сразу поняла, что нахожусь на Небе, передо мной стоит Царица Небесная...»

Так постепенно она начала осознавать, что происходит, вспоминала все, о чем говорил ей отец. Андрюша в это время еще маленький был — не все запомнил из того, что мать рассказывала со слезами. Я же особо верю именно этому рассказу практически сразу после чудесного воскресения... Клавдия слышала, как Господь ответил Матери Божией.

«Голос слышу откуда-то сверху: «Ее спустить обратно на землю, она не в срок умерла». Так я обрадовалась, хотя меня всю трясло!.. А Царица Небесная пошла в эти блестящие ворота — и они открылись пред ней с молниеносной быстротой. А сквозь открытые ворота стал виден сильный, прозрачный голубой свет. А потом двери небесные снова закрылись... А я лежу, как пустышка, ничего не соображаю, что со мной будет. И тогда чувствую, как кто-то, а это был Ангел Господень, мне вкладывает мысль — о чем спросить. И я спрашиваю:

— Господи, как я буду жить на земле — мое тело все изрезано?

А Господь отвечает (но я слышу только голос — и в этом голосе абсолютная любовь!):

— Будешь лучше жить... Вы, неблагодарные, не чтите Творца своего, а только хулите. Не каетесь в грехах своих, а все более грешите. Твой сын пошел в детдом, а твоя грязная душа прибыла ко Мне...

Я лежу. И опять молчу. И снова Ангел как бы подсказывает мне, о чем спросить. И тогда я говорю:

— Господи, у меня сын сиротой остался. А Господь вместо ответа спрашивает:

— Знаю. Жаль тебе сына твоего? Я смогла лишь выговорить:

— Очень!

И так заплакала, что впадины глаз наполнились слезами.

— А Мне втрое больше жаль каждого человека».

Да, мы все дети Божии, и Господь всех нас безмерно жалеет — много раз я в этом убеждался... Убедилась потом и Клавдия.

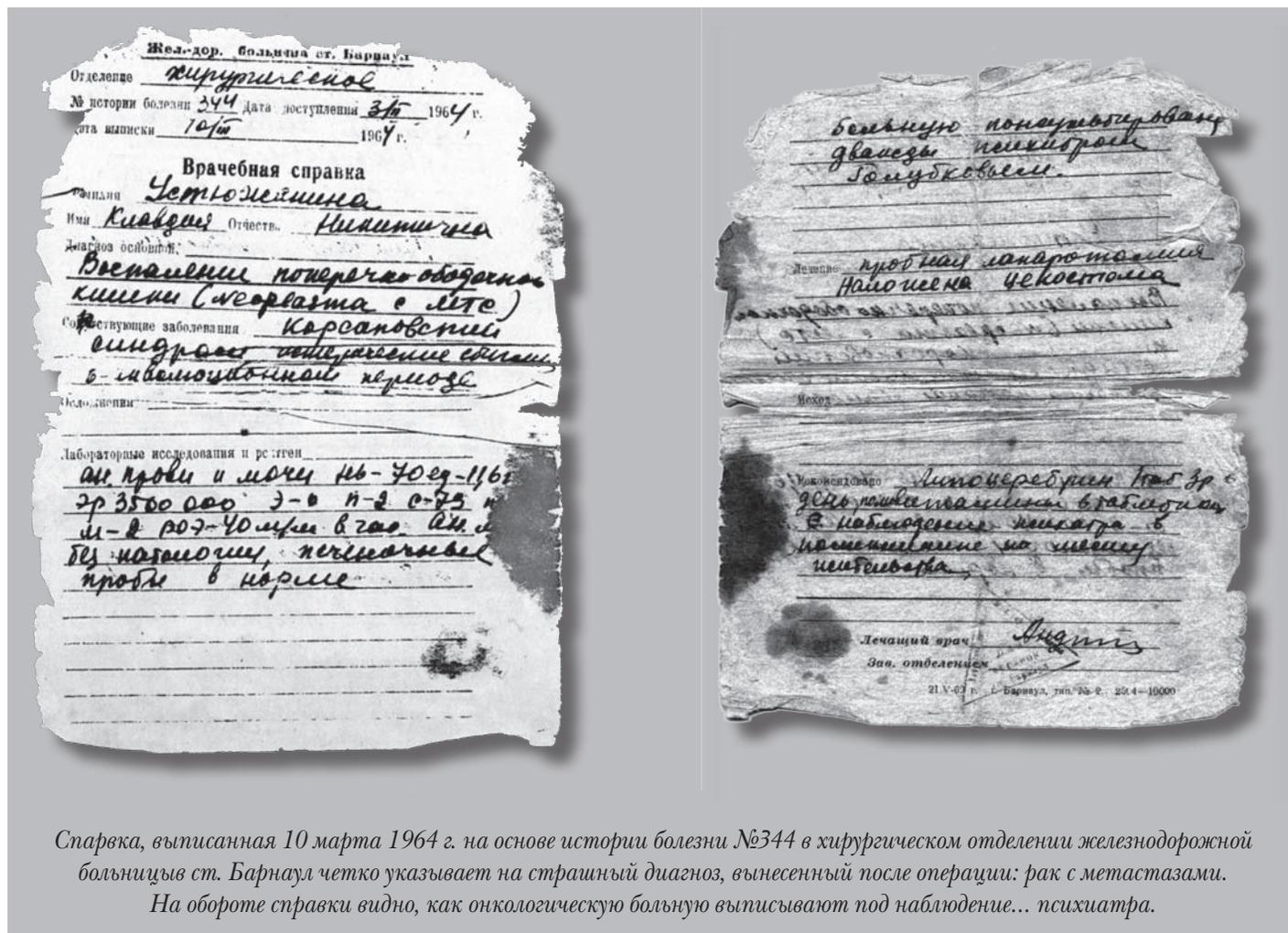
А в тот момент она лежала, беспомощная, не зная, что с ней будет дальше. Даже соображать толком не могла. Ведь душа ее не имела духовного понятия, духовного воспитания. Ей было только страшно и стыдно.

«ЖИЗНИ ОСТАЛСЯ МИЗЕРНЫЙ СРОК...»

Ангел вкладывает ей в ум третий вопрос, и Клавдия спрашивает:

— Господи, у нас на земле говорят, что здесь, на Небе, есть Царство Небесное.

На этот вопрос Господь ей не ответил.

Справка, выписанная 10 марта 1964 г. на основе истории болезни №344 в хирургическом отделении железнодорожной больницы ст. Барнаул четко указывает на страшный диагноз, вынесенный после операции: рак с метастазами. На обороте справки видно, как онкологическую больную выписывают под наблюдение... психиатра.

«Знаю, что слышит, а почему не отвечает — не знаю. Я уж крутила головой — туда и сюда, так и не дождалась. Смотрю: врата снова открылись. Царица Небесная вышла в коричневой мантии, быстро пошла ко мне — в руке косичка.

Господь и говорит Царице Небесной:

— Подними ее и покажи ее «рай».

Царица Небесная сделала чуть заметное движение пальцами — и меня как током подбросило: я мгновенно встала — лицом на восток. Потом Она к северной стороне протянула руку — там точно занавес открылся с молниеносной быстротой, и всю меня повернуло лицом в ту сторону. Вижу, впереди огромное поле — тянется справа налево и вдаль, конца ему не видать. Я сначала думала: поле горелых кочек. А когда пригляделась — вижу: все они шевелятся. Мне стало страшно: как это — кочки шевелятся? А это люди, живые, но обгоревшие, обугленные люди, хотя и нос, и уши, и пальцы — все цело. Это души их были — черные, как уголь! Их не узнаешь — кто там: он или она. Не различишь. Шевелятся. Разговаривают — словно прибой морской шумит. Просят меня, называя по имени, чтобы передала на землю: если кто боролся против

Бога — то лучше бы не родиться тому человеку. Покаянно выплескивают передо мной свои грехи («я блудник», «я вор, разбойник», «я убийца...»). Я поняла, что это люди, жившие без веры, умершие без покаяния».

Клавдии не было сказано, кто именно эти люди, когда и почему они туда попали. Но Господь дал ей такую восприимчивость слов, которые изливались из этого моря людского, что она знала, о чем просит каждый. Но в целом просьба была одна: молитесь, поминайте нас, кайтесь! А там, на Небе, покаяние не принимается — только здесь, на земле. Все эти люди в Царствие Небесное не войдут за богохульство. Ведь любой грех — это есть богохульство.

Клавдия ощущала от них невозможный смрад, и никуда не могла деться от этого смрада: лица не отвернешь, не шевельнешься — ноги как будто электросваркой приварены... И люди эти стояли так же, не имея возможности шевельнуться, — плотно, как в тесном автобусе.

Тут пронзили ее Слова Господа, сказанные перед тем, как она увидела это поле людского горя, — о том, что живущие на земле не чтят Творца своего, а только грешат. «Каяться надо и не грешить, ибо жизни остался мизерный

срок» — эти слова Господа она продолжала слышать всей душой. Она вдруг поняла, что для нас это было сказано, для всех нас! Ведь Господь оставил на земле для всего мира один Закон, а не два! Один на всех. Поэтому мы должны молиться об этих людях. Они передали предостережение Божие Клавдии, а она передает нам — живущим на земле. Это и является великой, живой проповедью Божией. Через эту проповедь Благодать касается нашей планеты...

Не все это поняла сразу Клавдия Никитична, но испытала такое потрясение, что у нее потоком полились слезы, и она из глубины души воскликнула:

— Господи! Царица Небесная! Пусть я буду живой на земле! Я буду молиться, буду всем рассказывать, что видела и слышала на Небе.

Царица Небесная снова сделала движение рукой — и видение закрылось, воздух очистился от смрада. Когда рассказывала мне об этом Клавдия, вспомнил я ее слова: «Если б Господь сотворил бы это с мамочкой моей — никогда бы не поверила». Действительно — как может поверить тот, кто сам не пережил подобного?..

Когда Царица Небесная махнула рукой вниз — город Барнаул стал виден, как в увеличительное стекло. Видно было все в мельчайших деталях — даже соломинки. Увидела Клавдия свой магазин и говорит:

— Вон магазин, в котором я работала.

А Богородица кратко так отвечает:

— Знаю!

Клавдия чуть не заплакала от стыда, думая: «Кому я говорю?! Она же все знает!» А Царица Небесная показывает:

— Посмотри на храм!

И в тот же миг Клавдия видит внизу голубой купол и крест.

— Посмотри, как там молятся!

И опять — купола как будто не стало, словно он превратился в хрусталь или стекло. Посмотрела Клавдия на всех, кто был в храме, — ни одного своего знакомого не увидела... Только служащего батюшку Николая Войтовича, которого она знала. А когда увидела, как старушка со старичком крестятся, иконы целуют, поклоны кладут, — вспомнила, как дважды заходила в Покровский храм, когда была жива-здоровая, и всех осудила, осмеяла, назвала глупыми. А теперь, увидев этих людей сверху, она закричала в слезах:

— Господи, какие же люди умные — верят, что Бог есть, образу Его поклоняются!

Ее всю трясло, она рыдала. И Царица Небесная позволила ей наплакаться вволю. Потом Она снова сделала движение пальцами — и все исчезло...

В это время от блестящих врат сами поплыли к ним

двенадцать пластин — прозрачные, словно стеклянные, напоминающие вагончики, соединенные золотыми цепочками. Царица Небесная говорит Клавдии:

— Становись на них, сначала ставь правую ножку на пластину, а затем левую.

И так на каждую. И когда она дошла так до двенадцатой пластины, видит — там только одна рамочка золотая, самого же днища нет.

— Я упаду! — говорит Клавдия.

— Не бойся, — утешает Царица Небесная и дает ей косичку — как бы из ее же волос. Взялась Клавдия за косу правой рукой, Матерь Божия подняла ее (душа нисколько не весит — легонькая, будто маленькая деревянная ложечка), встряхнула — и полетела Клавдия со скоростью молнии, абсолютно не ощущая сопротивления ветра, прямо вниз. Увидела лежащего мужчину без ног — ему ноги отрезало поездом, успела увидеть свое тело. А потом ничего не помнила.

«Я ДОЛЖНА РАССКАЗАТЬ, ЧТО ВИДЕЛА И СЛЫШАЛА...»

Установили у постели Клавдии дежурство — и врачи, и сестры менялись через несколько часов. Никто не знал, будет ли она жить дальше, что будет с ней.

Когда она пришла в себя в палате, боли не ощутила и долго не могла понять, где находится. Увидела окно, лампочку, человека в белом, вспомнила, что это врач, — память к ней возвращалась постепенно. Она вспомнила, что жила на земле, тяжелую операцию, вспомнила все, что произошло с ней на Небе после ее смерти... И вдруг пальцы у нее сами собой соединились в троеперстие (а ведь до того она почти совсем креститься не умела, забыла, как это делается!)... Открыла она глаза — на нее смотрит дежурная медсестра.

— Слава Тебе, Господи, слава Тебе, Господи, слава Тебе, Господи! — вдруг воскликнула Клавдия, хотя до этого она не знала никаких молитв.

Медсестра, дежурившая возле нее, бросилась к двери и закричала, не спуская с пациентки глаз:

— Скорей сюда!

Прибежала еще одна женщина в белом халате. Клавдия говорит им:

— Собирайте людей, я должна рассказать вам, что я видела и слышала на Небе...

«Придя в себя, я торопила их, не зная, сколько проживу, какой срок мне установил Господь, — то ли час, то ли два, то ли больше. Но абсолютно никакой боли не ощущала — как будто была совсем здоровой».

Но, конечно, была еще очень слаба — долго не могла есть и пить. Когда ее выписали домой, то каждый день

продолжали делать ей уколы. Многие люди ходили за ней, выхаживали Христа ради.

А ей нужна была и духовная поддержка. Ведь выписка, данная железнодорожной больницей станции Барнаул 10 марта 1964 года, была равносильна приговору. Диагноз «воспаление поперечно-ободочной кишки (неоплазма с МТС)» — то есть с метастазами! — означал рак в тяжелой стадии. Уныние стало посещать Клавдию:

— Как же я дальше жить буду?.. Тогда Христиныя, ее хожалка, решила:

— Завтра пойду в храм, закажу водосвятный молебен, принесу водички, окропим все — полегчает...

Назавтра Клавдия осталась одна в сильной печали.

«Легла я на койку. Дверь закрыта на ключ. Вдруг слышу: ко мне кто-то подходит. Я испугалась — ведь дверь закрыта! Вижу — надо мной стоит старец с белой бородкой, в подряснике, руку держит у груди и ласково так говорит: «Не плачь, Клавдиюшка, никакого рака у тебя нет». Поворачивается и уходит. Я ему вслед: «Дедуля, дедулечка, обожди, поговори со мной!» А он не останавливается — но идет не к двери, а на кухню. Я обрадовалась — сейчас на кухне с ним поговорю. Захожу на кухню, а там — никого... Думала — со мной что-то неладно. Хотела кричать от горя, от досады: как это со мною случилось — и видела, и слышала, а никого нет... А как воздух в себя вдохнула — почувствовала аромат необыкновенный: ладаном пахнет... Тогда я начала креститься: ой, кто это был?! Какой-то угодник Божий был?! А кто — не знаю... И так мне хорошо, что не могу нарадоваться. Пошла в горницу — и там необыкновенный аромат ладана. Я села в кресло, крестилась, молилась без конца. Глянула на часы — а уже 7 часов утра. Не заметила, как время пролетело... Вот такая радость бывает».

Когда Клавдии Никитичне наметили повторную операцию в городской больнице, Валентина Васильевна Алябьева, которая должна была ее делать, попросила помолиться об успешном исходе.

— Пресвятая Богородица, — взмолилась Клавдия, — благослови, чтоб операция была безболезненной, а Валентину Васильевну благослови оперировать меня...

Эта операция (произведенная несколько месяцев спустя после первой — «смертной») выявила то, что до сих пор у большинства медиков не укладывается в голове: полное исцеление от рака, хотя совсем недавно в брюшной полости обнаруживались метастазы...

«МЕНЯ ЛУКАВЫЙ БЬЕТ!..»

Осмысливая все происшедшее и происходящее с ней, Клавдия Никитична переживала еще одно чудо: из чело- века неверующего превращалась в сознательно верую-

щего. А это было очень просто.

Поначалу, когда Клавдия Никитична только что вернулась домой после больницы и ее стало посещать множество людей, чтобы расспросить, как все было, — она, полная впечатлений от недавно пережитого благодатного состояния, говорила всем:

— Рассказывайте обо всем, что услышали от меня, своим родным, пишите знакомым!

Но приходило немало и просто любопытных. Эти неверующие люди говорили:

— Это у вас сон такой был!

Приходили и «стукачи» — проверить, что она рассказывает. Она в своих рассказах власть не задевала — придраться вроде не к чему! Да и людей интересовало только то, что с ней произошло, — какой Клавдия была и какой стала! То неверующей была — а то вдруг о Боге говорить начала... Как такой переворот получился? Только поэто-

СССР
Министерство здравоохранения
Горбольница
Г.Х.О.
название и адрес учреждения,
выдавшего выписку

Учет. ф. № 27
Утверждена Министерством
здравоохранения СССР
1958 г.

ВЫПИСКА
из истории болезни амбулаторного, стационарного
(подчеркнуть) больного
В Богородицкая
название и адрес учреждения, куда направляется выписка

1. Фамилия, имя и отчество больного Клавдия Никитична Возраст 49 лет
2. Место жительства Н. Крупецкая 96
3. Место работы и место работы Зав. магазином
4. Даты: а) по амбулатории: время заболевания Март 1964
направления в стационар 11/Е-64г.
б) по стационару: время поступления 14/Е-64г.
выписки или смерти (подчеркнуть)

6. Полный диагноз (основное заболевание, сопутствующее, осложнение; при летальных исходах — патологический диагноз)
Краниальный рецидив и ретроцеребральный папиллома, метастазы в передних отделах спинного мозга, Церебелла.
Спонтанный процесс брюшной полости

Г. Выписка, заменяющая обменную карту, служит: а) путевой-подлинник (амбулатории, диспансер) при направлении больного в стационар; б) увеличенном в поликлинику (амбулаторию, диспансер) о выписке из стационара (выписанном, умершем) больном.
2. В выписке из поликлиники при направлении в стационар детей особенно важно указать в анамнезе перенесенные острые инфекционные заболевания, прививки.

Выписка из истории болезни, выданная 14 июля 1964 г. 1-м хирургическим отделением горбольницы, описывает клиническую смерть, перенесенную больной в железнодорожной больнице, и онкологический диагноз, с которым она поступила на повторную операцию

му власти стали утверждать, что она ненормальная.

А вскоре начались нападения лукавого — через недобрых людей.

Ее соседи, что жили рядом с ней, во второй половине дома, похоже, занимались колдовством. Зайдя как-то к ним, я сам убедился, что их вполне можно назвать «работниками черной магии». Очень не по-доброму они меня встретили: не ответили на приветствие, старик на меня разъярился, замахнулся, назвал Клавдию нехорошим словом. Начал я псалом «Живый в помощи Вышняго» читать — им плохо стало. Старуху аж затрясло, она упала прямо на моих глазах — у нее началось что-то вроде припадка. Оно и понятно: враг не любит, чтобы о Боге слава шла. А эти люди врагу служили...

Когда я приехал к Клавдии Никитичне в первый раз, она долго не хотела меня отпускать. Может быть, потому, что она видела столько недоверия и издевок

по отношению к себе, — и ей было легче оттого, что я безоговорочно верил. А кроме того, ей, видно, очень помогало то, что я молился в ее доме: нападений бесовских стало поменьше.

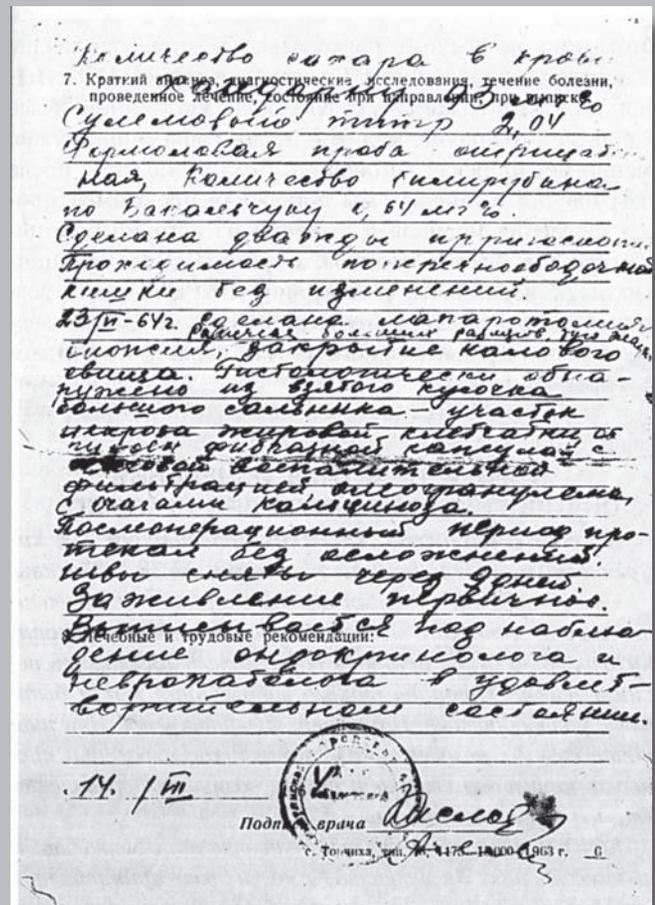
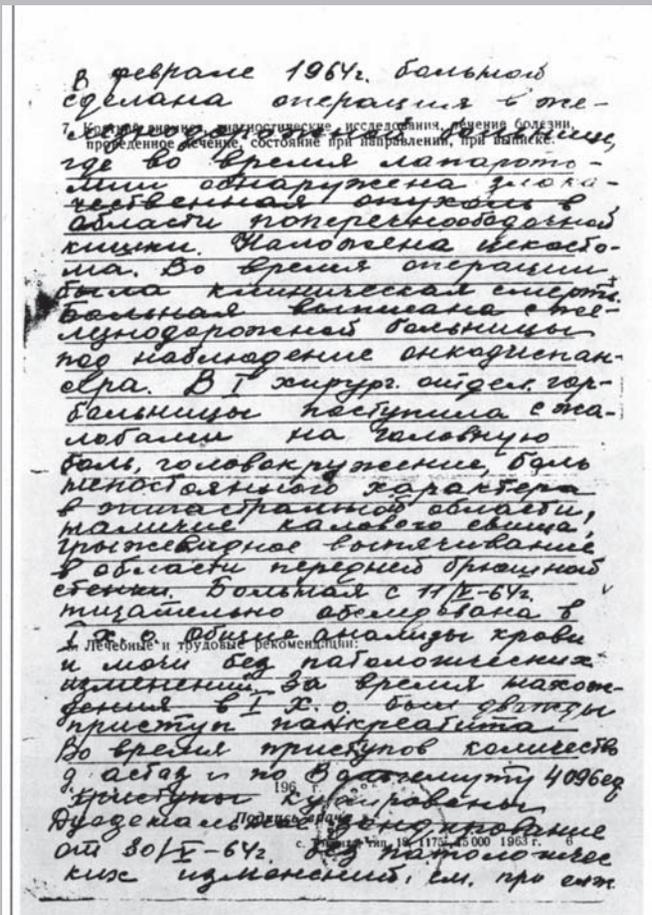
Но долго еще ее мучили дома бесовские нападения. Однажды приехал к ней, захожу в дом, а она кричит:

— Скорей! Меня лукавый бьет! Крести мне скорей спину — они меня так мучают!

Клавдия, сильно согнувшись от боли, прислонилась к печке, не в силах стоять, а я стал читать «Да воскреснет Бог», крестить ее. Вдруг рука у меня налилась такой тяжестью, будто я гирию поднимаю или глину мешаю! Чувствую: деревенеет моя рука. Но я не переставал усердно молиться, и вскоре мы оба почувствовали облегчение.

— Ой, слава Богу! — вздохнула Клавдия и выпрямилась...

Возможно, из-за действий бесов, нападавших на нее,

По этим двум страницам выписки видно, что повторная операция не обнаружила признаков рака у Клавдии Устюжаниной

Клавдия Никитична однажды заболела так, что не могла ходить. Суставы болели так, что не могла даже повернуться на другой бок - ее поворачивала старушка по имени Христинья, которая взялась за ней ухаживать. Она топила печку, а есть Клавдия ничего не ела — пропал аппетит.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ НА ПРОПОВЕДНИЧЕСТВО

«Однажды Христинья прилегла на кухне отдохнуть... А я на коечке лежу — неподвижная. В доме никого нет. Дверь, как обычно, закрыта. Вдруг слышу чьи-то шаги. Глянула: а ко мне подходит молодая монашенка, красивая такая. Называет меня по имени:

— Ну что, Клавдия, болят у тебя суставы?

А у меня в это время, действительно, так суставы болели, что и руки отнялись. Но в тот миг я и о боли забыла, только смотрю на нее во все глаза: как она зашла? Ведь Христинья спит, а дверь закрыта... Да и где я видела ее, такую хорошую, — забыла, и кто она такая — не знала... Тогда эта монахиня и говорит:

— Ну, вставай, Клавдия. Надо ходить. Надо кушать. Надо рассказывать».

О чем — рассказывать? Клавдия сразу поняла, что речь идет о ее рассказах про чудо, с ней случившееся. Ведь врачи твердили ей, что все это — сон, бред, ничего, мол, такого на самом деле не было... А после слов этой необыкновенной женщины сомнения отступили, Клавдии стало так легко и свободно! Ведь Святая Жена подтвердила, что рассказ Клавдии — это не сон, а живая проповедь небесная. Значит, похвально говорить о делах Божиих...

«А монахиня идет спиной к двери. На порог встала. Тогда я опустила ноги на пол — и сама не заметила, как поднялась на ноги, а ведь до того и шевельнуться не могла. Иду за ней, хотела Христинью разбудить, сказать ей: «Что ты спишь, такая гостья у нас!» Только на миг перевела взгляд на Христинью — а уж этой Святой Жены нет, хотя дверь не открывалась! В этот момент Христинья проснулась и воскликнула:

— Ой, Клава! Что я сейчас во сне видела! Здесь какая-то удивительная святая была!

Целует порог:

— Здесь она ступала!..

И ручку дверную, за которую она держалась, тоже целует...

— Клава, какая я счастливая, что взялась ухаживать за тобой и такой святой сон видела...

Когда же Христинья увидела, что я на ногах стою, — еще сильнее заплакала:

— Ой, Клава, а ты-то стоишь! Какая радость!.. И заплакали мы вместе».

После этого случая Клавдия Никитична стала рассказывать обо всем, не боясь наговоров. Получилось, что она стала проповедовать по повелению Святой Жены, которая ей явилась дома. Это было как благословение Божие, переданное через неведомую святую угодницу...

Много людей приезжало к Клавдии - я сам свидетель. При мне приезжали из Новосибирской области, из Томской тоже. Ехали со всей страны. Побывали у нее мои двоюродные сестра и зять. Много раз видел ее и слушал дьякон отец Никифор...

А в Томске весть о чуде Божиим прозвучала с церковного амвона. Отец Александр Пивоваров рассказал о барнаульском чуде на проповеди в Лазареву Субботу.

В то время я как раз служил в Петропавловском храме и был живым свидетелем, как люди воодушевились словами отца Александра.

— Адрес? Какой у нее адрес? — разнеслось по храму. Тогда отец Александр добавил:

— Тем, кто желает лично убедиться в воскресении Клавдии из Барнаула, встретиться с ней, — могу назвать ее адрес...

Множество народа после этой проповеди поехало в Барнаул. А отца Александра тут же взяли на крючок:

— Что вы такое проповедуете? Кто это воскрес?! Хотели заводить против него уголовное дело, грозили даже лишиться сана. Ведь он был энергичный, заботливый — привлекал к себе молодежь, учил ее. А этого властям тогда было не надо.

Многие в Томске спрашивали меня о том, что рассказала мне Клавдия. Я всем говорил об этом чуде, никому не отказывал — ни в храме, ни дома у кого-либо. Тут же за мной начали слежку кагэбэшники. Прихожане меня предупредили:

— Женщины, что за вами ходят, подсланы из КГБ.

— Пусть ходят! — ответил я. — Пусть следят. Я рассказываю только то, что я видел и слышал сам, ничего не прибавляю, а о властях ни словечка не говорю.

ПОД СЕНЬЮ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ

О барнаульском чуде стало известно в Троице-Сергиевой Лавре. Приезжали паломники из далеких стран:

— Где тут у вас женщина, которая воскресла? Слышали об этом монахи, да подробно рассказать не могут: Клавдия Устюжанина в Сибири, куда иностранцам доступа не было.

Игумен Лаврентий и игумен Наум (сейчас они оба архимандриты) пригласили ее в Загорск — она нужна была как живой свидетель...

Собралось лаврское духовенство. Когда Клавдия,

стоя на коленях, все рассказала старцам (она называла одного из них – архимандрит Серафим, имени второго я не знаю) - они плакали перед иконой Спасителя, просили Господа, чтоб Он весь мир оставил в мире для покаяния. Они почувствовали, что эта проповедь – живая, что свидетельство Клавдии Устюжаниной – послание с Неба на нашу землю, чтоб нас разбудить от греха, чтобы мы осудили свои греховные поступки и жили готовыми к встрече с Господом...

Клавдии Никитичне все тяжелее становилось жить в Барнауле. Но она не сразу решилась переехать под сень преподобного Сергия. Не стесняясь, она открыто рассказала мне о причинах такой неторопливости. Дело в том, что в первый приезд в Загорск ее кормили бородинским хлебом, который ей очень не понравился. Ведь она, работая продавцом, привыкла к белому сибирскому – пышному, душистому. И когда стали ее приглашать в Загорск жить – она (такая уж противная была!) не поехала... из-за хлеба. Через какое-то время приехала женщина с письмом из Лавры, чтобы помочь ей продать дом и хозяйство. Клавдия опять не поехала - и опять из-за хлеба. И в третий раз отказалась переезжать. А потом задумалась:

«Поняла я после этого, что теперь враг будет меня выгонять! Вижу во сне: приходят две черные женщины, и у них рога на голове. Проснулась: думаю – Боже мой, что же со мной будет дальше? Вдруг после обеда приходят... две женщины – и прямо к столу. Разворачивают документы: «Распишитесь – вам письменное предупреждение, чтобы к вам никто ни шагу! А то какого-то Бога тут проповедуете». Я не знала этих женщин, но догадалась, что они из исполкома. Распахнула я двери и говорю им: «А ну-ка, давайте, уходите! Указывать мне пришли! Меня Господь воскресил, чтобы я всем об этом рассказывала. А из ваших предупреждений ничего не получится!»»

Клавдия была резкая, но справедливая – за словом в карман не полезет, всегда режет правду, как ножом... Ушли эти женщины, но пригрозили на прощание:

– Мы уйдем, но вместо нас другие люди приедут! Они с вами по-другому говорить будут. Понятно?

– Я все поняла: милиция приедет! – ответила им Клавдия и, почувствовав неладное, побежала к Агафье, которая жила через дорогу.

– Помоги мне собраться!

В чемодан вещи складывать уже некогда – побросали кое-как в мешок. Вдруг увидела в окно: двое милиционеров к дверям идут - значит, милиция уже приехала...

– Ой, Агафьюшка! Закрывай скорее меня в шифоньер! Милиционеры заходят:

– Здравствуйте! А где хозяйка?

– Она в школу ушла, к Андрюше, – схитрила Агафья. Они и ушли. Открывает Агафья шифоньер, а Клавдия вся взмокла от волнения.

– Слава Богу! Пронесло...

Надо выходить. А вдруг у дома караулят? Пришлось уходить задами, чтобы милиция не увидела.

Перехватила Клавдия Никитична Андрюшу по пути из школы – и, оставив домовничать соседа, поехали они в Загорск. Спустя некоторое время купили домик в маленьком городке Струнино – невдалеке от Загорска. Там, под сенью преподобного Сергия, и жила Клавдия, благовествуя людям обо всем, что сделал для нее Господь, – четырнадцать лет жизни было ей даровано после неизлечимой болезни: рака с метастазами... А сыночка ее Бог призвал на путь священства – он закончил семинарию и Духовную академию в Загорске.

* * *

Как мне и было предсказано в 1948 году, мне довелось встретиться с Клавдией Устюжаниной всего пять раз. Три раза я был у нее в Барнауле. Два раза встречался в Струнине, когда был уже дьяконом, – приезжал со своим сыном Петром, он тогда как раз поступал в семинарию... Ну и Андрюша, которого я так полюбил, тоже священником стал – служит теперь в Успенском монастыре г. Александрова...

У меня, как я уже говорил, сомнений в воскрешении Клавдии никогда не было. Господь воскресил Клавдию Никитичну для поддержки нашей веры – это великая проповедь. Великая благодать посетила православных для подкрепления всех нас. Надо благодарить Господа за такой великий дар.

Но встречал я и другое отношение. Помню, рассказывал об этом случае одному человеку. Он был другом моего отца – хороший, образованный человек. Прежде в Бога верил. А в 30-е годы, когда разрушили церкви, веру потерял. Рассказал я про барнаульское чудо, а он и говорит мне:

– Ну, милок, хорошую ты сказку рассказываешь. Но я не верю, что есть Бог и что у человека есть душа. Умер, закопают – и все!..

А потом он сам умер. Где-то сейчас его душа? Молюсь за него...

Да, по вере каждому дается. «Я не имела веры, а Господь меня пожалел», – часто говорила Клавдия Никитична Устюжанина. Будем и мы молить Господа о милости к нам, маловерным...

ПРОТОИЕРЕЙ ВАЛЕНТИН БИРЮКОВ

УРОКИ ОТЦА ПИМЕНА

Иеромонах Пимен, служил в 50 - 60-е годы в г. Алейске Алтайского края

Вслышал я о нем в декабре 1965 года от женщины, которую встретил в Барнауле, в доме у Клавдии Устюжаниной, к которой я приезжал узнать о случившемся с ней чуде исцеления. Спросил у нее адрес этого священника да прямо и поехал к о. Пимену в Алейск. Я сам тогда еще не был священником – пел в церковном хоре в селе Тогур. На станции в справочной еще спросил, когда пойдет поезд на Барнаул. Оказалось, через три часа. Ну, думаю, слава Богу, времени хватит. Пришел к нему на квартиру. Выходит келейница батюшки, Мария Яковлевна, старушка-монашка: «Батюшка, гость к нам пришел...» – «Знаю, матушка, знаю», – отвечает он.

Смотрю – идет худенький священник лет 50, борода наполовину седая. Подходит ко мне, снимает пальто, берет меня под локоток: «Пойдем. Будем водосвятный молебен служить. Сейчас мать приедет, у нее сын Анатолий как пришел из армии, так два месяца в больнице пролежал. Но не помогла ему больница ничем. Святой водички ему надо». А сам готовит все для молебна – стоит ждет. Ну, я думал, они уже договоренные с той женщиной, которую мы ждали. Наконец она приходит: «Батюшка! Можно вас попросить...» – «Ну, давай, давай, мать, раздевайся, бидон давай сюда... Вода уже налита, все приготовлено.»

Сотворили водосвятный молебен. Отец Пимен сам попил святой водички, мне дал, пришедшей к нему женщине в бидон вылил воду. «Батюшка! Когда еще придать?» – «Никогда! Сын твой духовно больной, но сейчас ему уже получше. Пусть по ложечке или по полстаканчика святой водички пьет натощак, молитвы читает – вот и поправится. Будет работать, хорошая работа у него будет, он у тебя молодец.»

Я же – за той женщиной. Спрашиваю: «Вы уже были сегодня у батюшки?» – «Нет. Никогда прежде не была! В первый раз пришла». Я сразу понял: правду говорили мне, что он прозорливец, иеромонах Пимен. Только скорей, скорей отхожу от той женщины. Думаю: «Сейчас батюшка меня увидит, неудобно будет, что такой я любопытный». Тут батюшка идет, сразу ко мне: «Ну вот, теперь будешь знать...» Я покраснел до пяток. Как он узнал,

что я полюбопытствовал у этой женщины?.. «Ну, ничего, пойдем...»

В горницу зашли, где совершали молебен. «Батюшка, обед готов, – говорит матушка Мария Яковлевна. – Приглашайте гостя!» Помолвились мы, сели за стол. Я хоть и не хотел есть, хлебнул супа – и так он мне понравился. Начал есть быстро, а сам думаю: «Какой вкусный суп!» А батюшка мне и говорит на ухо: «Да вот потому и вкусный, что матушка Мария Яковлевна готовит. Она монашка, все монашеские правила вычитывает. И все с молитвою делает – зажигает от лампадки огонек, от лампадки печку зажигает. Вот она чистит картошечку – «Господи, благовослови». Все крестит, все с молитвой. Она без молитвы не живет. Вот поэтому и вкусный суп». Я только на него посмотрел и думаю: «Как он жил, что все мои мысли знает?» Он мне сразу отвечает: «А вот сейчас покушаем – я и расскажу, как я жил».

Эх ты, Господи! Опять попался! Я тогда понял, что он вправду прозорливый. Видит меня насквозь. Это какую духовную силу надо! Сижу, боюсь шелохнуться. Наконец закончили трапезу, поблагодарили Господа. Я иконам поклонился, хозяевам: «Спаси Господи, дай Бог здоровья!» «Ну, пойдем в горницу, – говорит мне батюшка, – будем беседовать». И начал он рассказывать, как прожил свою жизнь.

«Ну, слушай. В миру звали меня Мишей. В детстве служил пономарем, службу отлично знал – читал, пел. Шло время. Я подрос, уже парнем стал. В армию меня не брали, потому что я слабый, комиссию не прошел. Мои друзья все поженились, у них уже дети, да по двое. А я еще один. У меня подруги не было. Мне и говорят: «Миш, ну что ж ты? Вон, Мария-то Панова – смотри, девица какая! Женись, хорошая у вас семья будет. Детки хорошие будут».

Я знал Марию прекрасно. Хорошая девушка. Проводил ее раз до дома, потом другой раз – только как друга проводил, не коснулся даже ее никак... А потом вернулся в храм, зашел в алтарь, сто поклонов земных сделал, так что даже рубашка взмокла... Пришел домой, со скотиной убрался, поужинал и лег спать. Утром встаю – слабость какую-то ощущаю. День, неделя – не могу кушать, аппетит потерялся. Водички попью – и все. А ничего не бо-

лит. Усталость какая-то – и все. Мама переживает: что с сыном?.. Пока еще крепость была, ходил, управлялся с делами. А потом уже и ходить не могу. Тогда мамка пригласила священника – поисповедовал он меня, причастил, месяц спустя пришел еще раз – пособоровал. На прощание батюшка сказал мамочке: «На все Божья воля». Тогда мама поняла. Уж раз батюшка так сказал: на все Божья воля, – значит, дело худо. Мать вернулась – бух на колени. Поклоны, слезы. Папка пришел, рядом встал и плачет. Давай с матерью вместе молиться. А я лежу в лежку. До того истощал, что понял – мне уже не жениться. Какой я жених – сам себя не таскаю. И понял я, что нет мне благословения на женитьбу. «Господи, оставь меня живым, – прошу, – маму жалко, как она плачет... Если я умру – не знаю, останется ли мамочка в живых».

Папочка с мамочкой поплакали, а все-таки надо и со скотиной управляться... Вернулись, покушали, помолились, спать легли. Тут я мамочке говорю: «Мам, дай пить». Ох как она обрадовалась. Поняла, что аппетит возвращается.

После этого я помаленьку стал кушать и поправляться. Потом папе и говорю: «Пап, запрягай лошадку, вези меня в церковь». Папа меня под руку, мать под вторую – из саней вытаскивают, в церковь ведут. А люди смотрят, шепчутся: «Миша приехал! Слава Богу!» А Мария стоит, нос повесила – не знает, куда определить себя. И Мария осталась одна, и я один. Вот так. Вот такая судьба... Потом, когда уже стал я снова служить, батюшка спросил меня: «Ну что, Миша, жениться будешь или как?» – «Нет, какое там! Какой я жених...»

Стал пономарем в Алейске. А потом рукоположили в дьякона, через два месяца – в священника. Стал иеромонахом Пименом. Два года прослужил – увидел во сне: нашу церковь ломать будут. И показано было, кто именно из нашего села будет храм ломать. И через два года пришло это время. Те самые люди, которых я во сне видел, которых хорошо знал, церковь – на замок, меня – за бороду (а борода-то еще была – три волосинки), в вагон – и на Колыму. Ну, как везли – известно. В телячьих вагонах. В чем захватили, в том и поехали. Хлебушка не дали с собой даже!

Привезли нас на Колыму, а там уже тысячи людей работают. Много накопилось «врагов советской власти». Мы – пополнение «врагам». Заставили меня рыбу чистить. Разговаривать запрещено было как на работе, так и за столом. И часовой стоит ночью, чтобы не было никакого разговора. Заговорил – бунтовщик.

Кормили нас одними вареными рыбьими головками. Полный таз этих головок принесут, кружка или две ки-

пятка без варки, без сахара (сахар и не спрашивай!) – вот и все пропитание. Все обовшивели, грязные-прегрязные, уставшие. Жили в казармах. На нары из бревен веток накидают – вот и постель. Одежды никакой не давали. В чем приехали, в том и работали, одежда наша – и постель нам, и подушка. Мыла когда дадут по кусочку, когда не дадут. Зато кипятка сколько хочешь. Ну ладно, мы хоть этими головами наедались. Рыбу же солили и в бочках катили на пароход.

Работали только заключенные, а конвоиры были гражданские. Вооруженные. И плетки у них были. Работали буквально до смерти. Кто не может – расстреливали и забивали, как собак... И вот я насмелился, сказал как-то вслух: «Вот нас пасут, как скотинушку, и кормят, как скотинушку». А часовой хоть и у двери стоял (а я шестой был от края), услышал. «Кто это говорит?!» Подошел. За руку меня поймал, руки как клещи: «А ну-ка, бунтовщик! Выходи!» Вытащил на улицу, шапку снял с меня. С крыши капель – снег и дождь. Поставил под капель. Каплет мне прямо в темечко. Я стою. Чувствую – голова совсем замерзает. А часовой мне кричит: «Стой!» Хотел прикладом меня ударить, размахнулся. Думаю: будь что будет: Потом голова закружилась, закачался я, упал – не помню как. Когда очнулся, уже лежал на кровати в больнице. Голова как будто в огне горит и кажется огромной, как бочка. Температура страшная. Аппетит исчез. Долгое время даже слова сказать не мог – такая адская боль была. Потом узнал, что у меня менингит – страшная болезнь. В это время на Колыму привезли пополнение, и конвоирам, когда они направлялись обратно, велели: «Возьмите вон того мальчика, который все кричит: «Мама, мама!» Уведите его, он еще молодой...»

Короче, списали меня как совсем негодного к работе, как нежилца на этом свете. Отдали документы. Конвоиры доставили меня домой, в Алейск, в отцовский дом, – прямо по адресу. Перешагнули через порог – папочка дома был, мамочки не было. Как папочка увидел меня – так и упал на колени: «Ой!!! Миша приехал!» Мамка пришла вскоре. Наплакались. А потом покормили, чем было, милиционеров. Они уехали. Оказались добрые люди, эти милиционеры. Хорошо, говорят, что меня привезли.

А я упал – не знаю, сколько и спал. А проснулся – голова болит. Стану молиться – мне легче. Взялся читать Псалтирь. Читал, читал – и упал, не знаю, сколько я спал. Меня не стали трогать. Так и стал читать до тех пор, пока не упаду и не засну. Очнусь – начинаю снова. Только молитва мне и помогала.

А потом соседка приносит газету: «Батюшка, смотрика, приказ Сталина – надеть погоны, открыть церкви»...

Это был 1943 год. Что-то изменилось в стране, если случилось такое. Прочитали, поплакали, порадовались, сели чайку попили, молча посидели. Через два часа приезжает председатель Алейского исполкома, а с ним два дедули.

«Здравствуйте, батюшка. Вот газета вышла. Приказ Сталина - открыть церкви! Мы церковь уже освободили, зерно убрали, почистили, помыли все. Люди стоят ждут. Приехали за вами. Как ваше здоровье? Вы сможете служить?» А я на них смотрю, молчу - не знаю, как отвечать. Какое мое здоровье? Только что сижу, только что едва хожу.

Сильно голова болит. Они меня второй, третий раз спрашивают: «Батюшка, ну что вы не отвечаете? Сможете служить? Поедьте!» А я молчу - не знаю, как отвечать. «Батюшка, вот смотрите, - снова начали они, - церкви открыли, а ведь ни одного священника нет, всех порасстреляли, только вы один остались».

Я подумал-подумал, на восток показываю и говорю: «А туда, обратно, не увезете меня?» - «Нет-нет, - говорят, - это уже все прошло! Сейчас приказ Сталина вышел». - «Ладно, давайте одежду!» - сказал наконец. Одели меня, посадили на телегу, привезли к той самой церкви, из которой брали. Как я глянул - упал на колени, слезы потекли ручьем. Не мог своими ногами идти. Страшно вспоминать даже... На коленях полз я до алтаря и все плакал. Люди встали на колени и тоже плакали...

У меня дома были подрясник, крест - надел все. Заполз кое-как в Алтарь, старички со мною зашли. Престол был закрыт клеенками, простынями. Раскрыли - на престоле крестик маленький лежит и Евангелие. Слава Богу, хоть Евангелие сохранилось! Принесли свечи, зажгли. Пришел псаломщик: «Давай, батюшка, возглас!» Поставили меня на ноги. А я не могу стоять - плачу. Слезы сдавили горло. Два старичка меня подняли - один справа, другой слева, держат под руки, помогли поднять руки. Я только сказал: «Благословен Бог!» - и упал. Не мог стоять на ногах. Залился слезами. Люди снова заплакали. Снова подняли меня. «Батюшка, давай возглас!» Я тогда набрался силы, только сказал: «Благословен Бог наш и ныне, и присно, и во веки веков!» - и упал опять. Они тогда сами сказали: «Аминь!» - и пошла служба.

Просфоры постряпали, принесли, чашу принесли, кагор - все у людей нашлось. Трое суток я не выходил из церкви, трое суток молился. Не кушал, не пил, даже на улочку не ходил по естеству. Голова упадет - задремлю ненадолго, проснусь - и опять служба. Ночью и днем. Люди не хотели уходить из церкви - так наскучались по службе. Настолько были рады, настолько хотели молиться!..

Одни уходят, другие приходят: «Батюшка, нам бы покреститься, исповедаться...» На четвертые сутки совсем

без сил я вышел в церковный двор. Мне говорят: «Батюшка, вам сторожку истопили, вычистили, вымыли. Пойдем туда!» Я упал и спал не знаю сколько... Две недели прошло, я думаю: «Надо бы домой за бельем съездить». Двое прихожан взялись проводить меня. Лошадку привели. Я только за ворота вышел, только перекрестился - у меня голова закружилась. Упал я и не помню, как упал. И слышу, как в душе у меня слова звучат: «Молись! Пошли человека - белье принесет. Молись!» И я очнулся. Боже! Бог повелевает молиться! Даже упал - и то молись. Вернули меня в сторожку. Потом белье принесли, вымылся я горячей водичкой. И слава Богу! И стал молиться.

Вот с этого момента Господь даровал мне прозорливость. Вижу каждого человека, каков он. Мысли вижу людей. Будущее знаю каждого. Страшно говорить даже об этом. Никому до того не рассказывал. Тебе же говорю, как сыну: это не мое, это Господь даровал такую крепость силы...

Заранее открыто было мне, что Никита Сергеевич Хрущев закроет нашу церковь. Я сказал тем самым двум старичкам, которые привели меня в церковь в 1943 году: «Завтра мы служим последнюю службу. После службы придут церковь закрывать по приказу Хрущева». Так все и случилось. Убрали мы все святыни, книги. Выходим из Алтаря. Смотрим - стоят четыре человека. Два милиционера и двое из исполкома. У них уже были замки свои, пломбы.

Я говорю моим старичкам:

- Идите со мной рядом. Сейчас к нам подойдут и назовут меня по имени-отчеству.

Двинулись эти люди к нам на встречу.

- Вот, Михаил... - называют меня по имени-отчеству, - по приказу Хрущева ваша церковь закрывается.

Я только сказал им:

- Не наша воля, а ваша воля. Пока...

Они свои два замка повесили - на обе двери, а также две пломбы.

Был у меня антиминс, и стал я совершать службу дома по ночам, в спальне, где помещалось человек пять. Стали помогать мне монахиня, матушка Мария Яковлевна, и несколько старушек. Все делалось втайне, на службу приходили только доверенные люди...

Приближалась Пасха, готовились совершать ночную службу. Но милиция об этом узнала. Ну, и я по милости Божией знал, что в эту Пасху придут пять милиционеров, чтобы захватить нас - за то, что мы совершаем службу. Служили мы, завешивая окна одеялами, чтобы свет не просвечивался, - и на улице, и у соседей, и возле дома много глаз. Службу закончили пораньше: уже в три часа ночи все ушли. Открыли двери, освежили комнату, чтоб в воздухе не чувствовался запах ладана. Все прибрали,

чтобы признака не было, что здесь проходила служба. Я стою, молюсь, канон читаю Пасхальный. В епитрахили, с крестом. Свечи горят, сени открыты, двери открыты, калитка открыта. В пятом часу в дверь стучатся. Матушка Мария Яковлевна приглашает: «Заходите!» Заходят пятеро милиционеров. А я приготовил в прихожей шесть стульев: пять в ряд и один напротив. Они входят, как в фуражках пришли, так и стоят. Я знаю, что они благословения брать не будут. Подхожу, каждому руку подаю: «Ну, здравствуй, Иван Петрович, здравствуй, Григорий Васильевич!» Каждого называю по имени-отчеству. Один милиционер снимает фуражку и говорит: «Я таких людей еще не видел. Не знает нас, а по имени-отчеству назвал...» А я им отвечаю: «Садитесь, милые сынки, вы пришли меня поймать, да сами попались!» Они оглядываются кругом: нет, никого нет, никакой помехи.

Тогда я и говорю им: «Мы живем в мире, где царствует грех. А грехи такие бывают...» И начал. Рассказал одному все его грехи, другому и третьему. Они: «Батюшка! Так это вы про меня говорите!» И другой, и третий так же. А я то же и четвертому, и пятому. Тогда они обомлели. «Батюшка! Учи нас! Мы ничего не понимаем. Только не говори никому про это!» «Вы сами не скажите, - отвечаю. - Я-то не скажу. А вы придете домой - своим супругам: то-то-то». - «Нет, нет! Не скажем никому». «А у тебя вот супруга некрещеная, - говорю, - у тебя мать некрещеная... А ты сам некрещеный». А они опять просят: «Батюшка, учи нас. Покрести нас». Прощаясь, сказали: «Батюшка, что надо - говори. Во всем поможем».

Итак, они стали помогать, с большой любовью помогали. В ночное время огород копали. Посадили ночью, чтобы никто не видел, а сами нарядились так, чтобы их не узнали. Дров привезли. Колодец вычистили. Оградку отремонтировали. Картошку окучили и всю выкопали - спаси их Господи. Не давали мне ничего делать: «Батюшка, учи нас, учи». Все покрестились. Всех их повенчал тут, в домике. Такие стали друзья с ними!..»

Вот как бывает в жизни. Видите, что значит правда Божия. В душу благодать входит, потому что она нужна, потому что она истина, любовь это не поддельная, не искусственная любовь, а истинная любовь, правда Небесная. Она входит в душу, и человек начинает понимать ее и становится из врага великим другом.

Чтобы понять это, всем нам нужен был такой молитвенник, как отец Пимен. Он ведь девственник был, женского пола ни разу не коснулся. Условия его жизни были только скорбные. Он сам был худеньким, слабеньким,

даже больным, а духом такая сила! Вот и судите: зло или благо болезнь, если телесный недуг помогал держать душу в чистоте...

Через два года после нашей встречи отец Пимен отошел ко Господу. А его уроки до сих пор у меня в памяти. Прощаясь, я поклонился и сказал ему:

- Спасибо вам большое!

А он - грозно так на меня глаза вскинул:

- Проси прощения!

- А за что? - удивился я.

- Неправильное ты слово сказал.

- А как надо?

- Спаси Бог! - громко произнес о. Пимен. - Только так. Иначе говорить - это грех. Что такое «спаси»? Это же Сам Спаситель. Кого мы просим о спасении? Бога, а не какое-то «бо». Так и надо говорить: Спаси Бог, Спаси Христос! Спаси Господь! Скажи всем...

И я тоже с тех пор все о том наговариваю. «Спасибо» - это говорить даже стыдно. Ведь Спаситель и Бог пришел всех нас спасти. А мы даже ленимся или не хотим полностью, правильно выговорить слово - Бог. Мы не думаем, какое это повреждение нашей жизни. Подумаешь, мол, буква! А, к слову, скажет преподаватель:

- Ребята, напишите «стол».

Они напишут, а последнюю букву не допишут. Получится не «стол», а - «сто»! Ох! Куда попали. Таких примеров много. Попробуй торговый работник в отчете - одну цифру пропусти. Что будет? О-хо-хо! Сердце заколотится! Давление повысится. А потом ревизия проверит - все товары целы. А что случилось? Да цифру пропустили! Вот как одна цифра действует в жизни. А тут - закон Божий написан. Закон! Божий. А мы его полностью пропускаем. И не одну букву, а все буквы. Так куда же мы попадаем?

Попав на тот свет, Клавдия Устюжанина спрашивала:

- Господи, как я буду жить, если мое тело все изрезано? А нам понять надо, что у всех нас душа изрезана! То - тело. А то - душа. Мы все пораженные. Душа у нас у всех больная. Так сделаем ревизию в нашей душе! Видите - сколько недостатков у нас в жизни-то! В семье. В обществе. В Кремле. Если мы в земной школе в тексте требуем даже запятую точно поставить. А тут - школа Небесная. А тут - закон Божий у нас не исполняется. [...] А поэтому нам надо Господа Бога просить всюду и всегда о вразумлении и о молитве. А чтобы нехорошие мысли не лезли, как говорил отец Пимен, «надо душу свою закрывать духовно Божьим законом. Не болтовней заниматься, а с Богом разговаривать». Благодать Его любить и ценить.

Протоиерей Валентин Бирюков